

Ксения
Север

Иная жизнь
Евы

Ксения Север

Иная жизнь Евы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67266782

SelfPub; 2023

Аннотация

У вас хоть раз было желание изменить одно единственное событие в прошлом? То самое, которое делит жизнь на «до» и «после»? Мое Желание исполнилось и жизнь круто изменилась. Из «серой мышки» в «мисс популярность», из болота отчаяния в роскошную жизнь. Любовь, подруги, семья... Или это только видимость? Сейчас я расскажу вам сказку. О жестокости и любви, о горечи предательства и силе настоящей дружбы. С капелькой отчаянья и ноткой боли. Я расскажу вам сказку, в которую вы, может, не поверите. Но для меня эта сказка – жизнь. И я все ещё верю, что у неё счастливый конец.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	40
Глава 4	51
Глава 5	85
Глава 6	103
Глава 7	120
Глава 8	134
Глава 9	156
Глава 10	171
Глава 11	189
Глава 12	201
Глава 13	214
Глава 14	225
Глава 15	246
Эпилог	253

Ксения Север

Иная жизнь Евы

Глава 1

– Не смей больше переступить порог моего дома! Глаза б мои тебя больше не видели!

Вопли за стеной сменились воем и невнятным хорошо знакомым бормотанием. Вся кровь прилила к щекам. Все ясно... Мой нерадивый папаша в очередной раз решил навестить меня, любимую кровиночку, после очередных бурно проведенных выходных. Но вот беда, на его пути попалась бывшая жена, по совместительству являющаяся моей матерью.

Каждый пьяный стон отца отзывался внутри тупой болью. Этот, некогда родной человек, за последние годы раз за разом врывается в нашу тихую спокойную жизнь, принося лишь одно разочарование.

Я подскочила со старенького скрипучего дивана, резко распахнула дверь и застыла, шурясь от яркого света.

Отец в осколках зеркала полулежал на бежевом линолеуме. На его руках я заметила свежие порезы. Мать, сжав руки в кулаках, грозно нависла над ним. Ее каштановые волосы торчали в разные стороны, брови сошлись на переносице,

а темные глаза готовы были метать молнии.

– Ева! Закрой дверь с обратной стороны! – голос матери дрожал от гнева.

В этот момент отец завалился на бок, размазывая кровавые следы по синим цветочкам на обоях, а затем завыл от боли. Мамино внимание переключилось на него.

– Замолчи! Ничтожество! Пошел вон из моей квартиры! Ты бессовестный, отвратительный...

Внутри будто что-то щелкнуло. Я непроизвольно бросилась к отцу, пытаясь параллельно найти взглядом нечто хоть отдаленно напоминающее бинт или полотенце. В нос ударила тошнотворная волна смеси запахов перегара, табака, затхлости и грязи.

– Мама, пожалуйста...! – я присела на пол и попробовала оттащить папашу из груды осколков, но его пьяное сознание не намерено было мне помогать. Он просто сидел и стонал.

– Прекрати сейчас же! – мать схватила меня за плечи, – Не смей прикасаться к *этому*! Он наверняка болен чем-то заразным!

– Мам! Он истекает кровью! – мне все же удалось вытащить руки отца из осколков, – Ему нужна помощь!

– Ему поможет только вытрезвитель! – Мать развернулась и с высоко поднятой головой скрылась за дверью кухни. – И чтобы к твоему уходу ноги его в нашем доме не было!

Я не могла его вот так бросить или вытолкнуть в подъезд... Не могла! Поэтому попыталась оттащить нерадивого

папашу в комнату и хоть немного обработать его раны. Еще бы в обморок не грохнуться от витающего вокруг него запаха перегара.

– Пап, если ты сейчас мне не поможешь, то мама точно вызовет полицию в следующий раз, – я зашептала и попыталась подтолкнуть отца в сторону комнаты, – Ну же!

Путь до нашей небольшой спальни равный двум нормальным человеческим шагам мы преодолевали невыносимо долго, и это практически отбило у меня желание помочь этому, когда-то родному, человеку. Но взяв свою волю в кулак, я усадила папашу на пол, прислонив к стене, а затем прошмыгнула в ванную за полотенцем, чтобы предпринять меры по очистке рук отца от крови и грязи.

К тому времени как хлопнула входная дверь, а хлопнула она довольно грозно, мне удалось обработать раны нерадивого родителя и даже замотать его ладони бинтом. Решив, что этого будет достаточно, я собрала все осколки в прихожей, и прихватив свою потрепанную школьную форму, решительно направилась приводить в порядок себя.

Сегодняшний день не мог начаться по-другому. В моей жизни все идет через одно место. Наверное, стоит отменить сегодняшний поход в кино. Это с самого начала было плохой идеей. Правильно Лизка говорила. Дожила до семнадцати лет без свиданий, значит и начинать уже поздно. О каких парнях вообще речь? Одиннадцатый класс, на носу ЕГЭ, а у меня в голове «розовые сопли»! Нужно больше занимать-

ся, чтобы поступить на бюджет, а не заниматься всей этой ерундой! И вообще, за три часа сидения в кинотеатре можно заработать пятьсот рублей промоутером.

Я включила воду и перевела взгляд на зеркало.

Стекло отразило тощую бледную девушку с огромными серыми глазами в посеревшей от времени рубашке. И на что я вообще надеюсь? Неужели сам Роман Волков, волейбольная звезда нашей школы, всерьез может пойти с такой как я на настоящее свидание? Это будет просто поход в кинотеатр в расплату за то, что я делала за него домашки по английскому полгода. И даже если он вообще придет, то сядет в противоположном конце зала.

Сердце болезненно сжалось в груди. К горлу подступил комок.

Он – мачо. Я – изгой. И с этим ничего не поделаешь, этого никак не исправить. Все чертовы десять лет школы меня либо не замечали, либо надо мной издевались. Просто так. Ради хохмы. С первого по восьмой класс самыми безобидными моими прозвищами были «свинарка», «нищенка» и «поломойка». Приколы у богатеньких одноклассников были такие – поржать над той, которая не может отомстить. В начале девятого класса я попросту перестала обращать на все это внимание и... наступило затишье. Я выжила в этом филиале ада на земле, научилась не обращать внимания ради учебы в лучшей школе нашей провинции из восьми имеющихся. Можно сказать элитное заведение! Сюда отбирали детей по

размеру кошелька родителей, но мне «повезло». Меня, дочку продавщицы, приняли на обучение в числе тех немногих, которые прошли систему тестирования.

Вот так я стала девочкой для битья, невидимкой.

Нет. Этот поход в кино точно стоит отменить. Нужно знать свое место пока мне в очередной раз не сделали больно.

Я плеснула на лицо водой, завязала волосы в тугой высокий хвост и покинула помещение ванной комнаты.

Отец успел перебраться с пола на кресло и рассматривал свои руки с долей пьяного удивления.

– Ева, доча... – голос папаши оказался сиплым и дрожащим, как у дряхлого старика. Дряхлый сорокалетний старик. Звучит ужасающе.

– Пап, – я давно решила не вести никаких диалогов с ним в таком состоянии, – Нам нужно выметаться отсюда. Мама будет в бешенстве, если увидит тебя во второй раз за сегодняшний день. Точно сдаст тебя в полицию.

– Постой, – серые глаза отца, точь-в-точь мои, смотрели на меня умоляюще, – Воды. Принеси.

Это просто стакан воды. Один стакан, и мы уйдем отсюда. Успокаивая себя, я вздохнула и направилась на кухню.

– Ты мой ангел! – отец заговорил бодрее после третьего стакана, но его речь по-прежнему была невнятной. «Ты мой анзел» – вот что на самом деле проговорил сквозь зубы папаша.

– Твоему ангелу крылышки пообрывают, если он опоздает в школу. Идем.

Спокойно, Ева. Он твой отец. Родителей не выбирают. Спокойно.

– Ева! – Внезапно отец схватился за мои руки ладонями в бинтах. Я отшатнулась, – За что она так со мной? Я люблю ее, тебя люблю... всех люблю...

Глаза папаши наполнились пьяными слезами. Нет уж, на эти уловки я больше не поведусь.

– Пап! – заговорила строго, жестко, – Нам нужно идти! Ты меня слышишь?

– А помнишь, я купил тебе сладкую вату и шарики в парке? – отца понесло дальше по волнам пьяных воспоминаний, – У тебя тогда были хвостики, как у белочки... ты смеялась... и мама смеялась...

– Это было пятнадцать лет назад! Хватит, – я резко оборвала слезливые речи. Затем стащила папашу с кресла и направилась к двери. На душе будто кошки скребли.

– Ты как она! – Отец рявкнул с обидой в голосе, – Такая же... жесткая, грубая... Я твой отец! Помни это!

Вся кровь прилила к щекам. Меня затрясло.

– Я все помню, это ты забываешься! Тебе освежить память??

– Ты не понимаешь... Ты моя дочь, мой ангел... А она нас разлучила! Из-за нее я такой! – папаша вцепился в дверной косяк.

– Мама нас не разлучала. – Я разжала его слабые пальцы. – Все произошло по твоей вине! Прекрати сюда приходить!

Черт возьми, да зачем я с ним вообще разговариваю? Он невменяем!

– Она меня выгнала! А я вас любил! Ты – мое солнышко, мое светлое...

– Хватит! Ты знаешь, как было на самом деле, – голос предательски дрогнул.

– Да! Да, доча! – отец начал кричать, – Я ошибся! Все ошибаются! Но Я вас всегда любил! Твоя мать – вот кто сволочь!

– Не смей так говорить!!!

– Да! – папаша, наконец, вывалился в подъезд, – Твоя мать могла бы простить меня! Сейчас бы катались...как сыр...ик...в масле! На мерседесе! У нас...ик...была бы семья! Ты... должна это понимать! Я не виноват...

Я замолчала и, скрывая злость, подтолкнула пьяного родителя в кабину подъехавшего лифта. Хоть он и не трезв, а знает, в какое место бить больше всего. Конечно же, я помнила. Все помнила. Как нам втроем было хорошо, как папа с мамой любили друг друга, как меня водили в парк на карусели и покупали сахарную вату. Всю жизнь я думала о том, а что было бы, если наша семья не распалась. Если бы моя мама вместо того, чтобы судорожно броситься на любую работу, лишь бы прокормить ребенка, закончила бы университет. Если бы папа вместо того, чтобы падать все ниже по со-

циальной лестнице смог бы и дальше работать инженером, добиваться успехов в своей профессии. Как бы все сложилось? Было бы всем от этого лучше?

– ... и доча, я тебе одно скажу! – отец навалился на меня всем своим весом пытаюсь обнять, – Я люблю тебя! Ты мой ангел!

Кое–как мне удалось вырваться из пьяного захвата и подтащить родителя к выходу.

Вот он заладил со своим ангелом! Будто не понимает, что как раньше уже не будет! Никогда не будет! Он выбрал свой путь!

Нужно скорее сдавать отца на руки его новой жене.

– Ев–в–у–ушка! Поговори со мной! Ты думаешь, я алкоголик? Я не алкоголик!

– А кто же ты? – я невесело усмехнулась.

– Я залечиваю душевные травмы! Твоя мать! Она меня искалечи–ила... забрала мою кровиночку–у...

– Успокойся, – я заговорила, сцепив зубы, – рядом твоя кровиночка.

Мы, наконец, добрались до нужного подъезда, и, прислонив отца к стене, я набрала номер квартиры на домофоне.

– Ева! – отец испуганно и узнавюще рассматривал дверь, – Ты хочешь сдать меня этой женщине?! Ева!

– Папа, эта женщина – твоя законная жена, – в этот момент из домофона прохрипело грозное: «Володя?!», поэтому пришлось протараторить, – Галина Григорьевна, спусти-

теть, пожалуйста.

Из динамика полетела брань и какие-то непонятные звуки. Я решила не вступать в разборку между отцом и его очередной, на этот раз законной, женой. Убедившись, что отец не в состоянии куда-либо сбежать, поспешила удалиться от подъезда.

Путь до школы пришлось преодолевать бегом по ноябрьским подмороженным скользким лужам. Ветер раздувал полы тонкого пальто, пробирая до костей. Ноги норовили разъехаться, но я чудом добралась до «филиала ада» в целостности и сохранности. Для полного счастья не хватало только сломать себе какую-нибудь конечность. Лизка встречала меня возле школьных ворот. Подпрыгивала на месте в попытке согреться и крутилась в разные стороны с недовольным видом. Ее темные короткие волосы топорщились в разные стороны, а на круглом румянном лице читалось недовольство.

– Я тут уже фигов час торчу! – подруга, наконец, заметила меня и нахмурилась, – Где тебя черти носят?

– Не черти, – я коротко мотнула головой и направилась следом за подругой к школе, – Отец решил украсить мое утро легким ароматом перегара и речами о вечной любви.

– Это же надо так сказать, – Лиза понимающе хмыкнула, – В тебе погибает писательница.

– Угу. Мечтательница, – поправила я подругу, – И медсестра. Знаешь ли ты, как сложно бинтовать изрезанные руки невменяемому человеку. Я вот не знала

Мы направились к школе.

– Не принимай близко к сердцу. Скоро вся эта жесьь закончится, – Лиза накинула на меня руку, – Вот поступим в универ, съедем в общагу, заживе–ем...

– Угумс. Сначала столкнемся с общим душем на этаже и грязным сортиром, а возможно даже с полчищами тараканов, и это хорошо, если не будет клопов! Далее многочисленные соседи по комнате не будут давать спать, а еще одна из твоих новых псевдоподружек приведет нового хахалю и попросит освободить комнатку на половину ночи...

– Хватит! – Лизка мотнула головой, – Стоп. Прекрати! Ты же оптимистка по жизни.

– Похоже, что не сегодня, – перескакивая через ступеньки мы добрались до холла школы.

Здесь, как всегда, было не протолкнуться. Стоял гул сотни голосов. И никому не было никакого дела до нашего появления. Ничего нового.

Мы рухнули на одну из освободившихся лавочек.

– Погоди–погоди! Сегодня же тот самый день, да?

– Сегодня еще один понедельник, – я пожала плечами, – Итого осталось примерно двадцать...

– Ты прекрасно знаешь, о чем я! Я про тебя и Волкова! У вас же сегодня с ним сви...

– Тихо! – я шикнула, старательно отводя взгляд, – Это просто поход в кино. Может мы будем сидеть в разных концах зала... Хотя скорее всего, так и будет...

– Ев, если бы это не было словом–которое–нельзя–называть, черта с два ты бы пошла смотреть «Ржачные каникулы», – Лизка хмыкнула. – Хотя я бы на твоём месте...

– Это просто кино, Лиз! – я скинула пальто, переобулась, – Я делала за него домашку помогала с английшем, он отведет меня в кино, ясно?

– Ясно, – Лизка закатила глаза. – Нафига тебе это надо? Чует моя задница, что ничего хорошего из этого не выйдет.

– Что может случиться в кино? Ну? Лиз, все в порядке. А ты что вечером делать будешь?

До урока оставалось десять минут, и мы неспеша направились в сторону кабинета, протискиваясь между спящей малышкой.

– Эй! Осторожнее! Головы себе порасшибаете! – Лизка закричала на весь коридор, вызывая лишь хохот у младшеклассников, – Что я делаю. Да как всегда. Алиску из сада заберу, покормлю, выгуляю... Блин, вот иногда думаю, она что, моя дочь что ли?

– Эй, она твоя сестра!

– Угу. От нее одна головная боль. Тут учудила, блин! Заперлась от меня в ванной! И утащила айпад! Представляешь! Я в ее возрасте строила куличики в песочнице и в носу ковырялась, а она, видите ли, свинку пеппу решила посмотреть.

– И что в этом такого?

– Да то, что влетело от родаков то мне. Я же не уследила. Я рассмеялась.

– Тебя обхитрил четырехлетний ребенок.

Алиска покорила мое сердце с первого взгляда. Хитрющего, немного нахально взгляда. Эдакая лиса Алиса из сказки про буратино. Полная противоположность спокойной и рассудительной Лизке.

Интересно, была бы у меня сестра, если бы родители не развелись? А может брат? Нет, серьезно, я бы с большим удовольствием забирала его из сада, кормила, одевала раздевала... Только бы не видеть того, что происходит сейчас.

Внутри опять что-то екнуло. К горлу подступил комок.

– Ты так говоришь, потому что у тебя нету мелких, – Лизка не заметила моих переживаний, – Будь ты на моем месте, ты бы с ума сошла за вечер от Алискиных выходок.

– Она чудесная, – я заговорила, стараясь выровнять голос.

– Она просто маскируется, – мы вошли в кабинет и лицо Лизки исказилось от ужаса, – Вот че-ерт! Сегодня что, блин, контрольная?!

День шел своим чередом. После контрольной началась самостоятельная, которая сменилась лабораторной. Казалось, что именно сегодня школа решила выпить из нас все соки. Одиннадцатый класс! Подготовка к ЕГЭ! С первого сентября у учителей были такие лица, будто у надзирателей в тюрьме. Никаких сотовых! Никаких шпор! Даже мне, примерной отличницы, от такого контроля становилось немного не по себе.

После всей этой экзекуции пришла она. Спасительная

Большая Перемена. Время сплетен, обнимашек старшеклассников, беготни малышни и время перекуса. А учитывая то, что со вчерашнего вечера мой желудок был пуст, сейчас я обрадовалась этой перемене как никогда. Внутри меня, похоже, завелся кит, поющий грустные голодные песенки от одного вида помещения столовой. И все эти запахи щей и гречи с котлетами казались божественными ароматами.

Лизка зачарованно замерла напротив витрины с сегодняшним обедом. Толстая повариха в необъятном халате небрежно раскладывала по тарелкам не слишком аппетитные порции.

– Надо прекращать жрать. Сколько калорий я сегодня съела? – лицо подруги стало таким, будто она решает теорему Ландау, – За выходные я опять поправилась на восемьсот граммов. Надо садиться на диету. Жизнь – боль.

Из года в год одно и то же. Борьба с весом, который она упорно называла лишним. Но вес стоически держался, не сдавая позиций. Лизка грустила, ревела и заедала стресс пирожками, отчего вес опять стремительно рос.

– А смысл? – я хмыкнула, пересчитывая свои сбережения, – Твой вес как-то сказывается на твоём умении шевелить мозгами? А вот если ты будешь ходить голодная, то опять схватишь трояк и поругаешься с отцом. Оно тебе надо?

– Ты умеешь поддержать, блин! Ладно. Стану вечноголодным студентом, похудею, – Лиза облегченно улыбнулась, –

Нужно подкрепление мозга! Химия отняла у меня слишком много сил. А ты что будешь?

– Пирожок с чаем, – я насчитала ровно двадцать рублей, которых хватало ровно на пирог с яблоком и чай.

– Серьезно? – Лиза округлила глаза, – Ты хоть завтракала? Я не умела врать, поэтому просто передернула плечами.

– Нет, ты будешь еще картошку с мясом, – подруга грозно шикнула в мою сторону, – И убери свои деньги! Сегодня моя очередь платить.

– Прекрати, – я мотнула головой, – Моя очередь платить никогда не наступит. Лиза, прекрати...

– Поздно, – подруга улыбнулась и, выставив поднос перед кассой, затараторила, – Нам две порции картошки, одну порцию супа, два пирожка с яблоком и два чая. Спасибо.

По-моему вся кровь моего организма прилила к щекам. Что я могла сейчас сделать? Отказаться? Завопить, что не голодна? Глупо.

Пришлось молча отойти к столу, за которым мы обедали последние лет шесть. Немодный, вдали от сплетен, суеты и школьной «элиты». Место для невидимок. Зато здесь я могла чувствовать себя спокойно.

– Ты на себя в зеркало вообще в полный рост смотришь-ся? – Лиза уселась на свое место. В ее голосе чувствовалось раздражение.

– Бывает, – я принялась себя рассматривать, – А что не так?

– А то не так, что ты похожа на скелет, обтянутый кожей. Ты что, вообще ничего не ешь?

– Лиз, не начинай, а! – я взялась за горячую кружку и утопила свой пристыженный взгляд в чае. – У меня просто нет аппетита, серьезно!

– Я знаю тебя! – Лиза принялась уплетать суп, и продолжила с набитым ртом, – Прекрати экономить на том, что ты ешь. Иначе поступать в вуз будет некому. Усохнешь. Или ветром сдует.

Переживания подруги были оправданы. Я питалась крайне скверно. Продукты из холодильника старалась брать как можно реже, пытаясь таким способом сократить расходы мамы на еду. А все свои карманные и заработанные деньги откладывала на ноутбук. Правда, накопление проходило неважно, деньги постоянно требовались на сапоги маме, на пальто мне, следующим в очереди покупок стоял пуховик. Хотя возможно если эта зима будет не такой уж и холодной...

– И еще, – возмущение в тоне голоса подруги никуда не делось, – Ты на термометр уличный смотрела? В курсе вообще, что отрицательная температура?

– Угу, первый день зимы и все такое...

– Красота красотой, но в осеннем пальто ты загнешься еще раньше, чем загнешься от голода. Я просто в шоке, ты сама себе вбила в голову, что надо на всем экономить. Да, возможно, денег вашей семье и не хватает, но ты сама довела до абсурда свою экономию.

– Тебе не понять...

– Ой, эту песню я слышала уже, – Лиза фыркнула, – Я знаю твою маму, она явно не морит тебя голодом, и ты прекрати морить. Работай, работай вилкой!

Лиза временами напоминала мать – наседку. Она все время знала, как будет лучше и постоянно следила за всем вокруг. Если бы на месте подружки был любой другой человек, я бы, наверное, послала его куда подальше с его советами. Но Лиза, искренне желая мне добра, делала это так непосредственно и открыто, что попытка упрекнуть ее в чрезмерной заботливости была бы самым постыдным поступком в моей жизни.

Я нехотя взялась за вилку, подцепила котлетку и отправила ее в рот. Божественный вкус мяса заставил меня на время забыть о теме нашего разговора, и я принялась быстро поглощать содержимое тарелки.

– Одиночка опять на тебя пялится. Я тебе точно говорю, мысленно он уже тебя раздел, – заговорщицкий шепот Лизы отвлек меня.

Я резко развернулась и тут же уткнулась взглядом в чуть ссутуленную фигуру одноклассника. Его отросшие волосы спадали на лоб, а взгляд темных, как ночь, глаз был устремлен в мою сторону.

«Одиночка», точнее Алексей Дорошенко, появился в нашем классе два года назад и тут же, с подачи классрука, стал моим соседом по парте. Тихоня, спокойный, уравновешен-

ный и жутко молчаливый. Кличка «одиночка» прицепилась к нему с первого появления в классе. Блистал на уроках информатики, был на «ты» с техникой, а с людьми предпочитал держаться на расстоянии.

Странный, но в то же время что-то в нем было такое... Была какая-то тайна.

Одиночка действительно смотрел на меня, смотрел изучающе, скорее, как на подопытного кролика, чем как на девушку.

– Фигня это все. Я обещала ему отдать свою тетрадь по литературе, но ты ее наглым образом отобрала, – я пожалала плечами и легонько кивнула соседу по парте, он сразу же отвел свои большущие темные глаза, – И он не одиночка. Его зовут Алексей.

– Ах, он уже стал Алексеем, – Лиза захихикала, поедая свою порцию котлет, – Нет, правда, он слишком много на тебя глазеет. Кого бы ты выбрала, его или Волкова?

– Опять ты! – я возмутилась, – Начнем с того, что никто бы из них меня не выбрал.

– Не говори глупостей! Я же теоретически спрашивала. – Лиза подмигнула ухмыляясь.

– Чисто теоретически я бы выбрала Брэда Пита. Или Лео ДиКаприо. Еще не определилась, – я фыркнула и тоже захихикала.

– Фу-у, они же старые! – Лиза смеялась в голос, – Мне больше нравится Лиам Хэмсворт, он такой лапочка в филь-

ме...

– Хэй, девчат, о чем разговор? – голос раздавшийся справа заставил нас с Лизаветой вздрогнуть, – Ев, приветы! Ну что, как жизнь?

Роман плюхнулся на свободный стул, обдавая нас самой милой улыбкой, продемонстрировав идеально ровные белые зубы, контрастирующие с его пухлыми розовыми губами. Модная прическа, дерзко расстегнутая на верхние пуговицы рубашка, пиджак в закатанными рукавами, и этот чуть прищуренный взгляд...

Я застыла, подавившись словами и старательно скрывая напряжение за натянутой улыбкой. Ну все. Сейчас скажет, что кино не будет. А я даже помечтать о свидании не успела...

– Привет, Ром, – Лиза подскочила со стула, – Ев, я пойду в класс. У меня там ... эээ... дела. Важные и неотложные.

– Угум, – это все, что удалось из себя выдать.

Да что за ерунда такая?!

– Мне нужно поговорить с тобой насчет нашего...эээ... похода в кино, – Рома слегка коснулся моей руки своими тонкими длинными пальцами.

Ну, конечно. Как я и предполагала...

– Ты не сможешь сегодня? – голос безнадежно дрожал, – Ну что ж, в другой раз?

Я закусила нижнюю губу и даже попыталась улыбнуться. Одной «проблемой» меньше и тремя свободными часами

больше. Во всем есть свои плюсы. Я оптимист. Оптимист по жизни. Стараюсь им быть.

– Да не! Все норм! Не парься! – Рома хохотнул, сжимая мою руку, – У меня это, запара небольшая. Предки попросили помочь там по делам. Подождешь возле киношки в скверике? Ок? Я как освобожусь, живенько примчу.

– О, – это предложение сбило меня с толку и добавило еще больше дрожи в голос, – Хорошо. Ладно. Все ок.

– Если че, я наберу! Или маякну в ватсапе? Ок? Номер не меняла? – Рома опять предпринял попытку взять меня за руку, но это было для меня чересчур.

И так, половина столовой уже была занята обсуждением плотного общения изгоя и самого Романа Волкова. По этой причине я расправила плечи, спрятала руки под столом и постаралась расслабиться, чтобы не выглядеть уж совсем чокнутой.

– Нет, номер тот же.

Он что, реально собирается мне звонить? И у него сохранен мой номер?! Это что–то новенькое.

– Ну и супер! Тогда я...

– Эй, Ева! Привет! – вьедливый заносчивый голосок обрушился на лавной обрушился на сознание. Колосова. Стервозная блондинка с завышенным самомнением, отравившая мою школьную жизнь ядом своего презрения. Только ее здесь не хватало.

За прошедшие полгода я уже успела отвыкнуть от ее над-

менного голоса и едких фразочек в мою сторону.

– Ты онемела? Эй! – она щелкнула перед моим носом на-маникюренной лапкой.

– Лады, девчат! – Рома подскочил со стула. – У меня тренировка. Не скучайте!

– Слушаю тебя, – я стоически подняла взгляд и наткнулась на мину презрения на точеном личике одноклассницы.

– О! Есть контакт! Слышала, ты занимаешься английским с ребятами? Домашки всякие делаешь? – Марина мило улыбалась, провожая Рому взглядом. Ревнует? Волкова ко мне?! Да это уже не в какие рамки не вписывается...

– Больше не занимаюсь, – я коротко мотнула головой.

– Как жаль, – девушка вздохнула, – Я хотела нанять тебя репетитором моему братику. Сколько ты берешь?

Я молчала, сохраняя видимость спокойствия. Нужно просто не обращать на них внимания. Это всегда срабатывало.

– Марин, пошли отсюда, – из-за спины Колосовой вынырнула ее верная прилипала Вика Травкина. Ее я тоже тихо ненавидела, – Свинарка берет не деньгами!

Свинарка! Слово – пощечина.

– Вика! Следи за языком! – Маринка хмыкнула поморщившись.

– То есть Ева. Ева берет натурой, – Вика наиграно рассмеялась, – Идем отсюда. Ты же не хочешь, чтобы твой брат таскал в дом *такую мерзость*.

Последнее слово было произнесено с особым акцентом, а

затем она наклонилась и зашипела сквозь зубы:

– Думаешь Волков на тебя внимание обратил, да? Ты чмо, уродка. Запомни, это раз и навсегда!

Я подскочила с места и кинулась к выходу из столовой. Вика с Маринкой разразились диким хохотом за моей спиной. Опять! Опять это началось! Стоило только привлечь внимание этих стервятниц, как они тут как тут. Им просто стало скучно! А я попалась на глаза, да еще и в компании Ромы...

Внутри плескалось неприятное липкое чувство стыда и раздражения. Впервые мне хотелось найти внутренние силы, чтобы высказать Вике, что всем известно, каким путем ей достаются победы в олимпиадах, и почему именно Марина станет президентом школы. Но для них я никто, и звать меня никак. А все мои высказывания породят лишь большее количество унижений.

Мне остается лишь молчание.

Глава 2

Спустя полтора часа после окончания занятий, я, пританцовывала от холода возле афиши кинотеатра «Космос». Ледяной промозглый ветер пронизывал тонкое пальто, с неба летело нечто отдаленно напоминающее снег. Скорее, ледяной противный мерзкий дождик.

Взгляд устало изучал строчки ближайших сеансов, которые я, по-моему, уже успела выучить. Рома чертовски опаздывал. И я стояла здесь, как самая настоящая дура, только из-за его многочисленных извинительных сообщений в ватсапе.

Поэтому обойдя все ближайшие магазины по два раза, мне ничего не оставалось, как вернуться в исходное место и, дрожа как осенний лист на ветру, ожидать похода в кино.

Ну вот зачем мне все это надо? Для Ромы это просто ничего не значащее мероприятие под кодовым названием «Отвести ботаничку в кино, чтобы она и дальше делала домашки». Но я-то здесь зачем? На что надеюсь? На то, что у него внезапно проснутся «чувства» и этот поход перерастет в свидание?

Внутри что-то екнуло. Нет, мне нельзя больше заниматься всей этой ерундой! Сегодняшнее кино – ошибка.

Я втянула в себя воздух и медленно передвигая заледеневшими ногами двинулась к тротуару. Под ногами скрипел

коричневый песок, разбросанный дворниками в ожидании зимы, которая никак не наступала.

Не смотря на мороз и первое декабря, снег не торопился полностью окутать наш город. Лишь кое-где можно было разглядеть остатки сугробов, превратившихся в коричневые глыбы изо льда. Небо покрывало серое одеяло из низких облаков, выбрасывающих на город липкую серую массу. По проезжей части бурлили грязевые потоки, никак не вписывавшиеся в атмосферу предновогоднего ожидания. В такую погоду единственным желанием было закутаться в плед и пить горячий чай.

В кармане тренькнул телефон, и я остановилась, выжибая непослушными пальцами аппарат. Нужно сообщить Роме, что у меня появились дела, что я ухожу... Но стоило только взглянуть на экран, как сразу на меня обрушился поток чего-то холодного, липкого и грязного.

От неожиданности дыхание перехватило. Взгляд упал на грязные разводы на пальто. К горлу подкатил комок. Я рванула вперед, протискиваясь между многочисленными прохожими, спешащими по своим неотложным делам. Мир перед глазами расплывался от слез. Этот день не мог закончиться иначе! Ну вот зачем? Зачем я потащила сюда?! Знала же, что это дурацкая идея!

Нет, блин! Захотелось в кино! С парнем! Да ни с кем-нибудь, а с Романом Волковым. Которому на меня наплевать с высокой колокольни. Только в кино серые мышцы добива-

ются внимания мачо. А в жизни такие парни динамят таких как я! Черт! Взгляд уткнулся на экран телефона с открытым сообщением от Ромы «Уже еду».

Едет? Сюда? Я опять и опять перечитывала сообщение, пытаюсь понять, что же делать. Ох, Волков сейчас будет здесь и увидит меня в таком виде? Прямо сейчас надо бежать отсюда как можно скорее. Бежать от позора и усмешек. Я рванула вперед и...

Чуть не рухнула прямо на тротуар от сильного толчка в плечо. Я попыталась выровнять равновесие, размахивая руками и зацепилась за чью-то куртку.

– Эй! Ты совсем охренела! – злобно гаркнул над ухом звонкий девичий голос, я резко дернулась в сторону и... – Твою мать!!!

Раздался визг все той же дамочки. А следом девица, усиленно размахивая руками, рухнула на тротуар. Ее щедро разукрашенное косметикой лицо тут же исказилось от злости.

– Дура! – она рявкнула, пытаясь встать с тротуара.

Я бросилась на помощь.

– Прошу прощения, я не специально... – мой замороженный разум не смог придумать другого ответа.

– Кривоногая овца! Не специально она! – девушка бросила гневный взгляд в мою сторону, – Лучше бы вас, бомжей, переловили и отправили по приютам!

Бомжей? Я застыла на месте от такого сравнения.

– Вы не так поняли...

– Да иди ты к черту... – девушка фыркнула, – Вали отсюда! Вот черт!!!

Девушка судорожно водила руками по карманам джинс.

– Что-то случилось?

– Воровка!!! – незнакомка завопила на всю улицу и сделала рывок в мою сторону и вцепилась в мое плечо, – А ну возвращай мой телефон!!!

Что? Что за бред? Я протестующе замотала головой, пытаясь одновременно руками очистить лицо от слез и грязи.

– Какой телефон? О чем вы говорите? Отпустите! – я попыталась вырваться из захвата.

Толпа вокруг расступилась. Прохожие бросали на меня взгляды полные презрения.

– Что здесь произошло? – за моей спиной раздался глухой мужской голос. А следом перед глазами появился полицейский – молодой высокий мужчина в форме. И его серьезный сосредоточенный взгляд явно не предвещал ничего хорошего. Для него я тоже была уличной воровкой, попрошайкой...

– Она! – бойко отозвалась брюнетка, – Она сначала налетела на меня! Сперла мой айфон и кошелек собиралась спереть! Точно!

– Это не правда! – я попыталась запротестовать.

– Да не хотела я ничего воровать! – хотелось прекратить этот абсурд как можно скорее. Другим словом происходящее назвать язык не поворачивался.

– А это мы в отделении разберемся! – грозно заявил полицейский, – Родители есть? Или из приюта сбежала и теперь живешь за счет наворованного? Документы при себе имеются?

Документы? Я судорожно принялась обхлопывать карманы, конечно же, не обнаружив там ничего. Паспорт лежал дома, в шкафу, в безопасности от потерь.

– Паспорта нет, но есть дневник, там тоже фото... Да все не так было!

– Вот! Поймали–таки воровку! – загундел новый голос откуда–то из толпы, – Она у меня неделю назад телефон сперла! На этом же самом месте!

– Так то, вроде пацан был! – возразил гнусавый голос.

– Да не, она, точно она! – завопил первый голос, – Или пацан! Одна у них шайка!

– Вот что, – заявил мент, беря меня под руку. – В отделении разберемся.

– Уж разберитесь, пожалуйста! – залюбезничала дамочка, – А то по улицам страшно ходить из–за *таких*!

– Что за шум, а др–раки нет? – закричал из толпы до боли знакомый пьяный голос, – Ева?!

Глаза папаши немигающее уставились сначала на меня, а потом на полицейского.

– Твой напарник? – хмуро поинтересовался мужчина.

Во–от черт! Только папаши здесь не хватало! Я дёрнулась в сторону, что было воспринято как попытка к бегству.

– Всем стоя–ять! – скомандовал мент, – Кто вы, мужчина?
Вор? Пьяница? Мошенник?

– Что вы себе поз–зволя–яете? – отец подошел ближе, –
Что вам н–надо от моей доч–чери?!

– Все ясно! – полицейский попятился, выхватывая сво–
бодной рукой рацию, – Подкрепление к кинотеатру! А ты, –
мужчина ткнул в папашу, – Стой на месте!

– А ну убр–рал руки от моего ангела! – папаша рванулся
на мента, видимо почуяв, что мне что–то угрожает.

Отовсюду понеслись вздохи и ахи, кто–то даже вскрикнул
в тот момент, когда папаша со всего размаха заехал менту по
лицу. Мужчина, не ожидавший такой прыти от алкоголика,
на секунду остолбенел, дав возможность мне вывернуться из
захвата. Бежать! Срочно бежать домой!!!

Я рванула вперед, сопровождаемая криками толпы.

– Маленькая воровка сбегает!

– Держите ее!

Отец завопил за спиной. Я резко развернулась. И как раз
в этот момент мент с остервенением закручивал руки моего
непутевого папаша за спиной. Сверкнули браслеты наручни–
ков. Папаша продолжал орать что–то маловразумительное.

Сердце бешено колотило о грудную клетку. Черт! Что де–
лать?! Как остановить этот театр абсурда?!

– Постойте! – мой сорвался на крик, – Отпустите его. Он
не хотел...

– Маленькая нахалка! – мент вновь обратил на меня вни–

мание, – Стой, где стоишь, если не хочешь еще больших неприятностей!

Я бросилась прочь, чудом сохраняя способность передвигаться. Глаза застилала слезы. В спину летели ругательства и крики. Но я бежала. Прочь от позора, от унижения. Прочь от этой обезумевшей толпы в глазах которой я – воровка с отцом алкоголиком, которого хотят забрать в отделение за разбой.

Мокрая одежда липла к телу. Дыхание сбилось. Ледяной ветер обжигал обветренную кожу, но я не останавливалась.

Судьба с самого начала была против моего похода в кино! Так на кой черт меня понесло сюда?! Сама виновата... На что мне можно вообще надеяться?

– Ева, стой! – до меня донесся знакомый голос, а следом на плечи легли чьи–то руки.

Я развернулась и тут же уткнулась носом в хорошо знакомую куртку. Рома. Он все–таки решил прийти. И теперь я стояла перед ним грязная, замерзшая и заплаканная.

– Из–вини, – Холод пробрался в каждый сантиметр моего тела, и от этого голос дрожал, – Я спешу.

– Хэй! Ты чего? – Рома подхватил меня за руку и потащил вперед, – Чего случилось–то? Пойдем! У меня там тачка, доедем до кафехи...

– Нет, – я отпрянула, выхватывая свою руку, – Нет! Мне нужно срочно бежать...

Какой позор!

– Я пришел, а ты меня кидаешь, да? – на его лице отобразилось удивление.

– Нет. Извини, я правда...

Закончить фразу мне не удалось. Черная тень резко метнулась в нашу сторону, и в следующее мгновение Рому отбросило от меня на метр, прямо на тротуар.

Из горла вырвался вопль. Сердце подскочило в груди.

– Не надоело вам издеваться над девчонкой?! – закричала тень знакомым голосом, – Что, совести совсем нету? Продал в обмен на новый айфон?!

– Да пошел ты...!!!

Одиночка. Это был... Одиночка?! Я бросилась к парням.

– Стой! – вцепилась в Лешино плечо, привлекая внимание, – Что ты делаешь?! Прекрати!

Одиночка обернулся, оттолкнув Рому в сторону.

– Ева, иди домой, – Леша заговорил спокойно, но напряженно, – Чего вы еще от нее хотите? Мало вам?

Что?! Что происходит?

– Шизанулся пацан! – Рома стиснув зубы дернулся на него.

– Стой! – я бросилась к Роме, державшемуся за подбитую скулу, и принялась отряхивать его куртку от грязи. Парень казался, был удивлен и сбит с толку, – Прекратите! Дорошенко, какого черта ты здесь делаешь?

– Ева, лучше тебе знать всего. – Леша приблизился ко мне и оттянул меня за руку от Ромы.

– Чего не знать?! – я яростно оттолкнула одноклассника, – Того, что ты псих?!

– Того, что он – лживый урод! – Леша уперся взглядом в Романа.

– Вали отсюда, псих! – Рома рявкнул.

– И о чем же Рома врал? Говори! – мой голос сорвался на крик.

– Сама смотри! – Леша ткнул в экран своего гаджета, и оттуда послышалась музыка.

– Не смей...! – Рома попытался вырвать планшетник, но Алексей кинул его мне в руки, а сам резко толкнул Романа в сторону.

И в этот момент под идиотскую попсовую мелодию на экране замелькали фото и видео с моим участием. Вот – я танцую глупый победный танец после контрольной по алгебре. Дурацкий момент. Дальше повтор–перемотка того момента, как я рву старые трико на физкультуре. В горле появился противный комок, а руки задрожали от подступающих рыданий. Следующее видео – меня обдаёт гоночная тачка из лужи. И снова повтор–перемотка, и снова мою фигурку накрывает волной липкой грязи из лужи. Потом сцена с полицейским, разборки... Последнее, что успел зацепить взгляд надпись под видео «Колос продакшн by Волков энд Ко».

– Весело вышло, да? – Рома заржал в своей обыкновенной манере.

Нет. Не правда. Не может быть... Пальцы выпустили планшет, но Леша с готовностью его подхватил. Испорченное пальто, столкновение с девушкой, полиция... Это все было задумано ради хохмы. Ради «смешного» видео...

– Ты, мразь... – Одиночка бросился на Волкова, но мне было не до этого.

Сердце бешено колотило об ребра. Дышать стало невозможно. Из последних сил я рванула вперед. Ноги несли меня неведомо куда, в то время как голова просто отказывалась работать, а перед глазами не видно было ничего кроме пелены из слез.

– Тебе не место среди нас, уродка! – долетел до меня голос Романа.

«Уродка, уродка, уродка...» – билось в голове. Я бежала вперед, бежала подальше от позора, от гнусности и от лицемерия этого мерзавца, который каким-то невиданным мне образом смог обмануть мою интуицию.

Как? Как такое могло произойти со мной?! Как можно было так ошибаться в человеке? Имея искреннее желание помочь, я нарвалась на издевку и предательство. А всего-то лишь потому, что поверила, что могу быть счастлива, что моя школа не так плоха, как казалась поначалу, что в мире богатых и знаменитых найдется местечко с краю и для меня. Но все это было лишь иллюзией, самообманом. Будь я умнее, все могло бы быть по-другому. Если бы я не проявила желания помочь, если бы я не была такой наивной, если бы

моя голова работала лишь холодно и расчетливо... Если бы, если бы, если бы...

Все началось в первом классе, все издевательства и насмешки. В ноябре, когда маленькие мозги Марины Колосовой и ее подружек сложили все факты обо мне воедино, эти мегеры начали придумывать шутки посмешнее для того, чтобы указать мне мое место. Я ненавидела вспоминать то, с чего все началось. На моей памяти это был худший день моего тогда еще в меру беззаботного детства. Но именно сейчас мозг услужливо подсовывал только это воспоминание.

В первом классе до двадцать третьего ноября я любила свою школу, мне нравились одноклассники и тогда мне, ребенку, не было видно никакой дифференциации между мной и другими ребятами. Все мы, девочки, носили одинаковую форму, участвовали в школьных шалостях и, конечно же, воевали с мальчишками. С первого дня знакомства Марина Колосова казалась мне идеалом, самой красивой девчонкой, достойной того, чтобы брать с нее пример. Страшно признаться, но мы дружили.

Двадцать третьего ноября я, как всегда, встретила Марину на первом этаже школы, и мы поздоровались, традиционно обняв друг друга и трижды хлопнув в ладоши. В моем детстве было модно придумывать приветствия, тайные знаки как символ проявления дружбы. Странно, что в тот момент я не почувствовала того, что мне на школьную форму пролилось отвратительное нечто.

Войдя в класс, я сразу ощутила запах, от которого засвербело в носу. И это почувствовала не только я. Все стали принюхиваться и корчить рожи в знак того, что никто не хочет заниматься в классе в такой вонючей атмосфере. Наша классная руководительница Антонина Геннадьевна сразу поняла, какое химическое вещество выделяет такой запах и, строго сдвинув брови, поинтересовалась:

– Кто принес с собой дихлофос? Вы думаете это смешно?

Все начали переглядываться и хихикать. Таинственное слово «дихлофос» было знакомо далеко не всем, и многие восприняли это как ругательство.

– Вы в курсе, что так можно отравиться? – классный руководитель открыл все окна, – Мне что, вынюхивать причину запаха?

– Антонина Геннадьевна, – Марина, как всегда, встряла в разговор с преподавателем, – По–моему, так воняло у хрюшек в зоопарке.

Эта реплика вызвала еще более громкие смешки.

– Не говори глупостей, Марина, – Антонина Геннадьевна, внимательно принюхиваясь, не спеша пошла вдоль рядов, – Сейчас же прекратите вести себя неподобающе юным дарованиям! И...Ева!

Фигура учительницы возвышалась надо мной. В тот момент мне показалось, что классная руководительница стала просто огромных размеров, а я, наоборот, превратилась в дюймовочку и вжала голову в плечи, чтобы стать еще меньше

и незаметнее. Антонина Геннадьевна наклонилась еще ближе и зашептала:

– Ева, скажи, твоя мама недавно травила тараканов? – при слове «тараканы» преподавательница поморщилась.

– Д–да, – пробормотала я, не понимая, куда клонит эта женщина.

– Что ж, – учитель выпрямилась, – Мне все ясно. Ева, покинь, пожалуйста, класс. А я сейчас свяжусь с твоей матерью. Тебе нужно сменить форму.

Я встала, не совсем осознавая, что произошло и при чем тут тараканы, но просьбу учительницы выполнила и, собрав свои скромные пожитки, направилась к двери, провожаемая гулким шушуканьем одноклассников. На выходе меня настигла фраза, которая преследует мой разум по сей день.

– ...А что вы хотели, – громкий ехидный голос Марины не прятался даже за шепотом, – Ева свинарка и живет в свинарнике. Травит тараканов, а мы должны страдать! Мои родители буду разбираться...

С того дня желающие со мной общаться сократились до одного человека – Елизаветы, которая единственная увидела всю нелепость ситуации и сочувственно таскала мне духи из дома, потому что как выяснилось дихлофос оказалось не так просто отстирать, а школьная форма у меня была одна единственная, доставшаяся по наследству от дочери маминной знакомой.

После двух дней бойкота и издевок, я пришла домой и

впервые в жизни умоляла маму перевести меня в другую школу. И впервые я увидела на глазах у матери слезы. Будто мои слова ранили ее в самое сердце.

Дальше были разборки с завучем, с классной руководительницей... Мама яростно отстаивала мои интересы и хотела наказать виновных в этом идиотском розыгрыше. А я молчала о своих догадках. Продолжала посещать занятия. Хотелось быть сильной в глазах матери. Хотелось больше никогда не видеть ее слезы.

И меня оставили в том же классе. Я старалась! Правда! Из всех сил старалась быть сильной. Я исправно посещала все занятия, и даже записывалась на факультативы, стойче-ски воспринимая все шутки и подколки, в надежде, что когда-нибудь одноклассникам все же надоест меня гнобить. И действительно, бывали дни, когда мне жилось спокойно. Например, когда учительница по биологии, которую вся школа на дух не переносила, сломала ногу из-за подножки одного из ребят нашего класса, или когда девчонок поймали за курением на территории школы... В общем, когда находились темы для разговоров поинтереснее, чем издевательства надо мной.

Но то, что произошло сегодня, стало для меня чертой, через которую я не могла переступить. Мне не место в их обществе. Они – короли по жизни, а я – ничтожество, на чувства которого вполне можно наплевать.

– Не хочу больше так жить! Не хочу! – я закричала сипя-

щим голосом, прислонившись к стене одного из ближайших зданий.

Нужно жить с меркантильным расчетом, переступая через чужие чувства и жизни ради собственных интересов. А я так и останусь никому не нужным изгоем. Наивной дурой, предметом для издевок.

– Ненавижу, ненавижу, ненавижу, – только это слово крутилось у меня на языке сопровождаемое потоком из слез, – Ненавижу свою жизнь!

Глава 3

В момент, когда я выпала из состояния близкого к истерике, первое, что я ощутила, был нестерпимый холод. Глаза жгло от слез, а легким катастрофически не хватало кислорода. Все эти реальные ощущения на время вытеснили любые другие мысли из моей головы. Единственным желанием для меня стало добраться до дома как можно скорее.

Кое-как сориентировавшись в пространстве, я поняла, что ноги по привычке несли меня к дому, но немного ошиблись с направлением и теперь придется идти по незнакомой и плохо освещённой дороге. Но вряд ли на меня сейчас кто-то способен был напасть: бомжи бы приняли меня за свою, еще и предложили бы ночлег, а уличным хулиганам одного моего вида стало бы достаточно для того, чтобы понять, что брать у меня нечего.

Пройдя больше половины пути, я заметила, что все пространство вокруг превратилось в одну сплошную белую массу. И сначала я решила, что ослепла от слез. Но вскоре стало понятно, что это небо обрушилось на меня сверху в виде первого за эту зиму снегопада.

Крупные снежинки заполняли собой все пространство, неспешно кружась в необычном танце, и заканчивали свое небесное путешествие, покрывая всю грязь и слякоть вокруг. Каждая белая красавица была уникальна и своей формой,

и своим танцем. Я заморожено, как маленькие дети, следила за этой зимней сказкой вокруг. Казалось, снег не только скрывает от глаз все мрачное и неприглядное, но и приносит ожидание чего-то нового, заполняя собой образовавшуюся внутри пустоту от предательства. Очень хотелось поверить в зимнее чудо, в то, что снег заметет всю ту боль, что накопилась внутри за школьные годы.

Но это маленькое забвение не могло продолжаться бесконечно. Снежинки таяли, соприкасаясь с теплой кожей, оставляя после себя капли холодной воды. Я ускорила темп ходьбы. Везде одно сплошное предательство! Даже снег, околдовав меня своей красотой, принес за собой лишь холод и разочарование.

– Ева! – сначала я решила, что мне это послышалось, но затем знакомый голос настойчивее закричал, – ЕВА!

Я не останавливалась.

– Постой, – голос раздался совсем близко и мгновение спустя передо мной стоял Леша.

– А, эт ты, – фраза получилась сиплой и очень тихой.

– Ева, ты в порядке? – Леша шел рядом, старательно пытаясь разглядеть мое лицо.

– Зачем ты здесь? – мне не хотелось отвечать на такой глупый вопрос.

– Я... я хотел извиниться. За все. За то, что так вышло. За выходку ребят. Прости, пожалуйста! – Леша тоже понизил голос, в котором читалось искреннее сожаление.

– Хорошо, это все? – перед глазами уже замаячил родной подъезд.

– Нет... Можно тебя проводить? – Одиночка видимо не был уверен, что я приняла извинения.

– Считай, что уже проводил, – я подошла к ступенькам, роясь в кармане замерзшими ледяными пальцами в поисках ключей от домофона.

Леша хвостом шел следом за мной. В молчании я, наконец, выудила ключи, открыла дверь и как можно быстрее постаралась подняться на второй этаж поближе к подъездной батарее. Но и настырный одноклассник не отставал.

– Чего тебе еще нужно? – вышло грубо.

– Почему ты не идешь домой? – Леша казалось не заметил моего вопроса.

– А может, у меня нет дома? – ни с того ни с сего я вспылила, – Может я и вправду бомж? Какое тебе дело?!

– Мне есть дело. Послушай...

– Леш, прошу не надо, ладно? – внезапно мне захотелось высказать все, что накипело этому почти незнакомому человеку, – Все вокруг прекрасно знали о предстоящем зрелище, как и всегда, впрочем. Где все были? Где ты был, когда мою голую задницу снимали на уроке физкультуры?! Там же где и все! В безразличии! Всем пофиг! И мне теперь пофиг!

– Ева, – Одиночка подхватил мою руку, – Я не знал. Прости.

– Ладно, – я решительно отстранилась и, двинулась вверх

по лестнице.

– Правда. Прости! Я заставлю этих придурков раскаяться, – его голос глухо зазвучал за спиной.

Я вздрогнула.

– Иди домой, Одиночка. Всем на всё глубоко наплевать. Мне плевать. Будет лучше если и тебе будет пофиг.

– Не будет. И мне не плевать, правда. Они на тебя набросились потому, что ты сама это разрешаешь! Но так же нельзя! Нужно поставить этих придурков на место.

– Это все – бред! Я уродка. Этого не изменить. – я побегала наверх быстрее, но мой спутник так и остался возле батарей.

И стоило мне только переступить порог квартиры, как до меня тут же донесся голос матери. Она металась по кухне и гремела кастрюлями.

– Ева! Наконец–то ты дома! Я уже начала волноваться! Отец опять явился к нам. На этот раз в наручниках! Уверял меня, что спас тебя от «ментов поганых»! Давно пора этого алкоголика запихнуть на промывку мозгов, иначе...

– Мама, это правда, – я больше не могла выдерживать мамины причитания, – Мам!

– Что правда? – мать остановилась и наконец, выглянула в коридор. Ее глаза округлились, а брови сошлись на переносице. Такой взгляд у нее бывал только в случаях крайней встревоженности, – Господи! Ева, солнышко! Что с тобой случилось?!

Мои непослушные руки, наконец, справились с испорченным пальто, теперь настала очередь сапог. Но тут меня ждала неудача, ноги отказывались подниматься, и я бессильно рухнула на табуретку, одиноко стоящую в коридоре на том самом месте, где утром были разбросаны осколки зеркала. Наверное, правду говорят, разбилось зеркало – жди беды... Мать, видя мое состояние, бросилась ко мне и быстро помогла разобраться с обувью.

– О господи, Евушка! Ты вся ледяная! Где ты была все это время? Я подумала, что ты занимаешься с Лизой... – мама внимательно вглядывалась в мое лицо, пытаясь там прочесть ответы на все свои вопросы, – Красные глаза, опухший нос... И еще эта история с полицией... Почему ты молчишь?!

Руки матери легонько встряхнули мое тело, отчего где-то внутри будто что-то содрогнулось. А затем кашель накрыл меня с головой. Воздух будто резко закончился, и все что я могла делать – это безостановочно кашлять, безмолвно глотая воздух. Приступ прекратился так же внезапно как начался, оставив после себя хрипы и сипение в голосе.

– Мам, – я зашептала, – Не сейчас. Я так устала...

– Да, да... – в голосе самого родного мне человека слышалась паника, – Конечно... Я наберу тебе горячую ванну, ты согреешься... Поспишь, отдохнешь... Девочка моя хорошая...

Мама бормотала что-то еще, но ее слова мой слух отчего-то отказывался воспринимать. Здесь, дома, в безопасно-

сти и тепле на меня вдруг навалилась вселенская усталость. Все силы, заставлявшие меня добраться домой, разом закончились, будто кран моей внутренней энергии просто перекрыли.

Вода в ванной приняла мое тело жадно и грубо, сразу наполнив обледеневшее тело звенящей болью. Мне казалось, что я попала в огненное жерло вулкана, заставившее проснуться разом все мои чувственные рецепторы. От этого изнутри вырвался слабый всхлип, но выбраться из воды мне мешало отсутствие сил и нежелание двигаться, потому как это приносило все новые волны боли.

Момент, в который мое тело очутилось в кровати, я упустила. Просто появилось уютное тепло и знакомый запах родной подушки. Периодически надо мной мелькало мамино лицо с беззвучно открывающимися губами. Очень хотелось сказать, что все хорошо, я высплусь и все смогу объяснить. Но стоило мне предпринять попытку заговорить, как новая волна кашля обрушилась на мои горло и легкие. Все прекратилось в тот момент, когда у меня застучали зубы. От холода. И этот холод был ни с чем несравним. Я чувствовала, что дрожу, дрожу и падаю в бездну изо льда. Лед был везде, отчего постепенно занемели руки и ноги, а затем в мое бедро вонзилась чрезвычайно острая льдинка, и спустя мгновение сознание провалилось в бездну.

*

– ... и почему она все еще без сознания? – на мой слух

внезапно обрушился голос матери, наполненный истерическими нотками. Сколько я была без сознания? Час? Два?

– Людмила Андреевна, – тихий и мягкий незнакомый голос отвечал матери спокойно, – Поводов для беспокойства нет. Ваша дочь идет на поправку, температура спала. Более того, она уже не заразна.

Я слышала каждое слово, но слабые попытки заговорить почему-то не увенчались успехом.

– Но почему она все еще не пришла в сознание?! Что с ней? – мама не собиралась успокаиваться.

– Я же говорил вам, сегментарная односторонняя пневмония, обморожение конечностей легкой степени. Ее жизни ничего не угрожает. Другое дело, что я не совсем уверен в здоровье ее психо-эмоционального состояния...

– И что это значит?!

– Это значит, что возможно она просто не хочет просыпаться...

Что?! Хочу! Где я вообще? Кто этот умник? Мое дыхание участилось от возмущения, что сразу же вызвало реакцию глубоко внутри. Хрипы сдавили горло, заставив слабое тело содрогнуться в приступе ужасного кашля. Я ощутила на себе знакомые теплые руки, но схватиться за них было выше моих сил. Да и быть в сознании было выше моих сил, поэтому ощущение реальности покинуло меня с той же быстротой, что и выключается лампочка.

– ...столько всего произошло, ты обязательно должна оч-

нуться, – теперь уже громкий шепот Лизы пробил стену моего бессознательного состояния.

– Ева, а помнишь, как меня тоже положили в больницу...

Я что, в больнице?

– ...Ты тогда все время была рядом, теперь вот я на твоём месте... Я тоже делаю за тебя домашку, только... – подруга нервно хихикнула, – не обижайся потом за трояки, хорошо? А ещё Волков, ну то есть придурок, официально извинялся... И Марина...

При упоминании этих имен моего горло непроизвольно сжалось, а дыхание опять участилось. Это не осталось незамеченным.

– Лиза, – тихий голос Одиночки остановил сбивчивый рассказ подруги, – Не надо. Ей нужно спокойствие.

Откуда здесь взялся одиночка?

И... он был прав. Мне не хотелось вспоминать. Вспоминать значило опять испытать боль. А к этому мои неокрепшие разум и тело пока ещё не были готовы. Пока.

– Думаешь... – Лиза всхлипнула, моя любимая жизнерадостная подруга всхлипнула! – Думаешь, она нас слышит?

– Конечно, слышит. Просто, она пока не готова выбраться из своего кокона, – Леша говорил так, будто знал все, что творится в моей голове.

– Из кокона? – тон подруги был полон непонимания.

– Из кокона безопасности. Она очнется, когда разберётся в себе.

– Она очнется, когда выздоровеет, – гневно возразила Лиза, – Ты точно чеканутый, Одиночка.

– Может и чеканутый, – Леша усмехнулся в несвойственной ему манере, – Зато я прав. Ева очнется, когда мир внутри нее перевернется...

Чем закончилась эта беседа, мне было не суждено узнать, поскольку мой внутренний выключатель вновь погасил огни моего сознания, и я вновь очутилась в темноте. В коконе безопасности. В месте, где мне было хорошо, тепло и комфортно.

– ...Евушка, ангел мой, – на этот раз мою внутреннюю лампочку включил голос отца. Я уже успела забыть *такой* его голос – теплый, заботливый, любящий и... трезвый.

– Прости меня, прости за все... Ты, наверное, не догадываешься, но во всем виноват только я. Если бы не я, жили бы мы сейчас на берегу черного моря, гуляли бы в парке, как самая настоящая семья. И твой папка бы никогда не позволил издеваться над своей девочкой, над своим ангелом! – голос отца задрожал может от возмущения, а может от слез, – Но ничего, теперь все будет по-другому! Ох, доберусь я до этих чертей проклятых!

Монолог отца прервал шум открывающейся, ужасно скрипучей двери.

– Володя? – удивленный голос матери отозвался эхом в моей голове, – Ты–то что тут делаешь?

Мама явно была недовольна присутствием отца.

– Ева и моя дочь тоже, – папа напомнил этот факт возмущенным тоном, – Она тут...два дня, а я узнаю об этом только сейчас! Я же отец...!

Два дня? Нет, не может быть... Я тут всего пару часов... Не может быть!

– А ты только что об этом вспомнил?! – мама сначала закричала, но затем понизила голос до гневного шепота, – Где ты был, когда...впрочем, мы оба знаем где ты был! Выйди! Дай мне пообщаться с моей девочкой!

– Нет! – папа сильно сжал мою ладонь своей теплой сухой большущей ручищей, – Хочешь поругаться? Пожалуйста! Только не здесь...

И вот опять я ощутила, что свет внутри меня вот-вот погаснет. Но я отчаянно не хотела пропускать этот момент. Момент, когда папа и мама вместе, пусть и ругаются, но все же сидят вместе в одной комнате. Почти как семья, пусть и свела судьба нас всех здесь не по самому приятному поводу. Зато они рядом, беспокоятся обо мне, вместе пытаются вытащить из «кокона безопасности» в реальность. Вместе. Как семья.

Мне всегда было интересно, каково это, жить в полной семье? Что при этом меняется? Мои детские воспоминания о семейных походах в парк и сладкой вате не помогли мне ответить на этот вопрос. Я была слишком мала, чтобы помнить сейчас что-то о настоящей семье.

Что было бы, если бы тогда, двенадцать лет назад, все сло-

жились бы по-иному и отец с матерью были бы вместе? Лежала бы я сейчас в больнице с душевной болью и воспалением легких? Или в той, другой реальности я бы возможно была как все – девочкой из благополучной семьи, которая способна за себя постоять и за которую есть кому заступиться?

Ох уж это сладкое словосочетание «если бы». Если бы только можно было все изменить...

Глава 4

На этот раз мое пробуждение не было связано с голосами вокруг. Я просто открыла глаза и уставилась в потолок, ощущая себя здоровой, сильной и отдохнувшей. Неяркий свет вокруг не давал мне с точностью описать помещение, в котором я находилась, но одно я знала точно – потолок в этой комнате явно не был мне знаком. А это означало, что я все еще нахожусь в больнице.

Стараясь не делать резких движений, помня, к каким взрывам кашля это приводило раньше, я осторожно села на кровати и первое, что мне попало на глаза – плакат известной поп-группы. Я с удивлением принялась осматривать остальные предметы комнаты и из увиденного сделала вывод, что все же нахожусь я уже не в больнице. Потому что лежала я на широкой двуспальной кровати с кованой спинкой и двумя тумбочками со светильниками в виде красных сердец, около одной из стен уместился огромный белоснежный шкаф из которого торчали чьи-то вещи, в комнате так же присутствовал порядком захламленный письменный стол с ноутбуком и белый комод с расставленными на нем фотографиями.

Мне стало любопытно, что это за фотографии и чья это вообще комната, поэтому я, надеясь, что поступаю не слишком своевольно, включила один из ночников и направилась

по пушистому розовому ковру к комоду. Эта комната явно принадлежала не слишком опрятной девочке–подростку, которая уж очень любила сочетание белого и розового. Эти цвета присутствовали здесь практически везде, немного раздражая мои глаза.

С фотографий на комодке на меня смотрела... я. Длинноволосая блондинка в стильной одежде, улыбающаяся во все тридцать два зуба. И это совершенно точно была я! Перевела взгляд на другое фото и чуть не рухнула на пол. Со второго изображения мне улыбалось счастливое семейство. Мое семейство! Мать, отец и я!

Это что, чья–то очередная злая шутка?! Явный фотомонтаж, потому что мои волосы никогда не были настолько белыми, мать никогда так ярко не красилась, а отец в жизни был на двадцать килограммов худее. Эти шутники решили в очередной раз надо мной поиздеваться? Ну уж нет...

– Ева! – голос мамы прервал мои размышления, – Ты уже встала?

Мама! Слава богу! Сейчас она все мне объяснит! Я выбежала из комнаты, очутившись в просторном коридоре, по всему периметру которого возвышались стеллажи с книгами. Я опять замерла. Черт возьми, куда я попала?

– Ма–ам! Мам, где это мы? – мой голос совсем не был осипшим, наоборот он оказался громким и сильным. Но мама явно меня не расслышала из–за звука телевизора где–то в глубине квартиры и чего–то шипящего на плите. Поэтому

я повторила свой крик, – Ма–ам!

– Что? – мать наконец ответила, – Ева, что ты там бормочешь? Иди в ванную, нам сейчас некогда болтать! Ты про больницу, надеюсь, помнишь?

Вот. Больница. Про нее я помню. Значит, меня перевезли сюда ненадолго, неизвестно в каких целях, и сейчас мы вернемся в больницу. Хотя, стоп! Точно! Меня привезли сюда для того, чтобы я помылась. Более идиотского ответа на все мои вопросы у меня не было.

Ванная комната, находившаяся как раз напротив розовой спальни, оказалась огромным помещением, заполненным всевозможными агрегатами с гидромассажем, биде и прочими непонятными штуковинами. Все сияло так, будто час назад кто–то провел здесь генеральную уборку.

Выбравшись из душа, я нашла на полке под раковиной розовое махровое полотенце и халат из той же ткани. Просушив волосы полотенцем и накинув халат, я решила, что неплохо было бы почистить зубы. Или хотя бы прополоскать рот с зубной пастой. Поэтому я подошла к раковине, набрала в рот воды и решила все же взглянуть на себя после болезни в большое, но запотевшее зеркало. Вытерев влагу полотенцем, я, наконец, уставилась на себя и... завопила.

– А–а–а! Ма–а–ам!

Из стекла на меня смотрела девушка, с белыми, как снег, волосами, черными, явно крашеными бровями и... с пирсингом в носу! Что. Все. Это. Значит?!

– Ева, – сзади открылась дверь, мама пришла, наконец, на помощь, – Зачем так орать? Ты что, опять что-то разбила?

– Мама, волосы! – я все еще пялилась на отражение, а оно пялилось на меня, – И сережка! Откуда?

– Упала, когда из ванной выбиралась? – мама хмыкнула, – Волосы ты перекрасила три года назад, а сережку вставила, кажется, в прошлом июне, но я не уверена. Да что с тобой?

Мать развернула меня к себе и прищурено смотрела на мое испуганное лицо. И при взгляде на маму мое удивление достигло вселенских масштабов. Когда-то длинные каштановые волосы матери теперь были подстрижены явно умелыми руками мастера под каре и уложены по последней моде, ее макияж казался неестественным и непривычным для меня, но больше всего меня поразила фигура. Моя любимая мама была беременна.

– Земля вызывает Еву! – мама легонько меня встряхнула, – Да что с тобой?

– Но как... – у меня просто закончились слова, – Как это случилось?

Я что, провела в коме десять лет и теперь упустила что-то важное?

– Тебе объяснить, откуда дети берутся? – мама хмыкнула, – Ева, ей богу, прекрати дурачиться. Мне не до шуток.

– Но... – я все еще мямлила, – больница...

– Я рада, что твоя амнезия прошла, и ты помнишь про больницу, – мама отошла от меня, – Я завезу тебя в школу и

поеду на УЗИ. Поэтому собирайся быстрее, позавтракаешь в школе.

И мама направила меня напрямиком в розово-белую комнату, явно не собираясь мне что-либо объяснить. На автомате я все же дошла до этой спальни и даже шмыгнула за дверь, пытаюсь понять, что значит все происходящее.

То, что это был не розыгрыш, мне стало понятно с того самого момента, как я увидела беременную маму. И вариант с комой и десятилетним сном сразу отпадает. Мама реагировала на меня так, будто мы виделись вчера вечером.

А что было вчера вечером? Я напряглась. Последнее, что я помню – разговоры родителей в больнице. А до этого была боль. Я явственно представила события того дня, который оставил глубокий шрам в моей душе. Но видимо все это было когда-то давно, или где-то не здесь. И явно не со мной. Может, это было сном? Или наоборот, я сейчас сплю?

Но щипания запястий не привели ни к какому результату. Я так и осталась стоять в розовом халате посреди розовой комнаты, совершенно не представляя, что мне делать дальше.

– Е-ева! Я не слышу фена! – мне напоминали о том, что нужно поторопиться. Времени задумываться о том, что происходит, не было абсолютно.

Фен, тоже, кстати, розовый, оказался в верхнем ящике комода среди другого парикмахерского барахла: щипцов для выпрямления кудрей, плойки для завивки локонов, бигудей

и прочих девчачьих штучек. Даже расчесок здесь было штук пятнадцать,

Высушив свои блондинистые волосы и вытащив дурацкую сережку из носа, я направилась к шкафу. Здесь царил такой же беспорядок, как и везде. Неужели здесь жила я? Это была какая-то другая я со странными наклонностями. Среди огромной кучи вещей, заполнявшей все пространство шкафа, где что-то валялось, что-то висело в хаотичном порядке, я все же нашла глазами школьную форму. И не одну, а целых три синих новеньких комплекта.

– Ева, – мама уже стояла за дверью, – Ты скоро?

Я быстренько влезла в форму и провела пару раз расческой по многострадальным от краски волосам. Порыскав еще пару мгновений по комнате, я обнаружила несколько сумок. Обследовав каждую, я взяла с собой ту, в которой обнаружился дневник успеваемости и пара учебников. Итак, похоже, предстоит непростой день, который надеюсь, откроет мне глаза, на то, что, собственно говоря, произошло.

– Ну, наконец-то, – мама встретила меня в прихожей с невозмутимым выражением лица, – Вот, твой низкокалорийный завтрак в школу, – она потрясла пакетом, – И, подожди, ты в форме? Не ты ли неделю назад возглавляла акцию противников школьной формы? Ты так настойчиво всех уверяла в ненужности этого атрибута...

Низкокалорийный завтрак и протест против школьной формы. Так, мы с Колосовой что, поменялись жизнями?

– Эээ... деловой стиль в одежде помогает сосредоточиться и не отвлекаться на яркую одежду, и все такое... – я забормотала первый пришедший в голову аргумент в пользу школьной формы.

– Хм, странная ты сегодня. Ладно, нам некогда. Живей, одевайся!

Шкаф в прихожей, больше походивший на небольшую гардеробную комнату, спрятанную за большими дверьми–зеркалами, был полон всевозможных курток, дубленок и шуб. Зачем нам столько одежды? Здесь что кроме нас еще живут человек двадцать? Я потянулась к розовому пуховику, предполагая, что эта вещь может принадлежать только мне.

– Нет–нет–нет, – мама меня остановила, – Надень шубу. Ты же ее выпрашивала целый год!

Что?! Что я слышу... Но спорить не было никакого желания. И вот на мне уже было надето белоснежное меховое манто из норки, дополненное белыми сапогами на небольшой платформе. Надеюсь, в сменной обуви у меня не окажутся белые тапочки...

На улице мы оказались быстрее, чем я могла себе представить. Потому как нам нужно было преодолеть лишь двойную дверь и пару ступенек, ведущих на огороженную приусадебную территорию. Мы жили в своем отдельном двухэтажном доме из коричневого кирпича с причудливыми балкончиками. И этот факт заставил меня затормозить еще на пару мгновений.

– Ева! – мама уже успела добраться до большой белой машины, – Ты сегодня выпила тормозной жидкости?

Я поспешила к джипу, чтобы больше не нервировать беременную женщину.

– А где папа? – задала я простой вопрос, надеясь, что снимок в комнате – знак того, что мои родители все еще вместе.

– Может, ты поедешь в клинику со мной? – мама удивленно выгнула бровь, проворно выруливая на трассу по направлению к городу, – Покажем тебя психиатру. Твои провалы в памяти меня немного пугают. А папа уехал заключать договор с партнерами в столицу. Позавчера. Надеюсь, ты запомнишь.

Итак, я оказалась права. Это что же, выходит... родители никогда не развелись? Неужели я схожу с ума?

Весь остальной путь до школы мы проделали под звуки какой-то попсы и в полном молчании. Я просто не знала, о чем говорить. По той причине, что все вещи, которые меня сейчас интересовали, мать бы восприняла как бред сумасшедшего. А беременным волноваться вредно. Мама же тоже не рвалась обсуждать со мной что-либо. Если говорить честно, то она была не совсем похожа на ту маму которую я помнила.

Тот факт, что школа, к которой мы подъехали, была той же школой, которую я знала и помнила, меня невероятно обрадовал. Хотя что-то остается неизменным. Но Лизы у ворот не оказалось. Хотя возможно это было потому, что заня-

тия должны были начаться только через двадцать минут.

Попрощавшись с родительницей, я направилась к входу в учебное заведение с намерением дождаться подругу внутри в тепле.

В холле школы все оказалось таким же, как я помнила – стены были все так же окрашены в небесно голубой цвет, а небольшим гардеробом все так же заведовала крайне неприятная женщина по имени Тамара Сергеевна или для посвященных Горгона.

И все же кое–что изменилось.

– Ева! – некий незнакомый старшеклассник схватил мою шубку и протянул Горгоне, – На выходных все в силе, а?

– Э–э, что? – я даже не знала его имени.

– Ла–адно, – парень улыбнулся и ткнул меня кулаком в плечо, – Спрошу у Волкова

У Волкова?! Он–то здесь при чем?!

– Приве–ет! – на меня налетели еще трое ребят, – Как настро–ой? Боево–ой?

– Су–упер, – я выдавила улыбку.

– Вишне–евская! – долетело до меня с другого конца, – Круто выглядишь!

Пока я искала источник звука, ко мне подбежала девчонка явно чуть младше.

– Е–ева, – она немного заикнулась будто бы от страха, – Распишись, пожалуйста.

– Зачем? – я взяла лист и ручку.

Девчушка содрогнулась, будто я собиралась ее съесть.

– К–как, для ш–школьного совета же, – она старалась не смотреть мне в лицо.

Я черканула на листе рядом со своей фамилией и решила не разбираться с нервами этой девчушки. В конце концов, многие боятся общаться со старшими. По себе знаю.

– Хэ–хэ–хэй! – на мое плечо легла тяжелая рука. Этого парня я знала в той другой жизни. Сергей, один из друзей Волкова. Красавчик и та еще сволочь.

– Как ты вчера пе–ела, – Сережа засвистел себе под нос, – Я почти влюбился.

– Ага, – я сбросила с себя руку парня, – Почему же “почти”?

Я честно пыталась вести себя как ни в чем не бывало, но, если уж честно, было немного неловко находиться в центре всеобщего внимания.

– Нехорошо отбивать девушек у друзей, – Сережа подмигнул и махнул рукой, – Привет твоему «пупсику»

Отбивать девушек у друзей? Привет пупсику? Вот, черт! Только не говорите мне, что я и Волков... Б–р–р...

Под еще парочку приветствий я добралась до скамьи и уселась, в ожидании подруги, на одну из мягких банкеток, решив использовать свободное время, для того чтобы узнать хоть что–то про здешнюю себя.

Единственное, что могло бы мне помочь сейчас, это мобильный, ну и содержимое сумки. С нее я и решила начать.

Учебники меня интересовали мало, а вот дневник оказался как нельзя кстати. Кроме того, что теперь на меня внимания обрушилось больше, чем даже на Эйфелеву башню в Париже, я узнала, что у здешняя Ева училась, особо не напрягая свой мозг. Возможно, это все ужасное влияние пероксида на волосы. Видимо, вместе с волосами, выгорают и мозги. Или, мозг вытек через лишнюю дырочку в носу?

Здешняя Ева перебивалась с тройки на тройку. Самой высокой оценкой в моей успеваемости была четверка по литературе. Единственная. Хотя, нет. В графе физкультура кругом стояло гордое «отлично». Руки захлопнули эту позорную книжечку и взялись за найденный телефон. Но огромный смартфон отказался включаться, требуя ввести четырехзначный пароль. И тут началось. Я перебрала всевозможные комбинации связанных с датой рождения сначала моей, а потом маминой, но все это не увенчалось успехом.

– Вишневская, – над головой раздался смеющийся и ненавистный мне голос Марины Колосовой, – Чем ты вчера занималась, что память отшибло? Твой код – четыре семерки. Наше с тобой счастливое число.

И весь этот поток информации, состоявший всего из трех предложений, вылился на меня будто очередное ведро ледяной воды на голову. Итак, первое, теперь я Вишневская, не Серова. Второе, у нас с Колосовой есть общее счастливое число. Третье, неужели это все сейчас действительно происходит со мной?!

Я подняла взгляд на весело щебечущую Марину и впервые в жизни наткнулась на ее дружескую, слегка ироничную улыбку. Девушка выглядела почти так же, как я ее помнила. Блондинистые волосы все так же обрамляли ее смазливое, ярко накрашенное личико, и только школьная форма смотрелась на ней сейчас вызывающе благодаря малиновой шелковой блузке под коротким пиджаком, а синяя юбка была явно подшита и демонстрировала идеальные ноги в белых колготках.

– ...и, господи, что на тебе надето? – Марина округлила глаза, – Мы же боремся за право освободить нас, старшеклассников от оков школьной формы! Это же твои слова!

Девушка явно ждала от меня ответа. Я встала, поравнявшись с ней взглядами, и тоже постаралась премило улыбнуться. Почему я решила улыбнуться? Да потому, что я понятия не имела, кто я такая, что здесь происходит и как все ЭТО произошло. Сейчас для меня главным принципом стало – не выделяться. А то можно и в психиатрическую лечебницу угодить. С раздвоением личности.

– Я... эээ... передумала. Потому что... Без разницы, что на мне надето. Главное, как ты себя ощущаешь внутри, – брякнула я.

Маринка рассмеялась и по-дружески ткнула меня кулаком в плечо.

– Вау! Это ты где таких умных фраз понабралась? Тренируешься?

«Перед чем это я тренируюсь...?»

– Ла-адно, черт с ней, с этой формой. Мы не должны думать о такой ерунде в *та-акой* день.

– В какой «та-акой» день? – я поморщилась от ехидной интонации моей теперешней подруженьки.

Терпеть эту особу было выше моих сил. «Уж лучше в психушку» – пронеслось в мозгу.

– Ты забыла? У вас сегодня полгода отношений! Ты что, пила вчера?

Полгода отношений. Полгода! Неужели я, в здравом уме и трезвой памяти, провела целых шесть месяцев с человеком, чье имя мне противно называть?

– Нет. Я все помню, – я кивнула, стараясь не выглядеть душой. А затем свернула к кабинету литературы, предполагая, что это будет первым уроком. Но, нет.

– Оно и видно, – Марина дернула меня в противоположную сторону, – Геометрия сегодня первая. Или у тебя день сурка и вечный вторник?

– Да, помню. Погулять захотелось.

– А по-моему, просто кто-то вчера переборщил с Мартини.

Я боролась с огромным желанием сделать подножку или проделать еще какую-нибудь небольшую пакость с моей «подруженькой». Одного взгляда на ее лицо мне было достаточно, чтобы начать вспоминать всю ту мерзость, которую она проворачивала для очередной шутки надо мной. Или не

надо мной?

– Ты сегодня какая–то... странная. Ты я–явно что–то не договариваешь, я прям носом чую, – Марина даже принялась принюхиваться вокруг моего лица, – Но я–то тебя зна–аю...

«Что за идиотская привычка тянуть гласные?!»

– Ты просто накручиваешь себя! Ваши отношения переходят на новый уровень, и как все пройдет... Я бы, наверное, тоже переживала.

– Что? На новый уровень? – я даже запнулась, не совсем понимая, но, определенно, догадываясь, о чем идет речь, – Нет. Никакого «уровня», просто...эээ... знаменательная дата.

– И поэтому ты записалась в салон перед свиданием, – девушка хихикнула, – Мне кажется, ты не хочешь мне...

– Девочки, – строгий голос математички заставил нас обеих вздрогнуть, – В класс, живо! Кто войдет после меня в кабинет получает дополнительное домашнее задание!

Ох, какова же была моя радость от того, что хоть кто–то смог прервать нашу идиотскую беседу! Это немислимо! Как, ну вот как моей подругой стала Колосова? И, самое неприятное, сейчас я никак не могла просто перестать с ней общаться. Во–первых, это, наверняка, вызовет кучу сплетен, а во–вторых, лучшая подруга это единственный человек, который знает обо мне, больше меня.

Немного затормозив в проходе между рядами, я села на свое привычное место рядом с Одиночкой, хоть и при пер-

вом взгляде на него меня прошибла волна мурашек. Меня никто не остановил, значит, свое место я помнила верно. И тут, сердце замерло, ведь позади меня сидела Лиза. Мне так хотелось, чтобы здешняя Ева тоже общалась с моей лучшей подругой! По привычке тепло улыбаясь я обернулась, но меня встретила волна, нет, целое цунами из недружелюбия.

Мы не были подругами. Это было понятно еще утром, когда я не встретила ее в вестибюле школы. Но я не хотела это признавать. Сейчас же стало абсолютно понятно, что Лиза меня на дух не переносила.

– Вишневская, – математичка была, как всегда, чем–то недовольна, – Твой затылок меня мало интересует. Повернись.

Я подчинилась. И было предсказуемым то, что именно я через пару минут стояла у доски, объясняя задачу из домашней работы, которую видела вообще впервые в жизни, впрочем, как и половина класса. Ведь именно я первая, кто привлек внимание всеми любимой учительницы по Кличке Годзилла. С задачей справилась, что крайне удивило и Годзиллу, и одноклассников. Интересно, как бы на моем месте поступила здешняя Ева?

На первой пятиминутной перемене я сделала попытку заговорить Лизой, и это было не лучшей идеей.

– Если ты, еще раз подойдешь ко мне, – Лиза резко развернулась, услышав мой «привет», – Со своими дебильными шуточками про мой рост, вес или другие параметры моего

тела, ей богу, Вишневская, я подпорчу тебе твой хорошенький носик.

Этого я и боялась. Здешняя Ева была человеком, на которого мне хотелось походить меньше всего. Неужели личность одного и того же человека может так сильно изменяться?

Я решила, пока оставить все как есть и быстро собрала вещи, а затем поспешила на биологию, стараясь обращать меньше внимания на Марину и прицепившуюся к ней Викторию Травкину.

Но наступила большая перемена и просто так избавиться от внимания всех моих многочисленных друзей не получалось никак. По пути в столовую Вика о чем-то увлеченно спорила с Мариной, периодически следя за моей реакцией, а я делала вид, что не замечаю ничего вокруг. Потому что для того, чтобы вступить в разговор мне нужно было для начала привыкнуть к происходящему, но сделать эту мелочь мне решительно не позволяла совесть.

– Ева, – Марина все же не выдержала моего молчания, – Скажи честно, у тебя отходняк?

– Чего? – я немного опешила.

– Того! – девушка поправила волосы, – Ты вчера много выпила?

Я? Вчера? Черт возьми, эта Ева что еще и алкоголичка?

– Э-э, не помню, – я пожала плечами.

И это была единственная правда, которую я произнесла

вслух за сегодня.

– Кажется, я рано ушла вчера, – Вика напомнила мне о своем существовании, – И долго вы тусили?

– Недолго, – Маринка закинула мне руку на плечо, – Я вот и не могу понять, когда Ева успела напиться, если сегодня...

– Хватит, – я сама вздрогнула от своей резкости, – Со мной все нормально. Мы сегодня вообще, попадем в столовую?

– А–а, все я–ясно! Ты хочешь быстрее его увидеть.

– Кого его? – я хмуро вздохнула.

– Волкова, кого же еще! Бежим быстрее! – Марина хихикнула, будто знала меня лучше меня самой. Хотя возможно до вчерашнего дня так все и было.

– Бежим... – я беспомощно последовала за подружками.

Итак, подтвердилось одно из самых страшных моих предположений.

– Что там с Антоновой? – фамилия подруги из уст Вики резанула мой слух, – Ты когда с ней заговорила, я подумала, что она разорвется в прямом смысле. Ты что, все–таки посоветовала ей кефирно–огурцовую диету?

Обе подружки ехидно засмеялись. А я совершенно не знала, что ответить, как поставить этих куриц на место. От этого стало еще противней. Я попала в жуткий кошмар, который с каждой секундой становился еще более ужасным. Неужели об этом я мечтала, когда хотела быть похожей на других?

Мы, наконец, дошли до столовой, и я метнулась на пер-

вый попавшийся столик в центре, согнав при этом младшеклассников. Ну и ладно, по крайней мере, я не сделала ничего удивительного. Именно такого поведения от меня и ожидают. Наверное.

Так как стоять в очереди в буфет у меня надобности не было, получилось, так что на время мои подруженьки были вынуждены меня покинуть. Чему я была несказанно рада. В невеселом настроении я усталилась на дверь, выслеживая Лизу. Но появившись в столовой, она даже не взглянула в мою сторону. Обидно.

– Котенок, – голос, раздавшийся сверху, заставил меня содрогнуться. Этот голос я бы узнала из тысячи. Ненавистный голос отвратительного человека.

А Рома, как ни в чем не бывало, уселся рядом и обняв меня за талию вновь заговорил.

– Ты сегодня такая... ммм... естественная, – краем глаза я заметила ту самую улыбочку с ямочками, от которой раньше мое сердце таяло, – И такая особенная. Вечер в силе? По-прежнему в семь в Амплуа?

Мне захотелось сбросить его руку с себя, закричать, чтобы он катился на все четыре стороны, обозвать его всеми известными мне ругательствами на глазах у всех, но что-то подсказывало, что этого делать не стоит. Для начала нужно было как можно аккуратнее понять, что за люди меня окружают и так ли они плохи на самом деле в мире Евы Вишневской. Ведь то, что творится вокруг – реальность, абсолютно

отличающаяся от того, что я помнила, но все же это была реальность. И именно поэтому я не плюнула в лицо этому лживому мерзавцу, а попыталась изобразить самую милую улыбку. В конце концов, разругаться с человеком никогда не поздно...

– Все в силе, – я запнулась и добавила, – л–любимый.

«Надо вести себя естественно, надо вести себя естественно...» – пронеслось в голове. И тут же появился вопрос, всегда ли нужно было называть своего парня «Любимый» или «котик» или «Зайчик»? Я не знала об отношениях между парнем и девушкой ни–че–го.

– Круть! Ты лучше всех, – Рома быстро наклонился ко мне и чмокнул в губы.

Так, значит, мое поведение не показалось ему странным. Но от поцелуя меня передернуло. Нет, Волков, конечно, остался все тем же красавчиком, но внутри меня все равно блуждало чувство отвращения.

Спокойно, Ева. Здесь Рома твой молодой человек.

Стоило только мне остаться в одиночестве, как Вика с Мариной тут же опустились за столик, любопытство которых сильно раздражало.

– Что он тебе сказал? – глаза Вики горели от любопытства, – Вы будете ужинать в Амплуа? Ох, как это романтично! Неужели все случится именно...

– Вика! Не здесь! Головой–то думай! – шикнула Марина и озабочено поинтересовалась, – Ты уже меньше нервнича-

ешь?

– Да, все отлично, – я аккуратно кивнула, доставая свой диетический завтрак, состоявший из йогурта, яблока и апельсинового сока.

– О, ты еще на сниженных калориях? Сколько ешь? Тысячу двести? – Марина удивленно вскинула брови, – Такая сила воли, я бы не смогла... А вы знали, что если пить свежавыжатый сок...

И далее я выслушала целую лекцию о важности правильного питания. Подруги говорили и говорили о калориях, белках, жирах и углеводах, постоянно подсчитывая, кто и сколько съел за день. И в голове мгновенно появилась картинка того, как я ежедневно считаю и записываю, записываю и считаю все то, что можно съесть. А пока будешь записывать, есть вообще расхочется. Получается, что весь день будешь думать только о еде. Бред какой-то. Но, чтобы не вызывать лишних вопросов, я просто продолжала молча ковырять низкокалорийный обезжиренный йогурт, консистенция которого больше напоминала сопли, чем молочный продукт.

– Девочки, – я заговорила, когда подруги достали свои смартфоны и принялись фотографировать еду для выкладывания в Инстаграм, – Какие планы на вечер?

Терпеть фотосессию тарелок было определенно выше моих сил.

– О, – Марину явно обрадовал мой вопрос, девушка даже оторвалась от телефона, – Смотрите, кто заговорил! А ты

вечером планируешь к нам заехать?

– К вам? Заехать? – я захлопала глазами.

– Не, Марин, у нее свои планы, – Вика подмигнула, – Она сама не своя, ногти грызет, волосы постоянно трогает, на фэйсбук не заходила два дня, сутки в инстаграм ничего не выкладывала... К нам они точно не заскочат.

– Эй, – Колосова засмеялась, – Если найдете время, подкачивай на наше предвыборное пати, будет весело, если Ярик опять напьется, как вчера, и начнет нести бред про конституцию.

– Он читал рэп! – веселилась Вика.

– Ну да, рэп. На ютубе уже десять тысяч просмотров, – вторая подруга пожала плечами, – Надеюсь, ты еще помнишь, где я живу?

– Помню, – я рассеяно пыталась понять, о чем вообще шла речь, – И что, мы каждый день так... собираться будем?

– Та–да–да–дам! – Марина постучала по столу, – Госпожа будущий президент, ваша идея была повеселиться напоследок. Потом–то придется стать паинькой. Если, конечно, ты настаиваешь, я все отменяю...

Выборы?! Госпожа будущий президент?! Я?! Что за чертовщина?!

Мне не совсем отшибло память. Я прекрасно помнила, что по традиции раз в год все ученики в школе выбирали одного выпускника, который будет активно отстаивать интересы нашей школы на публичных собраниях, а так же бу-

дет являться представителем школы на встречах с городской властью. Этот человек должен был вести список необходимых нововведений в школе, заниматься делами прогульщиков, проводить школьные собрания...

Все это звучало очень интересно и вдохновляюще, но на деле должность президента школы была просто фикцией. За этот пост на протяжении всего времени моей учебы боролись самые властные и популярные личности в школе, для которых главным признанием их величия была победа на этих чертовых выборах. Им всем было плевать с высокой колокольни на прогульщиков, права учеников, на городские собрания и прочую дребедень. И кто был главным кандидатом на пост президента в мире Евы Серовой? Правильно, Марина Колосова. Но здесь и сейчас все кардинально изменилось.

– О! – я так и застыла с ложкой полной йогурта в руках.

– Марин, не пугай ее так! – Вика заботливо положила руку на мое плечо, – Никто ничего не отменит без твоего согласия.

Надо срочно взять себя в руки! Вдох–выдох, вдо–ох и вы–ыдох!

– Конечно, мы заскочим к вам на пати! – я сделала голос как можно более веселым, – Это будет крутым продолжением вечера! На самом деле мне и в ресторан с Волковым совсем не хочется!

По удивленным глазам подруг я поняла, что последнее предложение было явно лишним, пришлось быстро исправ-

лять ситуацию.

– Нет, ну а что! Сидеть и жевать салат с креветками под музыку из прошлого столетия, – примерно так я представляла себе Амплуа, – Даже в инстаграм нечего выложить. Скучотища. Рома не умеет делать сюрпризов.

– Нам казалось, что ты мечтала об этом вечере, – Вика растеряно заморгала.

– Да она издевается над нами, – Марина как всегда веселилась, – Сама–то записалась в салон, и не к кому–нибудь, а к Патрику. И не ты ли собиралась покупать новое платье? Если ты переживаешь, что у нас давно не было свиданий, то знай, мы не завидуем. Мы же подру–уги.

Наверное, я должна что–то ответить.

– Ну что–о ты, – я попыталась спародировать манеру Маринкиного разговора, – Я правда лучше бы провела вечер с вами. Мы же подру–уги. И вы, как подруги, пойдете со мной за самым офигенным платьем. Чтобы у Волкова челюсть отпала.

– Это не обсуждается, – девчонки радостно закивали, – Ты будешь супер–мега крутая сегодня.

Если закрыть глаза и на мгновение забыть о том, что я все же еще сутки назад была ни кем иным, а Евой Серовой, то день проходил вполне обычно. Вокруг нашей компашки всегда суетились какие–то старшеклассники, имена некоторых были для меня совершенно неизвестны, зато мое имя знал каждый. В целом не было ничего ужасного в том, что

за сутки жизнь изменилась целиком и полностью. Я ощущала себя вполне комфортно и даже искренне посмеивалась над глупыми шутками Вики или над колкостями Марины. Самым сложным оказалось контролировать реакцию на свое собственное отражение в зеркале. Это выглядело примерно так, сначала ты видишь незнакомую белокурую девушку, а потом она пугает тебя тем, что повторяет каждое твое движение. Так можно было и с ума сойти.

Была лишь одна вещь, которая не давала мне покоя. Лиза. Как Ева Вишневецкая могла позволить себе так издеваться над моей лучшей подругой? Если четко, я боялась представить, что эта Ева здесь творила до сегодняшнего дня ради забавы. Здешняя я больше походила на ту Марину Колосову, которую я помнила и которая надо мной же издевалась. И это было совершенно не приятно. Но, вот ведь забавная штука жизнь, теперь я на ее месте. И это меня пугало больше всего.

Можно ли попробовать все изменить и доказать всем, что я изменилась? Очень хотелось бы в это верить.

– ...да и вообще, в этом торговом центре одно говно по стоечкам развешано. Кроме, конечно же, вот этого! – Марина резко остановилась напротив очередного магазина с очередным бараклом, в которое меня вот уже полчаса пытались одеть или обуть. В глазах девушки горел неопиcуемый восторг. Я была рада лишь тому, что Вика сбежала от нас де-

сятью минутами ранее, потому что терпеть их бесконечную болтовню на протяжении всего дня о всевозможной чепухе мой мозг был просто не готов.

– Чу–удо магазин, – я вымученно вздохнула, – Чем он отличается от предыдущих пятнадцати?

– В магазине продают водку и селедку! А это Бутик! – Марина потянула меня за собой, – Это же Балдинини! Здесь просто рай для девушки! Шелк, шифон, атлас...

– Ага, равно как и в других пятнадцати магазинах, – я хмыкнула, наблюдая, как Марина набирает вешалки с платьями.

Я и понятия не имела, что хождение по магазинам, пардон, по бутикам, такое утомительное и нудное дело. После третьего все шмотки начинают казаться одинаковыми, а после десятого в глазах начинает двоиться.

– Стараешься, стараешься тут для тебя, – подруга нахмурилась, параллельно разглядывая очередное платье, – Ладно, я не обижаюсь. Ты никогда не любила ходить по торговым центрам, чему тут удивляться.

Ну надо же! Хоть что–то у меня было общего со здешней Евой.

– Как тебе вот это бежевое платье – футляр?

– О–отличное, – я схватила за вешалку, надеясь хоть немного побыть наедине с самой собой в примерочной, – Прямо в нем и уйду отсюда.

– Вот! Одно классное платье способно изменить настрое-

ние! Я всегда это говори... О, черт! – Марина дернула меня в сторону, спрятав за стойками с одеждой, – Гляди–ка кто тут у нас!

Я высунулась из–за укрытия и узрела высоченную девицу с длинными светлыми волосами, бледной кожей и огромным самомнением. Почему я так решила? По реакции консультантов, по ярко–розовой шубке и по надменному томному взгляду из–под явно наращенных пышных ресниц. Но эту девицу я, к сожалению, не знала.

– И кто тут у нас... – я пробормотала это пытаюсь понять, почему необходима эта игра в прятки.

– Вот ведь овца! – Марина грозно зашептала, не обратив внимания на мое удивление, – И как только Волков мог быть с ней... Ой, извини, конечно... Но я до сих пор не могу этого понять! Курица крашеная! Нет, как она тебя в прошлый раз вишневым соком облила, а? Сю–сю–сю не хотела она! Алиса, блин, из страны чудес! Тьфу! Ты так и выбросила то белое платье?

– Ага... – я задумчиво вглядывалась в девушку, наконец, поняв и сбивчивой речи подруженьки, что это моя соперница. Или бывшая соперница. Роману похоже нравятся исключительно блондинки с высоким самомнением и минимальным количеством мозгов...

– Фу! Нет! – донесся до нас гневный голосок блондинки Алисы, – Я же говорила, мне нужна пышная юбка!

– Давай купим этот «бежевый футляр» и свалим отсюда, –

я потянула Маринку к двери.

– Ну уж нет! Мы не можем просто так уйти! Если ты не поставишь эту сучку на место, это сделаю я!

– И на какое место я должна ее поставить? – я хмыкнула.

– На свое место! Она выставила тебя неуклюжей курицей перед всей тусой. Наша очередь! Нужно... ммм... скажем, пробраться в примерочную, сфоткать ее голой и выложить в инстаграм.

– Это пошло, – я выдернула первое попавшееся платье из стойки и улыбнулась, – Может, нарядить ее как чучело?

– И как нам это сделать... Хотя... Можно объединить идеи! – подруга выхватила из моих рук вешалку и принялась разглядывать узкую лямку платья, похожего на мечту феи. А затем Маринка достала ножнички из сумочки цвета взбесившегося цыплёнка и легким движением руки надрезала место крепления лямки к лифу платья.

– Что ты... – я округлила глаза.

– Тссс... – девушка с ехидной ухмылкой подозвала продавца–консультанта и что–то жарко зашептала ей на ухо. Девушка закивала и, схватив злосчастное платье, кинулась к истеричной блондинке, которая все еще требовала юбку попышнее.

– Ну все! – Марина улыбалась, – Теперь и мы идем в примерочную!

– Что? Что это сейчас было? – я застыла, но подруга подтолкнула меня к кабинкам, тем временем Алиса с платьем

уже скрылась за соседней шторкой.

Деваться было некуда. Ну не закатывать же истеричный скандал. К тому же я не была уверена, что у Евы Серовой были таланты к скандалам.

– Одевай вот это, быстро! И выходи, – голос за шторкой был полон гордости и радости, а я решила не возражать и посмотреть, что же будет дальше.

Процесс переодевания из школьной формы в элегантное бежевое платье, которое придавало моей скромной персоне вид деловой дамы и старило лет на десять, занял около минуты. Оглядев себя критично со стороны со словами «По–моему неплохо» я вышла из своего мини–укрытия и лоб в лоб столкнулась с девочкой–барби, которая в это самое мгновение выпорхнула в костюме феи из–за своей шторки.

– Вот это встре–еча! – мгновенно среагировала Алиса, голос которой напоминал сахарную вату политую сгущенным молоком. То еще тошнотворно сладкое сочетание.

Пришлось нацепить самую милую улыбку и кивнуть девушке, в свою очередь Марина защебетала так, будто встретила как минимум королеву английскую

– А–алиса! Шикарно выглядишь! Ты так посвежела с прошлого раза! – подруженька добавила усмешки в голос, – Хотя в прошлый раз ты просто увлеклась лонг–айлендом. Зеленый цвет лица тебе чертовски не шел.

– Не язви, язвочка! – все так же приторно захихикала Алиса, – А ты, я смотрю, набрала пару килограмм, или это

тебя Гуччи полнит? Бери пример с Евы, болезненная худоба на грани анорексии сейчас на пике моды!

– Равно как и розовые костюмчики для детского сада, – не удержавшись фыркнула я.

– Ах, ты об этом! – Алиса говорила, будто пела, – У нас в универе намечается костюмированная вечеринка. Рома, кстати, тоже приглашен, он же к нам поступать собирается! Но пати только для взрослых дядь и тетя! Малышне вход воспрещен!

Девушка шутливо погрозила нам пальцем, а затем развела руки в стороны и резко крутанулась на месте, видимо собираясь показать нам прямоту своих ног или размах юбки, а может еще что. Но... секунду спустя платье с шелестом упало к ногам, и целое мгновение можно было наблюдать Алису в одних розовых трусах со слоненком из страз. Эта девушка точно свихнулась на пороссячем цвете!

Девочка–барби завопила так, будто ее облили ледяной водой в морозную зимнюю ночь, а Маринка рядом ухохатываясь, принялась снимать на телефон все происходящее. Лицо любительницы розового побагровело, а изо рта посыпались такие фразы, что моим незакаленным матом ушам захотелось свернуться в трубочку. И, тем не менее, я тоже расхохоталась.

Еще минуту назад эта пигалица была просто мастером актерской игры и мисс обаяние в одном флаконе, но стоило ситуации вырваться из под ее контроля, как все это наигранная

личина упала, показав ее истинное лицо.

– Вы! ...! – Алиса куталась в шторку, – Не смейте! Не смейте выкладывать это! Я вас урою! Мелкие с...!

На шум сбежались девушки–консультанты, на лицах которых был написан ужас и удивление. Кто–то попытался оттянуть бьющуюся в истерике Алису от кабинки, но та принялась кричать еще громче и явно не собиралась двигаться с места. Апогеем всего происходящего стало падение хромированной трубки, на которой держалась шторка, прямо на голову отчаянно ревущей Алисы. Маринка, все еще хохоча как ненормальная, дернула меня в сторону выхода из этого сумасшедшего дома.

Перед окончательным прощанием с бутиком пришлось все же приобрести платье, которое теперь уже не было возможности снять, поэтому школьную форму пришлось запихнуть в сумку. Но оно того стоило! Во–первых, поиски платья были окончены, во–вторых, так сильно я давно не смеялась.

– Скажи, как? Как ты это сделала? – покончив со смехом, мы направились в кафе.

– Ловкость рук! – Маринка хихикнула, – И подкуп консультантки. Все просто. Она просто не могла не оценить размах этой «достаточно пышной» юбки. Зато уже шестьдесят три человека оценили ее грудь и труселя со слонем.

Я улыбнулась. Может, Марина не так плоха, как кажется? Может, просто в этой вселенной все идет по–другому. У меня есть парень, есть друзья, есть родители. Все же хорошо,

так?

Наконец в четыре часа дня я такси доставило меня к одному из самых модных салонов города. Зачем была нужна еще и какая-то процедура красоты перед свиданием, я не имела ни малейшего представления. Но раз уж здешняя Ева записалась сюда месяц назад, значит, была необходимость. Наверное. Или просто Ева Вишневская перед каждым свиданием, которых наверняка было больше чем одно, ходила наводить красоту в салон.

– Е-ева, здравствуй, ла-апушка! – лицо девушки на ресепшн расплзлось в сладчайшей улыбке при одном взгляде на меня, а далее последовал целый град из риторических вопросов, – Ты хорошеешь день ото дня! Как твоя диета? А в зал все туда же ходишь? Ах, время-время, его совсем нет! Я провожу тебя к Патрику.

Патриком оказался невысокий молодой мужчина с белоснежным чубчиком на голове и в малиновых штанах, которые заставили меня улыбнуться, напомнив о старом любимом маминном фильме «Кин-дза-дза».

– Со-олнышко, ра-ад видеть тебя-я, – Патрик заговорил гнусавым голосом (похоже, что тянуть слова это какая-то новая мода), перебирая мои отросшие волосы, – Все делаем как обычно?

Я не знала, что такое «как обычно», поэтому решила все же вставить свои пожелания.

– Я бы хотела сменить цвет волос. Любой, только не бе-

лый!

Стилист замер, и, клянусь, в его глазах появились слезы!

– Но ла-апушка! – голос Патрика задрожал, – Мы с тобой два года бились над этим цветом! А все для чего? Для того чтобы ты сейчас убила вот так наши старания? Не-ет, хоть режьте! Не буду! Даже не уговаривай!

– Хорошо-хорошо, – я согласилась только потому, что причитания стилиста становились все истеричнее, а растягивание слов начало действовать на нервы, – Тогда я хочу убрать длину.

Наигранные слезы мгновенно исчезли с лица мужчины.

– Ура-ура! – Патрик даже в ладоши захлопал, – Наконец-то ты согласилась! Тогда красим корни, стрижем ассиметричное каре и делаем ле-егкий макияж! Ты будешь просто конфетка! Сладенькая!

Я закрыла глаза и попыталась отключить слух, чтобы голос стилиста не заставил мои мозги закипеть. Но это было не так-то просто, Патрик трещал без умолку, да и остальной салон жил своей жизнью. Вся какофония звуков, к которым примешивались едкие запахи, производила в моей черепной коробке революцию, и я молилась о том, чтобы быстрее выбраться на свежий воздух.

В тот момент, когда корни моих волос были обработаны едкой краской, мой слух выловил знакомую фамилию среди всего этого буйства звуков.

– ...Вишневский! – женский голос говорил смело и гор-

до, – Ты мне не веришь? Скажу тебе по секрету, скоро этого вора точно посадят! Он уже перешел дорогу Волкову...

Стоп. Это она про отца?

– С чего ты это взяла? – недоверчиво хмыкнула собеседница, – Такие как он всегда выходят сухими из воды. Да и Люда...

– А что Люда? Что она сделает? Сбежит в Америку с не рожденным отпрыском? Ха–ха. Мне Толик сказал, что на обеде у мэра...

Итак, дамы за перегородкой точно обсуждают мою семью.

– Пошли смывать голову, – голос Патрика, из–за которого я не расслышала конец фразы, заставил меня подскочить на кресле, – Ева, ты что уснула?

– Н–нет, – я послушно встала и прошла к раковине, анализируя услышанное.

Мой папа в этой вселенной явно не самый последний человек, это было понятно с первых секунд осознания произошедших перемен. И то, что его может кто–то обсуждать в подобном месте, не должно было меня удивлять. Но все же настораживал тон, которым женщины сплетничали. Неужели моей семье может что–то угрожать? Папа перешел дорогу... Волкову?! Что все это могло значить?

Когда Патрик вернул меня в кресло, подслушивать было некого, потому как место сплетниц теперь пустовало. Что ж, придется отложить эту тему для размышлений, потому что мне катастрофически не хватало информации о жизни меня

здешней. И в десятый раз за сегодняшний день закрыла глаза и постаралась не думать ни о чем, забыть ту, другую Еву.

Короткая стрижка мне безумно идет – первое, что пришло в голову, когда я принялась рассматривать свое отражение в зеркале. Умелый макияж, модная стрижка и бежевое платье сделали меня похожей на фарфоровую куклу, но я не жаловалась. Это все же лучше, чем иметь схожесть с маленьким серым грызуном.

– Ты прелестна! И платье сидит на тебе как влитое! – Патрик повторил эту фразу в тридцатый раз, а я в тридцатый раз вымученно улыбнулась и кивнула.

– Это просто волшебство! – я решила на комплимент.

– Сказка! – Патрик захлопал в ладоши и направился к стойке ресепшн, – Отправим нашу принцессу на бал!

Спустя пару минут я, наконец, очутилась на улице. Зима радовала небольшим морозом и свежим воздухом, который оказывал лечебное действие на голову и нос, подвергшийся испытанию краской, лаком для волос и другой разнообразной химией. Идти на это свидание почему-то совершенно не расхотелось, но, кто знает, может из всего этого сможет получиться что-нибудь хорошее. Может, здесь я действительно нашла свое счастье?

Глава 5

– Вот это приколы! – Рома встретил меня у входа в Амплуа, держа огромный букет из ярко-алых роз, – Ты стала похожа на эту... ну актрису... из Дома два. На Ольгу Бузову, точно!

– Тебе не нравится? – реакция парня немного сбила меня с толку. Я–то наивно ожидала реакции вроде «едва заметив Ее он застыл, не решаясь на поцелуй». Похоже, кто–то читал слишком много книг...

– Ты...ну... необычная! Прикольно получилось. Давай селфи замутим! – парень ловким привычным жестом выудил телефон, левой рукой подтянул меня к себе, впихнул в руки букет и вытянутой рукой принялся фотографировать наши «счастливые» лица.

М–да, не так я представляла себе мое первое свидание и первый букет цветов. Эти розы стали, скорее декорацией для счастливой пары на глупом снимке, равно как и вывеска Амплуа на заднем фоне. Я прямо вижу название этого фото: «Эй, смотри! Я так крут, потому что привел девушку в самое крутой заведение города и подарил ей дорогуший букет из двадцати одной розы! Завидуйте». И, черт возьми, что за идиотская привычка постоянно делать фото себя с вытянутой руки? Это что, красиво?

– Надо запостить на Фэйсбуке, в инстаграме фотка по-

явится через три–два–один... – Рома увлеченно тыкал пальцем в свой смартфон, а я так и застыла на месте, обхватывая тяжеленный букетище.

– Ты такая кислая на фотке, вон подруги твои уже комментят.

Происходящее меня раздражало. Неужели все современные свидания начинаются с селфи и публикации в социальных сетях? Может я, конечно, слишком старомодна, но мне представлялось нечто более романтичное вроде ужина при свечах и танцев под классическую музыку. Да даже простой поход в кинотеатр... хотя нет, с кинотеатром у меня плохие ассоциации.

– И что комментиру...комментят? – я нервно переминалась с ноги на ногу, совершенно не представляя, какой должна была быть моя реакция. Наверное, сейчас я мне нужно достать свой телефон и так же рассматривать фото в сети, но холод заставлял реагировать иначе.

– Уже восемнадцать лайков, – Рома удовлетворенно улыбнулся, – А ты даже не посмотрела.

– Я в ресторане посмотрю, – пришлось взять инициативу в свои руки и самой открыть дверь заведения, – Внутри точно есть Вай–фай.

«Амплуа» встретил нас атмосферой роскоши и богатства, а улыбчивая девушка – администратор мгновенно проводила нашу пару к столику возле окна с чудесным видом на вечерний город и принесла вазу для цветов. Внутреннее убран-

ство ресторана оказалось примерно таким, как я и представляла. От позолоченных предметов декора слезились глаза, а бардовые тяжелые шторы, подхваченные все тем же золотом, придавали помещению немного зловещий вид. Лишь кипельно-белые скатерти на столах немного освежали обстановку.

– Вот д...о! – Рома развалился на стуле будто на диване дома и уставился в меню, – Здесь даже бургеры не готовят.

За бургерами можно было и в Макдоналдс сходить.

– Зато есть улитки, – я быстро нашла блюда французской кухни, – Всегда мечтала попробовать.

– Фу–у, – парень скривился, – Они как сопли.

– А устрицы?

– Те же сопли, только жидкие. Меня от них тошнит.

М–да, мой молодой человек был явно далек от образа рыцаря в моей голове.

– Ладно, хорошо... мы не будем есть сопли... – я продолжила изучение меню.

– А я уже определился с заказом, – в голосе молодого человека появилось веселье, – Эй, девушка! Шампанского нам!

– Что? Какое шампанское, ты в свое уме? – я запротестовала.

– Никак не привыкнешь к тому, что твой парень совершеннолетний? – Рома рассмеялся, – Или тебе больше по душе коктейли?

– Мне больше по душе апельсиновый сок. Мне шестна-

дцать, и я не собираюсь нарушать закон.

– О, конечно! – парень щелкнул пальцами, привлекая внимание официантки, – Нам еще мартини с апельсиновым соком!

– Какого черта! – я схватилась за голову, – Ты издеваешься?

– А что такого? Ты вчера весь вечер налегала на мартини. Да забей! На тебя здесь всем пофиг!

– Зато мне не пофиг.

– Ев, что происходит?

– А что происходит? Это ты странно себя ведешь...

– Я? – Рома за одно мгновение опустошил бокал шампанского, – Это ты вчера впала в истерику, орала, что тебе жить надоело, пока я нес тебя домой. А утром улыбалась, как ни в чем не бывало...

Что? Здешняя Ева устала от чрезмерного внимания? Корона на голове ей жала что ли...?

– Это была шутка, – у меня не нашлось ответа лучше.

– Это был развод, – Рома фыркнул, – Твои приколы прикалывают только тебя. Так что, мартини?

– Мне нужно...отлучиться, – я совершенно не представляла, что делать дальше, о чем говорить, поэтому было принято решение пугливо спрятаться на несколько минут в туалете.

В дамской комнате пахло дорогим парфюмерным салом, и было не совсем понятно, или здесь специально распы-

ляют «шанель», или запах исходит от посетительниц. Хотя, судя по тому, что убранство этой комнаты не сильно отличалось по роскошности от основного зала, не удивлюсь, если и духи здесь распыляет специально обученный человек.

И от всего происходящего моя голова, не успевшая свыкнуться с мыслью обо мне новой, опять шла кругом. Я решительно не понимала, что у меня могло быть общего с таким парнем, как Рома Волков и по какой причине мы с ним могли быть вместе целых полгода. На данный момент я не могла найти ни одной темы для разговора, которая была бы интересна и ему и мне. Как отвечать на вопросы? Как вести себя? Отражение в зеркале молчало. Та Ева по другую сторону стекла казалась холодной и неприступной, будто льдинка. Возможно, мне стоит поучиться стойкости у своего же отражения.

Едва я села за столик, на котором уже красовались фрукты, улитки (неужели Рома их все же заказал?!) и какое-то подобие мяса, Рома ткнул меня носом в свой телефон.

– Прикинь, Ярик выложил фотки задницы Жирехи из твоего класса. Зацени. Попка что надо, в объектив не поместилась.

Рома заржал от своей шутки, а мои глаза уперлись в телефон, на экране которого и правда была пятая точка. Слишком знакомая пятая точка. Да и Жирехой в моем классе Волков мог назвать лишь одну девушку. Ох, Лиза...

– Удали немедленно! – я принялась тыкать пальцем в

экран, надеясь, что фото исчезнет, – Это что, по-твоему, смешно?

– А че такого? – Рома пожал плечами, – Ты чего завелась то?

Моему негодованию не было предела.

– Не смейте, слышишь, не смейте над ней издеваться!!! И... куда там Ярик выложил эту фотку?!

Меня изнутри обожгла отвратительная волна стыда. Если фото появилось в социальных сетях, то завтра это событие будет обсуждать вся школа!

– Куда–куда, в инстаграм надо заходить, сама бы все увидела, – Рома переместился на соседний стул, – Малыш, не кипятись! Хотя, ты когда злишься такая секси...

Слушать Волкова мне совершенно расхотелось, поэтому решительным жестом я достала из сумки свой телефон и принялась изучать сие чудо техники, обладая лишь поверхностными знаниями обо всех этих новомодных устройствах. Всеми известный инстаграм нашелся сразу, и первым фото в ленте новостей оказалось фото того самого «ракурса сзади». От комментариев зарябило в глазах.

– Пусть твой Ярик это удалит! Немедленно! Ему что, заняться больше нечем? Или на большее мозгов не хватает, только и умеет, что пялиться на чужие задницы! А ты? Чего ты–то хохочешь?

– Ладно–ладно, – Рома заговорил задыхаясь от смеха, а затем что–то быстро набрал на телефоне, – Все, удалит он

этот пост, довольна? Ты так красиво злишься...

Рома придвинулся ко мне на неприлично близкое расстояние, явно собираясь поцеловать меня. Впервые. То есть, для Евы Серовой впервые. И я от этого была совершенно не в восторге, наоборот, пришлось держаться, чтобы не сбросить с себя его длиннющие цепкие руки. От парня шел стойкий кисловатый аромат шампанского и резких удушающих духов. Думай Ева, Думай! Еще секунда и обратного пути не будет! И тут мне на глаза попались улитки...

– Пстой, – я старалась говорить как можно ласковой, – Закрой глаза и открой рот. Я хочу, чтобы сегодня наши поцелуй были особенными.

– О, ты решила поиграть, – Рома мгновенно выполнил все требуемые мною условия.

Мои руки быстро схватили немаленькую улитку с позолоченного блюда, и я одним движением запихнула этого моллюска Волкову в рот, параллельно прижимая его к себе, чтобы он не сразу понял, что, собственно говоря, произошло. Затем раздался хруст и... Вообще, я не задавалась вопросом, съедобная ли раковинка у этих самых улиток...

– Т–а–ю еж ать! Еа! (это было – Твою же Мать! Ева!) – во рту у парня клокотали и хрустели остатки ни в чем не повинного моллюска.

Спустя секунду он уже несся с широко открытыми полными ужаса глазами в сторону туалетных комнат, а я на мгновение застыла. А затем меня накрыло смехом, причем от ве-

селья пришлось согнуться пополам и хохотать, хохотать, хохотать как ненормальной. Нет, зрелище и правда было слишком обескураживающим, жаль, что на камеру не записала. Увидеть все это еще раз дорогого стоит.

А вообще, я не верила сама себе. Неужели эту шутку провернула я сама и без особых усилий? Я дала отпор. Рома с его дружками посмеялся над моей подругой (пусть и бывшей), а я посмеялась над ним. Все справедливо, бумеранг жизни должен возвращаться к тем, кто его «заслужил».

– А не офигела ли ты? – Рома с мокрым раскрасневшимся лицом навис надо мной будто грозный всадник над Петербургом.

– Тебе разве не было смешно? – я все еще хихикала, – Ты так аппетитно хрустел и двигал челюстями! Всех официанток распугал!

– Ты невыносимая, – Волков плюхнулся на свое место и принялся закидывать в рот кусочки мяса, орудуя руками и не заморачиваясь над количеством вилок, окружавших его тарелку, – И как я тебя до сих пор не покалечил за все твои выходки?

– Не дуйся, – во мне появился неведомый до сегодняшнего дня азарт, азарт узнать, что я из себя представляю здесь и сейчас, – Поехали лучше к Маринке. У них пати. Повеселимся!

Рома нахмурился.

– Мы собирались после ужина поехать ко мне.

– Зачем же это?

– Хм, ну наве–ерное, наедине мы будем, – парень сделал паузу, – Кино смотреть. Че ты как маленькая?

– Это скучно, – я сделала вид, что не обратила внимания на пошлый намек, – Я обещала девочкам, что мы заедем.

Кажется, сейчас по классике жанра, для получения желаемого, мне необходимо было надуть губы для изображения обиженной девочки. Что я и сделала, точнее попыталась. Актриса из меня была довольно скверная.

– Если пообещаешь, что больше ни одной улитки не появится у меня во рту, – Рома сдался.

– Окей, – я кивнула и с готовностью вскочила с места.

Все мои романтические ожидания первого красивого и нежного первого свидания с поцелуями и прогулками под луной (кого я обманываю?! такого не бывает в жизни!) с треском разбились об пафосную реальность. Что ж, зато побывала в самом престижном заведении города, посмеялась от души и теперь еду на шикарной машине с личным водителем на вечеринку, посвященную предстоящим школьным выборам.

Автомобиль привез нас в тот самый коттеджный поселок, из которого утром мама отвозила меня в школу, что ж, отлично! В любой момент можно будет променять эту «тусовку» на общение с семьей.

В доме Марины, похожем на небольшой старинный замок, у которого даже башенки имелись, нас встретили шумно и

весело. Народу в доме набилось столько, что с трудом угадывался цвет стен в прихожей. Пора бы было уже привыкнуть к всеобщему вниманию, но излишние объятия и похлопывания немного действовали на нервы.

– Вы все–таки приехали! – разукрашенная как индеец Маринка кинулась мне на шею будто мы, ей богу, год не виделись.

– Это была ее идея, – Рома ткнула пальцем в мою сторону, – Ни часу без вас с Викой не может прожить.

– Поздравляем вас с датой! В крутые! Ева самая лучшая! – летело со всех сторон в то время, пока мы пробирались в гостиную, из которой доносилась громкая музыка.

Почти все пространство просторной комнаты, обставленной в классическом стиле дорогими диванами, креслами и столиками, сейчас было заполнено совершенно незнакомыми подростками, некоторые лица, конечно, мелькали раньше в школе, но что–то мне подсказывало, что здесь были и ребята постарше, из института. Музыка здесь звучала больше для фона, чем для танцев, потому что каждый был занят своим делом, кто–то играл в гонки на большущем телевизоре, пара человек пили какой–то подозрительный напиток наперегонки, а остальные просто горячо обсуждали последние сплетни. Из–за приглушенного света и громкой музыки наше появление здесь оказалось незамеченным.

– Охрененно выглядишь! Стрижка просто вау! – Маринка пыталась перекричать музыку.

– Спасибо. У тебя мейк крутой, – все эти новомодные слова давались мне с трудом, да еще и приходилось говорить на грани возможной громкости своего голоса.

– Ну что, как тебе? Лучше, чем вчера?

– А вы что, соревнуетесь с Викой?

– Не, что ты! – Маринка рассмеялась, – Но народу сегодня больше! Тебе что принести? Там на столиках есть пиво...

– Нет, спасибо, – у Евы Вишневской явно были проблемы с алкоголем, и с законом, – Здесь есть сок? Или вода?

– Что? – Марина не расслышала, – Водка?

– Сок, – Рома внезапно появился рядом, – Ева сегодня на диете.

– Не портит романтику, – Марина рассмеялась, – Я пойду на кухню, поищу что-нибудь. Ты пока с народом пообщайся.

– Я с тобой! Надо заесть улиток.

И едва ребята покинули меня, рядом мгновенно нарисовался тот самый Ярик, которого полчаса назад мне хотелось поколотить. Сейчас я успокоилась, но видеть этого придурка рядом мне совершенно не хотелось, поэтому я предприняла попытку незаметно улизнуть.

– Вишневская, стой! – Ярик схватил мою руку, препятствуя побегу, – Как дела?

– Привет, – я попыталась изобразить приветливую улыбку, – Все супер. Ты удалил фотку Антоновой?

– Чего? – парень непонимающе нахмурился, – А, Жире-хи. Ага, удалил. Рома написал, что ты в бешенстве. Чего ты

взъелась то?

– Это мое дело, – мне не хотелось вдаваться в подробности этого идиотизма, равно как и не было желания продолжать эту бесцельную беседу, – Мне нужно...

– Вообще–то я тебя ждал, – парень бесцеремонно меня перебил и потащил в сторону дивана, скрывая от остальных гостей, – Ну что, ты подумала?

– Подумала...

Вот черт! Опять эти головоломки. Итак, что меня могло связывать с этим высокомерным надменным шутником? Да что бы меня там не связывало...

– И? Какой ответ?

– Мой ответ нет, – я вновь попыталась избавиться от этого назойливого собеседника.

– Это из–за того, что ты меня не переносишь?

Вот как значит? Хоть что–то со здешней Евой у нас было общего.

– А это так заметно?

– Наши чувства взаимны, – Ярик хмыкнул, – Но это же для дела надо. Неужели сложно взять у отца ключи от машины?

В какие такие «дела» этот хмырь болотный хочет ввязать меня с машиной отца?

– Слушай, отвяжись, а? – я уверено рванула по направлению к кухне, – Я в твоих грязных делах участвовать не собираюсь.

Наверное, посещение сегодняшнего мероприятия было далеко не самой лучшей идеей. Потому что я чувствовала себя совсем неуютно находясь среди незнакомых людей, причем эти самые люди меня незнакомкой не считали. По пути к кухне почти каждый умудрился похвалить мою прическу, поинтересоваться как дела, некоторые даже пытались начать диалог.

Нет уж, хватит с меня. Нужно скорее отчаливать с этой вечеринки, за сегодняшний день я и так получила информации достаточно для взрыва мозга. Осталось найти Волкова с Колосовой и сообщить радостное известие о моем уходе.

Внезапный удар в правое плечо заставил мое тело отлететь к противоположной стене коридора, выронив при этом сумку. Оглядев обстановку, я поняла, что удар шел от двери, которая вела, скорее всего, в туалетную комнату. Именно от этой двери ко мне подскочил невысокий молодой человек в зеленом джемпере.

– Ой, Ева! – парень заговорил гнусавым голосом, – Сорри! Круто выглядишь! Ты норм?

– Ага. Норм, – внутри появился испуг от того, что сейчас и этот тип захочет со мной что-то обсудить, поэтому я поспешила подняться с пола, – Все суперски.

Гнусавый не сопротивлялся, поэтому я поспешила на поиски всех своих немногочисленных пожитков, которые были надежно спрятаны в небольшой сумке. Из-за тусклого света моя задача сильно усложнилась, пришлось действовать на

ощупь. В момент, когда я обнаружила свою пропажу, до моих ушей долетели знакомые голоса.

– Ты обалдел? – Маринка была явно не довольна своим собеседником, – Я не ожидала, что развести девушку так сложно. Сколько она тебя маринует?

– Да какая разница? – собеседником подруги оказался Рома, – Сегодня все закончится. Дай стакан.

Я распласталась прямо напротив кухни, собирая свое рассыпавшееся барахло и став невольным слушателем странного разговора двух близких для Евы Вишневской людей.

– Это точно снотворное? Нам скорую не придется вызывать?

– Слушай, какая нахрен скорая? Не кипишуй.

– Знаешь, а нихрена у тебя не получится, – Маринка рассмеялась и загремела какой-то стеклянной посудой, – Ты думаешь, Ева тебя не раскусит? Раскусит, прожует и выплюнет. У нее хоть и мозгов маловато, но наша девочка не так проста. Она носом чует подвох.

Ведро ледяной воды, которое могло бы на меня обрушиться, не принесло бы такого ощущения шока, заставившего мое тело просто оцепенеть.

– Хорош ерунду гнать, – Волков фыркнул, – Она тупая истеричная и упрямая смазливая кукла. Если бы не я...

– Да нужен ты ей! – Колосова продолжала веселиться, – У нее таких как ты было штук десять. Думаешь, ты самый особенный?

– Это для меня она не первая и не последняя. Давай поспорим. На деньги. Если у меня получится, то ты лишишься пяти косарей.

– Это ты лишишься пяти косарей, – Марина фыркнула, – Потому что нихрена у тебя не выйдет. Точнее не войдет. Ха-ха. Топай скорее к своей кукле.

Понимая, что меня сейчас, скорее всего, обнаружат, а этого совершенно не хотелось, я со скоростью света вскочила на ноги и бросилась к спасительной гостиной, где можно было без труда слиться с толпой.

Итак... Только что на меня поспорили. И не просто кто-нибудь, а лучшая подруга и любимый человек, оценив то, что принято в культурном обществе называть честью, в пять тысяч рублей. Пять тысяч чертовых рублей! Да это даже не деньги для этих членов клуба «золотая молодежь». Но самым обидным стало чувство горького разочарования. Как можно было почти поверить этим двоим?! А та, другая Ева действительно считала этих людей близкими. А эти «близкие» за глаза называли ее истеричной, глупой, смазливой куклой, у которой в голове вместо мозга черная дыра.

Растерянность от услышанного продлилась лишь доли секунды, на смену ей пришло странное, незнакомое до сих пор чувство. И от этого внутри все будто обожгло кипятком. Я попыталась отдышаться и задавить то, что жгло изнутри. И это была совсем не обида...это была...злость? Ненависть? В любом случае это была не моя эмоция, мне очень хоте-

лось избавиться от нее. Хотя, стоп. Зачем? Чтобы как и раньше понутив голову принимать насмешки и издевки от друзей–предателей? Бьют по правой щеке, а я подставляю левую? Ну уж нет!

Решительно захотелось отомстить. И за ту, другую Еву и за себя из другой реальности. Наверное, в какой бы реальности человек не очутился, есть те черты, которые остаются неизменными.

Может, здесь Ева Вишневская и богатенькая выскочка, но, похоже, что ее как и меня ни во что не ставят. Нужно дать понять, что я не тряпка и не слепая.

– Е–ева–а, – стоило мне на пару секунд выпасть из реальности, как меня мгновенно решили ввязать в очередную беседу.

– Приве–ет, – я вымученно улыбнулась, – Мне надо...

– Ты завтра свободна? – девушка в синем вязанном платье, окликнувшая меня, была настойчива, – Нам нужно обсудить детали твоей речи. Ты же уже пишешь речь?

– Что? Речь? – я заморгала.

– Зачем ей писать речь? – из–под моей левой руки выскочила подозрительно знакомая рыженькая девчушка, – Скажет пару слов благодарности и хорош. Это тухло и скучно.

– Катюх, уйди, а. У нас серьезный разговор, – синее платье похоже решила привязаться ко мне надолго.

– Давай завтра, а... – я замолчала, потому что на мое плечо легла знакомая рука.

– Ну, как ты тут? – Рома как ни в чем не бывало сунул в мою руку стакан с оранжевой жидкостью, – Вот, твой сок.

– С–спасибо, – я послушно приняла бокал, – Но мне надо...

– О, Волков! – вязанное платье опять заставила меня замолчать, – Ты мне тоже нужен. Где ты вообще пропадаешь? Твои документы для Англии лежат у меня почти месяц! Месяц, Ром!

– Ленюк, давай не сейчас. Дай народу повеселиться. Лезешь вечно...

– И где мне тебя потом искать? – приставучая Ленюк не унималась, – Куда мне твой паспорт запихнуть? В унитаз если только.

– О–о–о, ребятаыы, – до нас докатились пьяные первокурсники, которые на скорость пили пиво десятью минутами ранее, – Давайте чокнемся!

– Ай! Вы мне все ноги поотдавили, – Ленюк запрыгала на месте, в то время как Рома послушно принимал огромный бокал с золотистым напитком.

Я попыталась выбраться из этой кучи, но не тут то было.

– Кто пролил на меня пиво?! – закричала рыженькая Катюха, – Это не прикольно!

– Да не гунди! – длинный белобрысый первокурсник дернул девушку за руку, – Чокнемся!

– Чокнемся! – проорали остальные ребята, включая Волкова, который подтянул и мою руку с соком для этого иди-

отского массового чоканья в процессе которого мне трижды чуть не вывихнули запястье

–У–у–ура! Пей! Пей! Пей! – гул из голосов нарастал, и все участники нашего сборища принялись поглощать содержимое бокалов.

– Ой, а что это у тебя? Оранжевенькое... Ик! Сок? – Катюха, глаза которой разъезжались в разные стороны, заставила меня остановиться в процессе утоления жажды.

Вот Черт! Черт, черт, черт! Я выпила из этого идиотского бокала...

Глава 6

Этого не может быть! Хотя нет, такое могло случиться только со мной. Если бы организовывали конкурс среди неудачников, я бы точно стала чемпионом. Интересно, если положить грабли на пол, сколько раз я буду на них наступать, пока до моих мозгов, наконец, дойдет, что шишка от удара деревяшкой по лбу меньше не становится. Кто-то решил меня отравить, и я узнала об этом? Да, конечно, я выпью отраву! Налейте, пожалуйста, два стакана...

Черт возьми! Что делать то? Как быстро эта дрянь действует? У меня кружится голова от духоты или от снотворного? Вот черт! Черт! Черт!

– Э-эй! Вишневская! Ты чего позеленела? – Леночка выхватила мой стакан и за одно мгновение осушила остатки содержимого, я даже глазом моргнуть не успела, – Спасибки! Ненавижу вкус пива.

– А не офигела ли ты? – Рома разозлился не на шутку, – Я весь холодильник перерыл, пока нашел сок для Евы!

– Тебе что, жалко что ли...

– Все нормально, – я встряла в эту бессмысленную беседу, – Мне все равно нужно идти. Срочное дело...эээ...

– Кис, мы же только пришли. Не кипишуй, – Рома приобнял меня за плечи.

– Эй! Что я слышу! – Маринка как всегда появилась «во-

время», – Ты хочешь нас бросить? Я тебя не отпускаю! Идем танцевать!

Девушка схватила меня за руки и дернула в центр комнаты, выделенный, по всей видимости, под танцпол.

Внутри начал сжиматься отвратительный комок из всепоглощающего страха, потому что в моей голове не было ни единой мысли о том, как нужно было действовать дальше. Куда бежать? Как бежать? И сколько у меня было времени до того момента, пока «зелье» начнет работать, и мое тело рухнет в объятия Романа, я не имела ни малейшего представления. Вполне возможно, что это произойдет прямо сейчас, а может и через час? Кто знает, какую дозу этот придурок собирался в меня влить.

Так, спокойствие, только спокойствие, как говорил мой любимый мультяшный персонаж. Во-первых, я выпила не весь стакан отравы, со мной эту участь благородно поделила прекрасная Елена, а, во-вторых, у меня еще точно есть время. Надо включить мозги. И почему в теле человека нет такого прекрасного переключателя?!

И вообще, может, стоит разоблачить этих лжецов на глазах у всех, плюнуть в лицо и уйти с гордо поднятой головой? Как быть? Что делать? Думай, Ева, Думай!

Но спасение для моих мозгов пришло совершенно неожиданно. Стоило только моей ноге ступить на импровизированный танцпол, решение о дальнейших действиях пришло само собой вместе с зазвучавшей музыкой, которая была мне

знакома по одному из многочисленных молодежных сериалов, которых так любила Лиза. Спасибо, подруга! Значит, повеселиться Рома захотел! Ну уж нет, сегодня мой день. Моя очередь веселиться, главное набраться смелости при выполнении определенных действий. Ну и на крайний случай в моей сумке лежал телефон, по которому всегда можно было вызвать службу спасения.

– Знаешь! – я закричала Маринке, – А это отличная идея! Ну, танцы и все такое...

– Я знала, что тебе понравится, – девушка принялась извиваться в такт музыке, а я попыталась ей подражать.

Для начала, не нужно себя сдерживать. Просто слушать музыку и двигаться, слушать музыку, улыбаться, двигаться, смеяться. Это совсем не сложно. Если на мгновение попытаться забыть разговор на кухне, то можно было даже получать удовольствие от происходящего. Нет, правда. Еве Серовой можно было лишь мечтать о присутствии на мероприятии такого масштаба. Разве что меня могли бы пригласить помыть посуду и убратсья в доме после вечеринки. Сейчас же Ева Вишнеvская находилась в центре внимания, с ней хотели разговаривать, с ней хотели танцевать, с ней постоянно хотели делать эти идиотские «селфи». И мне нужно было притвориться ею.

– Как хорошо, – Маринка кричала мне во все горло, – Когда родаки сваливают! Я люблю–ю Сейшелы–ы!

– Я тоже люблю–ю Сейшелы–ы! – хоть и лишь приблизи-

тельно предполагаю, где они находятся.

Музыка сменилась, и из динамиков загрохотала мелодия, успевшая надоесть мне еще в другой реальности, хоть там я не была особым ценителем музыки. Но толпа вокруг отреагировала бурным одобрением.

– Оп! Оп! – Маринка принялась подпрыгивать, – Твоя любимая! Покажем народу танец?

– Чего–о? Какой–какой танец?

Вот черт! Неужели мне придется делать все эти идиотские вещи из клипа, увиденного мной лишь раз в жизни?!

– Да–а! – Марина извивалась как уж на сковородке.

Пришлось обреченно повторять движения скачки на воображаемом коне, представляя себя лихим жителем дикого запада. Пришлось даже доставать воображаемое лоссо! За что мне все это?!

– Су–уупер! – проорала Маринка.

И я двигала, а потом опять прыгала. А что, спрашивается, мне оставалось делать? Эти массовые скачки напоминали мне сборище психов–ковбоев, некоторым так вообще казалось, что лошадь их сбрасывает. Иначе, по какой причине они валились на пол? На третьем припеве мой и импровизированный конь стал вполне даже настоящим.

– Рома! – я завизжала, когда между моими ногами прополз «мой–почти–бывший–парень», – Какого черта?!

От неожиданности я рухнула назад, но была поймана чьими–то цепкими руками, которые оттащили меня в сторону.

В мгновение ока перед моим взором оказалась вездесущая Маринка.

– Ты и Волков, у вас все хорошо? Ты чего шарахнулась–то?

Что? Да она издевается?!

– С Ромой? – я расхохоталась, – Да все просто отлично!

– Значит, показалось... Промониторь, Ярик на меня смотрит?

Найти парня не составило большого труда. Он смотрел только в стакан, и, по–моему, планировал быть верным только ему в этот вечер. Но я соврала.

– Да, он на тебе сейчас дырку прожжет. О, Рома к нему присоединился...

– Замеча–ательно! – девушка принялась отчаянно вилять своей пятой точкой, вызвав у меня новые приступы смеха.

Кажется «почти–бывшей–подруге» пора помочь в делах сердечных! Надеюсь, Ярослав окажется настолько плох, насколько я о нем думаю. Стоп. Это что, злорадство? Разве место меняет человека, а не человек место?

– Ребя–ята! Ро–ом! Я–ярик! – я подняла руки вверх, – Тащите свои задницы к нам!

– Какого фига, Ев? – Маринке явно не понравилась моя идея.

Но было поздно, мой возглас долетел до парней только и ждавших нашего приглашения присоединиться. Итак, пора переходить к самой неприятной части, к наступлению! Нуж-

но действовать решительно!

– Девчонки! Вы просто взорвали танцпол! – Ярик шлепнул Маринку по заднице и сразу получил пощечину, но ничуть не огорчился, скорее наоборот, – Марин, ты вся кипись! Это заводит!

– Заводят машину, придурок! – девушка рассмеялась и притянула мое лицо ближе к себе, – Селфи для Ви-ики! Говорим Ви-ика!

Далее последовала череда однотипных фотографий, снятых с руки. В какой-то момент и парни влезли в кадр, причем Ярик весьма нагло успел поцеловать Маринку, вызвав бурю негодования.

– Придурок! Ты совсем с катушек слетел?! Глаза разуй! Я не одна из твоих дешевых... Что ты, мать твою, делаешь?! Поставь меня!!!

Ярослав, недолго думая, подхватил истошно вопящую Марину на руки и снова впился своими губами в ее губы.

– Какие страсти тут кипят, – я развернулась и кинулась Роме на шею, – Потанцуй со мной!

– О, моя детка вернулась! – парень довольно грубо притянул меня к себе, отчего все движения стали скованными, зато хорошо прощупывалась анатомия мужского тела.

Хоть я и не была ханжой, но чем дальше двигался мой план, тем тяжелее становилось играть свою роль. Нужно просто дышать, вдох-выдох! У меня получится, это совсем не сложно... Я запустила руки в золотистые волосы Романа

притягивая его лицо ближе. Его карие глаза, когда-то казавшиеся самыми прекрасными, сейчас немного пугали своей пылкостью. Но пути назад не было. В момент, когда его пухлые губы впились в мои, я готова была бежать хоть на край света, подальше от всего этого. Парень елозил своими руками там, где им было совершенно не место, будь я в трезвом уме и твердой памяти. Он целовал меня жадно, резко и вызывающе, обдавая резким горьким запахом пива. В какой-то момент мне показалось, что он хотел съесть прямо на глазах у публики.

– Эй! Ребя-ят! Тут же дети! – Марина оборвала мои мучения. – Вот неугомонные!

В заключение Рома подхватил меня на руки и закружил так, что перед глазами заплясали разноцветные круги. Ох, и на что я, спрашивается, подписалась?

– А ты, я смотрю, завидуешь, – Ярик опять обхватил Мринку за талию, – Давай завидовать вместе!

– Отвали! – «подруга» выкрутилась из объятий, – Я тебе не по зубам!

Мои ноги, наконец, очутились на земле, но все вокруг по-прежнему вращалось. Внутри появилась незнакомая легкость. Стоп! Неужели «яд» начал действовать?!

– Мари-ин, – я заговорила, как ни в чем не бывало, – Дай парню шанс! Ты посмотри, как он страдает!

– Страдает он! – девушка рассмеялась, – Да он глазами меня уже раздел!

– Дважды! – парень ухмыльнулся и вновь заключил Марину в свои объятия.

– Ев, – Рома навалился на меня сзади, – Ты прям этот, купидон!

«А ты прям кретин!» пронеслось в голове, но я послушно развернулась к своему молодому человеку и продолжила двигать телом, пытаясь уловить ритм музыки. Хотя, кому это было нужно? Роме было бы достаточно и того, что я извивалась перед ним как уж на сковородке. И теперь он изо всех сил обжимал прижимал мое хрупкое тело, а я старалась держаться, чтоб не вмазать этому самовлюбленному идиоту прямо между глаз.

– Ев! – Маринка подтянула меня к себе, давая спасительную передышку от объятий, – Можно тебя на минутку?

– Конечно. Ро–ом, – пришлось нацепить на лицо самую милую улыбку, – Девочки хотят посекретничать!

«Подруга» схватила мою руку и двинулась в сторону коридора, увлекая меня за собой. А я была рада даже этому минутному отдыху от моего любвеобильного спутника. Маринка завела меня в ванную комнату и закрыла дверь.

– Слушай, – девушка уставилась мне в глаза, – Что с тобой происходит?

– А что со мной происходит?

– Ведешь себя странно.

– Странно?

Повторять окончания фраз собеседника стало лучшим ре-

шением при этой амнезии, чтобы не вызывать лишних вопросов.

– Вчера ты была готова порвать с Волковым, сегодня видишь на нем как собачка. Ты бы определилась...

Что? Неужели эта дамочка волнуется за мои «отношения»?

– Вчера был не мой день, – я пожала плечами, – Мы с Ромой вместе, у нас дата. Это ты сейчас ведешь себя странно.

– Да? Ты вчера орала, что ненавидишь его. Утром ты нервничала, и я решила, что ты планируешь его бросить на свидании... Но вы вместе приезжаете сюда и обжимаетесь. Это что, шутка какая-то?

Колосова хочет меня предупредить или она просто волнуется за проигрыш в споре? Ведь она была так уверена была так уверена, что у Волкова ничего не получится!

– Марин, не парься. Займись лучше Яриком. Он от тебя явно без ума.

– Нет, он просто без ума. Мозгов у него маловато. А так, ничего, смазливый.

– Можно подумать, что здесь у кого-то мозгов больше.

– Это ты точно заметила, – Маринка фыркнула, – Хотя нет, у нас с тобой мозги на месте. Но это пока. У меня там есть пара бутылочек... Пошли.

– Я и так засыпаю на ходу... – я решила дать «подруге» последний шанс во всем сознаться.

– Твой организм требует мартини, – Колосова нервно рас-

смеялась, – Тебя нужно срочно напоить!

Что и требовалось доказать. Колосова в любой реальности оставалась лживой лицемерной сволочью. Но ей придется заняться потом. Ева Серова была готова сносить все те помои, которое лили на нее годами, но Ева Вишневская, то есть я, была настроена крайне решительно. Я доведу задуманное до конца, чего бы мне это не стоило. Пускай Рома на своей шкуре ощутит какого это – быть предметом всеобщих шуток и издевок. И для начала... нужно моего суженного как следует напоить.

– Где там твой мартини? – я весело закричала теперь уже точно бывшей подруге, едва мы вышли в гостиную.

– Вот этот настрой мне нравится! – Марина закинула на меня руку привычным жестом и двинулась к столику с бутылками и тем, что осталось от закусок, – Разоряю запасы отца! Вот! Джэк Дэниелс! Хоть и не мартини, но по мозгам прошибает!

– То, что нужно! – я схватила бутылку и пару бокалов, а затем уверенным шагом направилась на танцпол, умудряясь даже пританцовывать.

– Любимый! – мои руки обвили шею Ромы, все еще сжимая заветную бутылку, – Смотри, что я нашла!

– Оооо! – радостный возглас Волкова мгновенно подхватил и Ярик, – Вот это моя девочка!

– Три по пятьдесят за твою девочку! – Ярослав за одно мгновение наполнил бокалы.

И далее под громкие возгласы «Хэй» вокруг парни принялись опустошать содержимое бутылки. Подскочившая через минуту Маринка впихнула и мне в руки емкость с какой-то жидкостью, а затем присоединилась ко всеобщему веселью.

После четвертого «Хэй» мне в голову пришла мысль, что вся моя затея пойдет псу под хвост, так как Рома сам сейчас упадет без чувств на пол. Но как я ошибалась!

– Де-етка! – Волков налетел на меня со спины и закинул мое хрупкое тело на свое плечо, – Ты супер!

– Эй! – я предприняла безуспешную попытку выкрутиться из этого медвежьего захвата, – Ром! Прекрати! Меня уже тошнит!

– Будь хорошей девочкой, – Рома шлепнул меня по заднице, – Мы идем смотреть салют! Кто хочет салют?!

– Салю-ют?! – со всех сторон раздались одобрительные крики, – Уа! Салют! Все на улицу!

Все мои усилия по побегу с плеча не увенчались успехом, поэтому пришлось занять удобную позицию, чтобы вперед смотрела не только моя пятая точка. Вернее сказать, чтобы все смотрели не только на мою пятую точку.

– Что за ерунда? Откуда салют?

– Это Маринкина идея, кис, – Рома потащил меня к выходу, – Я думал, ты в курсе.

– Может, ты опустишь меня?

– Даже не ду-умай, – и все же язык у моего «суженного» изрядно заплетался, – Сегодня тебе ну никак от меня не сбе-

жа–ать.

Парень крепче сжал мои ноги. И мы очутились на свежем воздухе, свежесть которого была где–то на грани с морозностью. Учитывая то, что на мне было одно тоненькое платье и еще более тонкие колготки, по телу пробежала мелкая липкая дрожь. И это было совершенно не романтическое предвкушение красивого зрелища.

Вечернее серо–черное небо, покрытое пеленой из сизых туч, разукрасилось всеми возможными цветами радуги, стоило только всей толпе оказаться на веранде. После каждого хлопка, доносившегося с противоположного конца огромного участка, в небе начинали мерцать разноцветные искры. Зеленый. Хлоп. Золотистый. Хлоп. Красный. Глаза наполнились слезами от всего этого обилия красок.

– Охренеть! – Рома перехватил мое тельце на другое плечо, – Это ваще–е... Респект Маринке!

– Ро–ом! У меня уже голова кружится и очень холодно! Верни мое тело туда, откуда взял!

Для верности я принялась колотить парня по спине своей немаленькой сумкой, как наездник лошадку.

– А я тебя сейчас греть с–собираюсь!

Парень, все еще крепко сжимая мои ноги, устойчиво протаранивал нам дорогу сквозь собравшуюся толпу, орудуя свободной рукой. Удивительным было уже то, что после такой огромной дозы алкоголя он вообще стоял на ногах, умудряясь не падать. Приподняв голову, я заметила, что мы на-

правляемся к шикарной деревянной лестнице, ведущей на второй этаж.

– Эй! Куда ты меня тащишь?! Что ты там задумал?

– Тебе понравится моя задумка, – Рома явно не был настроен на долгие разговоры.

Вот черт! Все происходило совершенно не так, как я себе представляла. И это меня пугало. В мои планы входило напоить Рому, дожидаться момента, когда количество выпитого свалит его с ног, а затем сделать пару фото его голой задницы (не обязательно задницы) или снять веселенькое видео. В общем, планировалось действовать по ситуации. Но Рома еще на ногах, более того, умудрялся тащить меня вверх по лестнице. Похоже, что весь алкоголь для него был все равно, что слону дробина. Черт! Как я могу справиться с таким огромным бугаем?! Руки прижимали к себе сумку, нащупывая внутри свой телефон. Еще не поздно вызвать службу спасения...

После подъема на второй этаж Рома довольно уверенно направился по светлому коридору и потянул на себя вторую по счету дверь. Что она могла скрывать за собой? Конечно же, спальню! Причем в этом помещении явно давно не было посетителей, так как в комнате неприятно пахло затхлостью и каким-то резким моющим средством. Но вот удивительно! Именно в этой спальне был включен свет. Рома скинул меня прямиком на кровать.

– Ты, наверное, устала? – Рома наклонился прямиком на-

до мной, заставляя мое сердце биться в три раза чаще. От страха, конечно же.

– А ты что, хочешь спеть мне колыбельную?

По идее я и правда должна была сейчас вырубиться, но параллельно выживая свой смартфон, а затем резко перевернулась на живот, чтобы скрыть от глаз парня свои манипуляции с телефоном. Пальцы в этот момент включали камеру, на всякий случай.

– Можно и так...

Парень развернул меня к себе лицом.

– А есть какие-то еще предложения?

Так, камера включена. От этой мысли становилось немного спокойнее. Начнет домогаться – вызову полицию и покажу запись. Точно. Хорошая идея.

– Есть одно предло–ж–ение, – Роман принялся расстегивать рубашку, но пальцы его слушались крайне неохотно, равно как и язык.

– Ты решил показать мне стриптиз? – я наивно захлопала ресницами.

– Да–а, коне–ечно, и не только... – парень принялся довольно неуклюже двигать плечами, видимо решив добавить в свое выступление нотки эротики. Но меня начал распирает смех, потому что все его попытки меня соблазнить были перечеркнуты огромной дозой алкоголя, который, видимо, именно сейчас достиг его воспаленного мозга. Если, конечно, под его черепной коробкой был этот самый мозг. В

чем я сильно сомневалась.

Рома, застряв на третьей пуговице, решил, что нет никого романтичнее парня, рвущего на себе одежду. Хотя, не исключаю, что это просто был жест ярости. Но рубашка оказалась не так проста! Манжеты тоже не хотели расстегиваться, и Рома принялся скакать по комнате в попытке разорвать рукава. Но и рукав оказался хитрее, и мой доблестный рыцарь завалился прямиком на свою пятую точку, под свои же громкие ругательства. Надеюсь, мой телефон не разрядится на самом интересном месте.

Кое-как справившись с несчастной, разодранной в клочья рубашкой мой горе-рыцарь принялся за брюки. Но голым торсом Романа я могла любоваться ровно до того момента, пока парень не принял опрометчивое решение просто стянуть джинсы вниз. Эта часть гардероба оказалась самой коварной, потому как в попытке полностью освободить свои ноги Роман потерял равновесие и на долю секунды завис, размахивая руками, а затем рухнул вперед, скрывшись от меня за кроватью. Парень будто участвовал в соревновании по прыжкам в воду, ей богу. Красиво летел! Грохот раздался такой, что у меня появились сомнения, выдержали ли перекрытия в этом доме такой накал страстей в этой гостевой спальне.

Я успела досчитать до десяти, но никаких звуков, телодвижений и вздохов с пола не доносилось. Вот черт! Неужели этот дуболом умудрился потерять сознание от удара об пол?

Пришлось остановить запись на телефоне и слезть с кровати.

– Эй! Ром! – перед моими глазами появился полуголый мой теперь уже точно бывший парень, распластавшийся на ковре звездочкой, связанный по ногам своими же джинсами. Особенно веселила надпись, красовавшаяся на его трусах «Swat me! I'm cute!». Парень будто знал, что его зад скоро станет звездой инстаграма.

Внезапно до моего уха донесся пронзительный вой сирены, который мог принадлежать как скорой помощи, так и полиции или пожарным. Я наклонилась ближе к лицу этого недорыцаря, пытаюсь уловить дыхание, и мгновенно наткнулась на такой букет запахов, что от одного только вдоха этого аромата вполне можно было опьянеть.

– Ром! С тобой все в порядке? – пришлось дотронуться до этого голого тела и попытаться расшевелить парня.

Но в ответ мне раздался храп, по оглушительности сравнимый со строительным перфоратором. Если у меня и было хоть какое-то желание будить этого придурка, то оно мгновенно отпало. Тем более, что вой сирены раздавался уже совсем близко.

Это получается мы с Ромой сейчас полуголые в одной комнате, только он, а не я без сознания, какая ирония... Быстрыми движениями я скинула с себя тонюсенькое платье и облачилась в привычную школьную форму. Мне еще предстояло преодолеть путь до дома, а платье было явно не пригодным для долгих поисков нужного мне коттеджа.

Внизу раздались какие-то явно испуганные крики, а затем топот. Я закинула сумку на плечо и, сделав еще один кадр любящихся мне трусов на прощание, поспешила вниз.

На первом этаже царил хаос. Все куда-то бежали, вытаскивали вещи, кричали, пытались звонить по телефону. И в следующее мгновение входная дверь открылась с оглушительным треском, и в комнату влетела Маринка в сопровождении парочки полицейских. И даже мне было видно, как тряслось тело девушки или от слез или от напряжения.

– Всем оставаться на своих местах! – объявил один из представителей закона.

И, конечно же, его никто не послушал. Наоборот, все принялись разбегаться в разные стороны в удвоенном темпе. И я не была исключением. Не хватало еще проблем с законом.

– Вызываю подкрепление, – один из полицейских заговорил в рацию, другой кинулся ловить беглецов, – Да, на салют! Здесь орава пьяных подростков!

Пришлось нащупать первую попавшуюся теплую вещь. Сейчас было явно не до поисков шубы, а затем последовать примеру большинства собравшихся здесь – выйти через окно.

Глава 7

Коттедж, являвшийся домом для Евы Вишневской, нашелся не сразу. Вообще этого следовало ожидать, если учесть то, что видела я его лишь однажды. Ко всему прочему, сильно затрудняла поиски полицейская машина, снующая по коттеджному поселку. По этой причине приходилось идти не по основной дороге, рискуя быть пойманной стражами порядка, а вдоль высоченных заборов, рискуя переломать ноги. Внезапно обрушившийся на мою голову снегопад тоже был как нельзя кстати. Да еще и куртка, оказавшаяся здоровенным мужским пуховиком, болталась на моем щуплом тельце как балахон, отлично пропуская ветер. Видимо уровень моей удачливости потерялся где-то на глубине Марианской впадины.

Но и на этом мое «везение» не закончилось. Стоило моим ногам переступить порог отчего дома, как на мою из без того изрядно потрепанную голову обрушилось негодование человека, принимавшего минимальное участие в воспитании дочери, – моего отца.

– И? Где тебя носит? – папа, имевший в этой реальности проблемы с лишним весом, взирал на меня своими серыми глазами, от которых явно не стоило ожидать ничего хорошего.

– Привет, пап, – я сбросила чужую одежду в шкаф, – Ты

уже вернулся...

– Где ТЕБЯ носит?! – родитель был совершенно не в настроении вести со мной беседы.

– Я была у Марины. Я не видела от тебя пропущенных вызовов, вот и подумала...

– А Ты что, умеешь думать?! – отец отвесил мне пощечину.

– Что тут происходит? – в коридоре появилась заспанная мама, – Володя, не надо...

На моих глазах навернулись слезы, а руки принялись растирать ушибленную часть лица.

– Что не надо?! Ты скажи, ТВОЯ дочь имеет хоть какое-то подобие мозгов?! Сколько раз я говорил ей «Не путайся с этим Волковым», но нет. Ей лишь бы сделать на зло.

– Но это... – я решительно не понимала, за что заслужила такое отношение.

– Это не правда?! – оборвал меня отец, – Прекрати врать! Ты прекрасно знаешь, что Волков-старший хочет отобрать завод, который я вот этими самыми руками из праха поднимал. Но тебе плевать. Ты всегда все делала на зло. А как ты запоешь, когда обнулится твоя безлимитная карта, потому что твой отец стал нищим?

– Не нужно так кричать... – мама предприняла безуспешную попытку успокоить отца.

– Это ты мне говоришь?! Ты бы лучше дочь занялась! Это все твое воспитание! Шляется не понятно где и не по-

нятно с кем, плюет на всех вокруг! Знаешь что, воспитанием сына буду заниматься я! Один!

Маму особо не впечатлили пламенные речи отца. Похоже, что в нашей семье скандалы превратились в рутину.

– Вы меня с ума сведете... Я отправляюсь спать.

Родительница зевнула, развернулась и скрылась от моих глаза в недрах коридора.

– Я тоже не намерен с тобой разговаривать, – отец развернулся в сторону кухни, – Но если я еще хоть раз увижу, услышу или хотя бы почувствую, что ты и сын этого идиота проводите время вместе, ты лишишься всего! Я не шучу!!!

Еще минуту после ухода отца я не двигалась с места, пытаюсь понять, что вообще произошло. Отец поднял на меня руку. И не за то, что я вернулась в двенадцать часов ночи в чужой куртке, не за то, что я за день ни разу не позвонила. А за то, что я могу нести угрозу его бизнесу. Вот так. Все оказалось слишком просто.

Отец, которого я помнила, в любом состоянии (в том смысле, что и пьяный, и трезвеющий) никогда не позволял себе махать кулаками. Его глаза всегда светились любовью при одном только взгляде в мою сторону, хотя, признаюсь честно, тогда он меня жутко раздражал. Да и как можно относиться к вечно пьющему человеку? К доброму, любящему, но вечно пьющему человеку...

Какого черта вообще происходит?! Почему стоило мне попасть в «идеальную жизнь» Евы Вишневской, вся эта на-

пыщенная идеальность треснула как яичная скорлупа при соприкосновении с краем сковородки. Оказалось, что все эти многочисленные друзья—знакомые не стоят и пальца одной Елизаветы. Что еще? У той Евы отношения с самым популярным парнем школы? Да, но уж лучше не иметь и вообще никаких отношений... Ее родители не в разводе, но каждый из них живет в своем мире. В этой вселенной у мамы, у моей любимой мамы не было желания просто пообщаться с дочерью, а отец вообще плевать хотел на все, кроме денег, бизнеса, выгоды. В этой семье отсутствовала главная, очень важная составляющая.

Любовь.

Интересно, в этом мире найдется хоть один человек, который по—настоящему любит Еву Вишневскую просто так? За ее трудный характер, за ее легкомыслие, за ее постоянные издевки? Черт возьми, да у меня к самой себе возникает лишь чувство отвращения, что уж тут говорить о других людях.

И мне представилась прекрасная возможность вытащить жизнь этой Евы из окружающего болота. Смогу ли я заслужить любовь близких людей?

Нужно просто попробовать. Но для начала крайне важной вещью было оборвать все эти дурацкие фальшивые связи, мешавшие мне оставаться собой.

Я нырнула в свою непривычно мягкую постель и наконец, включила свой смартфон, переполненный от наплыва мно-

гочисленных сообщений. Нет, я решительно не собиралась вникать во все эти переписки. Моей целью была публикация видео и нескольких фото моего теперь уже точно бывшего парня. О том, как устроены социальные сети, ютуб и все эти новомодные «лайки» «хэштэги» и прочая ерунда, я имела лишь отдаленное представление. Поэтому, недолго думая, я просто заходила во все открытые социальные приложения здешней Евы и нажимала кнопочки «опубликовать», «разместить» и «запостить». А для видео у меня даже название нашлось «Горячий соблазнитель ковров и паркетов!»

*

– Какого черта вообще происходит??? – стоило мне появиться в дверях школы, Марина налетела на меня так, будто дежурила возле входа. Брови девушки сошлись на переносице, а губы были поджаты, руки тряслись... Кажется такое состояние можно было бы назвать истерикой.

– О, а тебя уже выпустили от отделения полиции? – я, как ни в чем не бывало, разделась и сдала шубку в гардероб.

– Чтооо?!!! – «подруга» схватила меня за плечи, – И мен-тов тоже ты вызвала? Какого хрена, Ев?! Что, блин, творится в твоей голове? Откуда столько ненависти?!

Так, похоже, что фраза «что вообще происходит» относилась к видеоролику, который ночью попал в сеть, а сейчас ее мозг состыковал очевидные факты... Так даже лучше.

– Да, в полицию звонила я, – пришлось соврать с камен-

ным лицом, – Рома начал вести себя неадекватно, я не знала, что делать.

– Дура!!!! – Марина завопила с такой силой, что всеобщее внимание теперь было приковано только к нам, – Ты хоть представляешь, что натворила?!

– А что, у кого–то какие–то проблемы? – я хмыкнула и направилась в сторону кабинета русского языка.

– Это розыгрыш? – девушка довольно грубо остановила меня, – Ты опять решила поприкалываться? Выпивка, менты, это видео... Черт возьми, ты хоть понимаешь, как мы все влипли?

– Я никуда не влипала. И отпусти меня, пожалуйста, – пришлось выдергивать руку из цепкого захвата бывшей подруги, – Просто я не хочу иметь ничего общего с тобой, с Волковым, с алкоголем, со всеми вашими вписками. Отойди, очень прошу.

Брови Маринки резко подскочили.

– Вау! А не охренела ли ты?! Мы все из–за тебя полночи провели у мусоров, пока не нашлись хорошие люди, а ты теперь неприкосновенная личность! Какого хрена с тобой происходит?! Говори!

– Я все знаю, – моему непроницаемому лицу мог бы позавидовать любой игрок в покер.

– Что ты, нахрен, знаешь?! – Марина сверлила меня взглядом.

– Знаю достаточно фактов для того, чтобы плюнуть прямо

сейчас тебе в лицо.

– Да что ты?!

– Если ты считаешь, что это нормально – наблюдать как парень травит твою подругу, а затем пытается... фу, мне даже говорить об этом неприятно... Так вот, если ты считаешь, что это нормально, то ищи единомышленников в другом месте.

Мне, наконец, удалось отцепиться от бывшей подруги и отправиться на начинавшийся урок.

– Да пошла ты в...!!! – спустя секунду донеслось мне в спину, – Для тебя же старалась, ш...а!

Но мне было плевать.

В тесном помещении классной комнаты на меня обрушился тихий равномерный гул голосов, немного затихший при моем появлении. Интересно, одноклассники увидели дебют Волкова в качестве стриптизера или прознали про ночевку Колосовой в обезьяннике? Хотя, какая разница? Пусть обсуждают, что хотят. С «подругой» и «парнем» меня, надеюсь, ничего больше связывать не будет.

Вплоть до самого обеда со мной никто не решался заговорить, но если бы можно было протереть дырку взглядом, то я была бы сейчас похожа на решето, если бы и вовсе не исчезла. Хоть в этом было совсем мало приятного, но сегодня никто не стоял над моей душой, не занимался постоянными расспросами, не сплетничал и не действовал на нервы.

И вот я, накупив все возможные блюда в нашей столовой,

разместилась за столиком в гордом одиночестве, не имея ни малейшего представления о том, как вести себя дальше. В голове будто поселилась та самая обезьянка из мультика, которая лупит тарелки друг об друга с наиглупейшим выражением лица. Хотя, наверное, я и сама была похожа на эту макаку.

– Эй, Вишневецкая! Ну наконец–то! – на соседний стул плюхнулась Ленок, – Ты сегодня прям звезда!

– Пофему? – я заговорила, все еще жуя свою порцию спагетти.

– Так тринадцать тысяч просмотров вы набрали! Всего за десять часов! Это у вас такой прикол, да? Популярность набираете? Как только Ромка на это согласился? Его сегодня что–то в школе не видно... Или, подожди, это он мемом хочет стать? Чья была идея, колись? Нет, дай угадаю...

Трезвая Ленок оказалась еще более надоедливой и болтливой, поэтому пришлось быстрее двигать челюстями, чтобы остановить всю эту лавину бессмысленных слов.

– Эй, стой, стой! – я даже подняла руки в знак протеста, – Не говори так быстро.

– О, извини. Тоже коктейли мешала вчера? У меня голова чугунная утром была, ничего не помню. Спать завалилась прямо в такси, прикинь! Никогда такого не было. Зато так весело вчера потусили, – Лена наклонилась ко мне и понизила голос, – Говорят, что Маринка ночь у ментов провела. Это правда? Типа соседи вызвали патруль из–за салюта. Жесть

какая–то! Тебя с ней не было? Это может плохо сказаться на твоей репутации в...

– Лена, остановись!

– А? – девушка от неожиданности даже икнула.

– Ты что–то хотела? Если нет, то сплетни обсуждать, у меня нет настроения. Извини.

– Чего злая–то такая? – Ленок нахмурилась, – О–окей, мне пофиг вообще–то. Фиг с тобой. Я по поводу речи для выборов. Ты ее написала?

– Нет.

– Я так и думала! Выборы завтра уже, вообще–то. Вот держи.

Лена перекинула мне сложенный листок бумаги.

– И что это?

– Что–что, речь твоя. Пишешь, пишешь тут для нее, а она недовольная сидит. Это нужно выучить. И не хлопай так глазенками.

– Скажи, – я задумчиво теребила бумажку перед собой, – За кого ты будешь голосовать?

Лена фыркнула.

– А как же тайна голосования и все такое? Хотя плевать на эту тайну мне с высокой башенки. За тебя, конечно же. Что за вопросы? Думаешь, у Чибисовой или Елевского есть шансы? Я уже не говорю про Ярового Вла–адика. Фу, что за имя! От одного имени тошнит. Это ж надо так...

Неужели она это всерьез? Алиса Чибисова – победитель

всероссийской олимпиады по русскому языку, Владик явно затмит всех наших преподавателей по информатике вместе взятых, а Андрей Елевский по-моему наизусть может пересказать все учебники по истории. Но Лена, как и многие в этой школе, отдадут свои голоса заядлой троечнице. Почему я в этом так уверена? Да потому, что в той другой реальности на моем месте была Марина, такая же глупая, высокомерная и властолюбивая выскочка. И выборы... выборы – это глупая формальность чтобы потешить самолюбие.

– ...платье для бала? Это тоже важная часть, потому что все должно быть гармонично...

– У меня вопрос, – я опять встряла в пламенную речь Елены, – А я могу все еще снять свою кандидатуру?

Девушка застыла и опять икнула.

– Т–ты это сейчас прикалываешься, да? Столько работы проделано, а ты свалить решила? Это самое настоящее издевательство! Если у тебя какие-то проблемы, то решайте их с Волковым за оставшиеся восемнадцать часов. И не смейте мне выборы срывать. Организую я, речи пишу я, наряды подбираю я... И где благодарность?!

– Ладно-ладно, спасибо. Просто сегодня встала не с той ноги, – я попыталась улыбнуться.

В конце концов Лена не делала мне ничего плохого. Зачем уподобляться здешней Еве и выплескивать свое плохое настроение на окружающих?

– Вот и чу-удненько! – Ленок встала, – У вас сейчас что?

Физра?

– Ага, – я кивнула, – Калории отрабатывать буду.

– О, отлично! Пошли, я хотела показать тебе образцы цветов, чтобы ты определилась с платьем. Ты же хочешь смотреться гармонично на трибуне? А еще...

Спорить с Леной казалось делом безнадежным и обреченным на провал. С ее стороны опять начнутся упреки в духе «я-хочу-как-лучше» и «никто-меня-не-ценит». Поэтому, опустошив свой поднос в мусорный бак, я послушно направилась в физкультурный зал под аккомпанемент бесконечного потока слов.

За пять минут до начала занятия мы умудрились пересмотреть цветочные украшения, вариации сочетаний воздушных шаров, плакаты, растяжки и еще кучу разных совершенно бессмысленных мелочей.

– ... но это еще не все, – Лена все говорила, говорила, говорила, – Завтра привезут розовые букетики в розовых вазочках, мы их на трибуну планировали поставить. Это же твой любимый цвет? Розовое платье...

– Елена, – учитель по физкультуре спасла меня от всего этого розового безумия, – У десятого «А» сейчас начнется урок.

– Ирина Семеновна, – Леночка расплылась в улыбке, – Мне срочно нужно обсудить с Евой детали завтрашнего мероприятия. Меня отпустили с литературы специально для подготовки трибун. Можно я тихонечко побегаю с Евой...

– Хорошо, – физкультурница кивнула, – Ты молодец, что так ответственно относишься к своей внеклассной работе. Так держать.

– А может, лучше потом... – я сделала отчаянную попытку отделаться от слишком отзывчивой Елены.

– Все нормально, – девушка подтолкнула меня вперед, – Побежали! Мне еще столько всего нужно с тобой обсудить!

И мой мозг опять начинал закипать. Если вчера мне казалось, что хуже Маринки нет никого на свете, то сегодня стало понятно, как сильно я ошибалась. Леночка вполне могла довести до безумия любого человека, причем совершенно не важно, насколько терпелив был бы ее собеседник.

При заходе на третий круг, когда Лена решила обсудить поведение Колосовой, которая решительно не обращала на мою персону никакого внимания, я, будто по волшебству, налетела на что-то теплое и явно живое. Больно приземлившись на локти и колени, я взглянула на причину моего падения – Алексея Дорошенко. Вечный Одиночка, который завязывал шнурок прямо у меня на пути, был слегка сбит с толку.

– Все в порядке? – голос соседа по парте прозвучал совсем рядом.

– Все хорошо, извини, пожалуйста, не смотрела под ноги. Ты-то как? – я попыталась улыбнуться.

– Извини? Пожалуйста? – Леша потирал ушибленный локоть и был совсем сбит с толку.

– Ага, я рада, что ты меня понял. Может, тебе нужно к

врачу? – я решила, что одноклассник успел еще и головой удариться.

– Скорее врач нужен тебе, – Одиночка уже и думать забыл про свой локоть, – Видишь меня хорошо? Головой не ударилась?

– Э–э, нет, – теперь с толку была сбита я.

– Странно.

– Что странно?

– Ты уверена, что знаешь значение слов извини и пожалуйста?

Все ясно. Если я не кривлю нос при разговоре и не сыплю издевками, то я – не я.

– Ну, цитату из толкового словаря не скажу, конечно, но представление о значении этих слов имею. Извини, пожалуйста, что не вижу дальше собственного носа, – я подмигнула и решила продолжить бег, не привлекая лишнего внимания к своей персоне, – Я бы на твоём месте шнурки на скамейке завязывала, а то в следующий раз на тебя может налететь Громила. Тогда точно ссадиной не отделаешься.

Наверное, мне бы тоже показалось дико странным, если бы в другой вселенной Маринка резко прекратила свою тиранию и стала бы слаще сахарного сиропа. Пришлось бы поверить в инопланетян, крадущих тела или же в переселение душ.

– О, ты чего тормозишь? – к нам подбежала раздумывавшаяся от бега Лена, которая из–за своей болтовни вообще не

заметила моего падения, – Пойдем к скамейкам, я совсем забыла обсудить с тобой музыку. Это вообще пипец как сложно! Я не разбираюсь в этом совершенно ни капельки...

И я опять не сопротивлялась. Улыбнувшись на прощание Одиночке, пришлось направиться вслед за чересчур разговорчивой новой подругой, мечтая лишь о том, чтобы сегодняшний день как можно быстрее подошел к концу.

Глава 8

После окончания занятий мне ничего не оставалось делать, кроме как брести вдоль синего школьного забора, прикидывая свои дальнейшие действия. Вспоминая события предыдущего вечера, домой ехать не хотелось совершенно. Внутри поселилось какое-то странное чувство тоски, будто кто-то кто мне очень дорог находится невыносимо далеко. Может, это тоска по той другой Еве? Бред какой-то...

Внезапный невыносимо громкий автомобильный гудок заставил мое хрупкое тело оторваться от земли чуть ли не на метр, а сердце забилося в груди как у маленького испуганного воробушка. Развернувшись к источнику шума, я обнаружила устрашающий черный джип больше напоминающий танк. Машина подъехала, нет, подплыла, ближе. Черт, неужели я попала в какой-то странный боевик? Окно со стороны переднего пассажира опустилось, и появившееся в проеме лицо отца явно не предвещало ничего хорошего.

– Ева! Быстро в машину!

Что-то подсказывало мне, что вопросы «а-почему?» и «а-зачем?» стоит отложить на более подходящее время, поэтому без лишних слов мне пришлось вскарабкаться на заднее сиденье танка. И мгновенно мои глаза, уже привыкшие к сумраку, нащупали в салоне авто мать. Ее губы странно дрожали, а на лице виднелись черные потеки от туши.

– Едем! – коротко кивнул отец водителю, стоило только мне захлопнуть за собой дверь.

Я вопросительно взглянула на мать, но теперь она не мигая уставилась в лобовое стекло, а с ее ресниц гроздьями свисали слезинки. Что за чертовщина? У нас что, кто-то умер? Атмосфера, царившая в автомобиле, говорила именно об этом.

Стоп. Может, что-то случилось с мамой? Может... что-то с ребенком? Я передвинулась ближе к матери, нарушив гневшую тишину скрипом кожаного сиденья. Мама перевела испуганный взгляд со стекла на меня.

«С тобой все хорошо?» – эту фразу пришлось проговорить одними губами, чтобы не вызывать очередного всплеска гнева с переднего сиденья.

Мать аккуратно кивнула и пожала плечами. Нет, определенно с моим братом все в порядке. Об этом говорила рука матери, неосознанно поглаживающая выпирающий живот.

Отец, как и вчера вечером, не собирался никому ничего объяснять. В мире Евы Вишневецкой это было абсолютной нормой, чему же тут удивляться? Перед глазами появился образ того отца, которого я знала, большую часть времени находился в алкогольном опьянении, но, тем не менее, был более человечным и честным. Человек же сидящий передо мной, казался холодным и безумно далеким от моего представления об отце. Он не терял времени на разговоры с дочерью, на общение с беременной женой, мог без повода рас-

пускать руки...

Я тяжело вздохнула, и сразу же нарвалась на короткий и очень неприятный взгляд отца через зеркало заднего вида. Ну вот, теперь я слишком громко дышу. И вместо того, чтобы объяснить все человеческим языком, обязательно нужно напряженно молчать и раздражаться по любому поводу.

Но из всех возможных попыток хоть как-то прояснить ситуацию мне оставалось лишь молчание. Время как назло тянулось слишком медленно, а машина везла нас к пункту назначения не спеша, отчего казалось, что я никогда не узнаю что происходит и зачем.

– Пап, что происхо... – в конце концов моему терпению пришел конец.

– Рот закрой! – отец рывкнул так, что мы с матерью вздрогнули от неожиданности, – Твой драгоценнейший женишок устроил пожар в нашем доме. Вот что происходит! Какого черта, Ева?! Почему я должен посреди дня из-за твоего идиотизма бросать все дела и спасать мать, прислугу?!

– Что? Рома? – такого варианта развития событий я совершенно не ожидала.

– Рома, Рома. Можешь не сомневаться! – отец фыркнул, – Камеры наружного наблюдения все записали! Ну ничего, это может и к лучшему...

– Что к лучшему? – я все еще находилась в легком шоке.

– Не твоего ума дело! Волков старший еще попляшет у меня...

Мать покачала головой, видимо настаивая на то, чтобы я замолчала. И мне пришлось заткнуться. Не смотря на скопившийся ворох вопросов в голове. Откуда на нашем участке взялся Рома? Что за пожар он устроил? Почему из-за него мы должны были устраивать переезд?

Может я на мгновение выпала из реальности, а может мой разум просто устал от чреды навалившихся на меня наваждений, но момент, когда мое тело покинуло из машину-танк, очутившись напротив блочной серой слишком знакомой девятиэтажки, я упустила. Просто раз – и вот я уже перестала быть пленницей четырехтонной железной махины, а стою на улице, придерживая мать и небольшой чемоданчик.

– Я свяжусь с вами, – это все, что мы слышали от отца перед тем, как его авто скрылось за углом дома.

Свяжется с нами?! Как это понимать?

– Пойдем в дом. Холодно, – мама вяло потянула меня к такому родному подъезду, ежась от порывов ледяного декабрьского ветра.

Сбросив оцепенение, я двинулась следом, волоча за собой злосчастный чемодан, вес которого был сравним с моим собственным. В это время мать вытащила связку ключей и поднесла «таблетку» к домофону, тут же раздался характерный противный звук приветствующий нас на пороге... нашего старого нового дома?

В полном молчании мы поднялись на четвертый этаж, в полном молчании вошли в квартиру под номером пятьдесят

один и в полном молчании мать сбросив зимние вещи двинулась на кухню, оставляя меня в небольшом пространстве коридора со множеством вопросов, ответы на которые мне видимо знать не стоило.

– Мам, – я тоже добралась до небольшой кухни, явно кричащей своей чистотой о том, что в этой квартире теперь вряд ли кто-то живет, – Мам, что происходит? Рома устроил пожар в нашем доме?

– Да, какой к черту пожар. Спалил твой Рома кипу бумаг на нашем участке, пока его охрана не поймала. А отец твой, как всегда, в своем репертуаре, – родительница поставила чайник на плиту и приоткрыла холодильник, – Отлично, просто отлично!

– Что отлично?

– В прошлый раз мы попали сюда без еды, – мать вытащила яблоко, – Будешь?

Она что, издевается надо мной?

– Я не понимаю, пять минут назад ты плакала, а сейчас спокойно сидишь и предлагаешь мне яблоко. Что, черт возьми, произошло кроме этой идиотской истории с пожаром?

Мама посмотрела на меня так, будто я только что станцевала брейк-данс на столе. Ну, знаете, этот взгляд «ты вообще, в своем уме».

– Мне в последние дни кажется, что ты с Луны свалилась...

«Мне тоже именно так и кажется» пронеслось в мыслях.

– Ты видишь что–нибудь дальше своего телефона, своих вечеринок?

Голос матери казался таким родным и таким далеким одновременно. Никогда раньше тон ее голоса не был так холоден.

– Вижу. Поэтому мне страшно. За тебя, за папу, за брата. Вы что, решили разойтись с папой?

Ложка с йогуртом зависла прямо над баночкой, а затем плюхнулась назад.

– Нет, – мама попыталась взять себя в руки.

– Но тогда почему мы здесь?

Но попытка явно не удалась.

– Черт возьми, Ева! Мы здесь по той же причине что и в прошлый и в позапрошлый раз! Твой папа вор! И он в очередной раз задолжал большие деньги, или в очередной раз не поделил наворованное с Волковым старшим! Открой глаза! Думаешь все это, – мама ткнула меня в запястье с браслетом, – или это, – очередной тычок в ухо, – было куплено на зарплату директора завода?! Нет, Ева, твои побрякушки, этот дом, тот дом – все ворованное! А за ворованное надо платить не деньгами!

– А чем? – и ответ на этот вопрос был мне известен.

– Нервами! А еще здоровьем и жизнью. По этой причине мы здесь. Чтобы ни ты, ни я не пострадали при очередной дележке ворованного.

Голос мамы дрожал от гнева, а кулак правой руки сжал

яблоко так, будто оно – оружие, а мама – воин–амазонка в пятом поколении. Она ненавидела отца. Это было настолько очевидно, что мне не верилось, почему я не заметила этого сразу. Вот как бывает, живут два человека вместе, воспитывают ребенка, а сами ненавидят друг друга. Кому нужна такая семья, которая существует лишь на бумаге? Или я во всем ошибаюсь?

– Зачем, – я дотронулась до ледяной руки матери, заставив ее вздрогнуть, – Зачем отцу все это нужно? Почему нельзя просто жить без приключений?

– Деньги, – мать хмыкнула, – Ему никогда не будет достаточно. Он все равно что алкоголик, только вместо вина для него рубли, доллары и евро. Я так устала...

– Почему ты никогда не рассказывала мне?

Мама накрыла мою руку своей ладонью, совсем как раньше.

– А ты спрашивала? В последние годы ты приходила ко мне с одним вопросом – сколько денег ты перевела на мою карту? Мне иногда кажется, что ты не моя дочь. Это он тебя родил, он тебя воспитал. Мне даже сейчас удивительно, почему ты сидишь здесь и слушаешь меня.

– Но с тобой же невозможно поговорить...

– А ты хоть раз пыталась?! Где была твоя разговорчивость и поддержка, когда меня положили в больницу? Почему ты не проронила ни слезинки на похоронах твоего дедушки?

– Не правда! – я крикнула это, не осознавая, что в этой

реальности все так и было.

Мама поджала губы.

– Деньги тебя испортили, Ева. И все, чему я пыталась тебя научить, ты отвергла. Никчемная из меня вышла мать.

– Мам, – в горле рос большущий комок, мешающий внятно говорить, – Прости меня. Я, правда, наверное, вела себя как сволочь. Но ведь это только моя вина, ты...

– К чему ты клонишь? – мама резко поднялась со стула, и в ее глазах появилось что-то нехорошее... гнев? – Неделию назад ты утверждала, что я худшая из матерей и жалела, что мы не избавились от еще одного спиногрыза. Ты надо мной так поиздеваться решила?!

Что?! Все известные мне слова сбежали из моей головы, оставив меня с открытым ртом посреди маленькой кухоньки напротив сверлящей меня взглядом матери. Я просто не могла быть настолько ужасной!

– Что, думала я не пойму, зачем ты решила поиграть в послушную дочку? – мама неверно растолковала мое молчание, – Сколько раз я попадалась на эту уловку... Что на этот раз тебе от меня нужно? Закрывать глаза на твою очередную гулянку?

– Мам, да нет же! Ты не так все поняла!

– Прекращай! – в глазах матери заблестели слезы, – Прекращай издеваться надо мной! Ты переняла от Него все худшие черты! Не смей больше ко мне подходить!

Мать оставила меня, застывшую в одиночестве этих се-

рых стен когда-то родной кухни. В глазах самого родного человека невооруженным взглядом можно было прочесть недоверие вперемешку с презрением. Черт возьми, здешняя Ева вообще имела хоть немного добра и любви в своем сердце? Это же как надо было доводить мать, чтобы вызвать у нее такую реакцию на обыкновенное «извини»?! Еще вчера в голове были мысли о том, как сильно изменились родители здесь и сейчас. Но на самом деле, взглянув правде в глаза, в мозгах появилось осознание того, что это не так. По сути это я сама со своим отношением к происходящему была причиной столь кардинального изменения в маме, да и в людях в целом.

Какого черта пережмуло в голове у этой крашеной блондинки, которой я сейчас, по сути, и являюсь?! Неужели та другая я была настолько испорченной? Неужели присутствие такой вещи как деньги в неограниченном количестве могло сделать из меня «тупую курицу». Ту, над которой мы с Лизой смеялись до посинения, обсуждая обколотые губы или пирсинг в пупке. И вот я сама вытравила волосы, проколола нос и растеряла все, отдаленно напоминаясь мозги.

Нахождение в этой когда-то знакомой, но теперь бездушной квартире пропитанной моим позором казалось просто невыносимым, и я сбежала. Подъезд встретил меня прохладой и запахом сырой штукатурки, отчего в горле запершило, и мое тело содрогнулось от кашля. Отдышавшись после этого приступа, я ринулась напрямиком к выходу, но перед две-

рю подъезда я затормозила. Куда бежать? В этом городе нет ни души, готовой принять меня вот так, без всяких вопросов. В этом городе у меня нет ни-ко-го. А хождение по морозу могло закончиться новыми приступами кашля, жаром и больницей.

Громкий гул домофона перед носом заставил меня отпрянуть вглубь подъезда, подальше от холодного воздуха и метели, ворвавшейся в дверь с пронзительным воем.

– Ты? – знакомый голос заставил меня вздрогнуть.

Одиночка недоверчиво вглядывался в мое лицо, будто бы сейчас могла сбросить маску и превратиться в другого человека. Выглядел парень крайне забавно: его щеки покраснелись от мороза, делая его похожим на циркового клоуна, в торчащих во все стороны волосах, явно нуждавшихся в расческе и шампуне, запутались перья от пуховика, а наспех сброшенный капюшон куртки болтался пристегнутый лишь на одну пуговицу.

– Ты меня преследуешь? – этот вопрос вырвался у меня прежде, чем я поняла, что опять сморозила глупость. С какой радости Одиночке меня преследовать?

– А ты видимо думаешь, что весь мир всегда вертится вокруг тебя одной, – Алексей хмыкнул и прошел к лестнице, – Вообще-то это ты появилась в подъезде моего дома. До завтра!

Я выждала минуту, проследив, чтобы дверь на втором этаже, в которую вошел одноклассник, захлопнулась и тоже

двинулась вверх. И так как решения о том, куда мне деваться, принято не было, пришлось устроиться на лестничном пролете между вторым и третьим этажами, зажатой между батареей и окном. И мгновенно возникло то самое чувство дежавю. М—да, думала ли Ева Вишневецкая, что ей придется торчать в грязном подъезде, будто и не было у нее всех этих золотых и платиновых карточек?

Как бы сейчас поступила сейчас она? Сбежала бы на очередную тусовку? Скорее всего. Но я—то твердо решила больше не быть ею, мне сейчас крайне необходимо было придумать что—то, что могло бы помочь мне восстановить испорченные здешней Евой отношения с родителями. Здесь и сейчас это было крайне необходимо. Хотя стоп, где это «здесь и сейчас»? Ведь если «здесь» есть, то значит «там» нет и не было, а значит все, что натворила та Ева на самом деле натворила я? Черт возьми, от всех этих идиотских умозаключений точно можно сойти с ума.

И какого черта вообще еще вчера я собиралась кому—то зачем—то отомстить? Я—то чем была лучше? Точно так же, как и Рома с Мариной я предавала и подставляла, издевалась над людьми. Хотелось начать с чистого листа? Оборвать все отношения здешней Евы? Стоило начать с себя и со своих поступков. Господи, какая же идиотка...

От злости на саму себя из моих глаз тонкими струйками по лицу полились слезы, оставляя за собой соленые дорожки и ощущение липкого холода. На протяжении последних

восьми лет единственным моим желанием было стать такой, как все. И вот, судьба преподнесла мне этот подарок, получить и распишитесь, где галочка, называется... Но и тут судьба прогадала. Оказалось, что быть как все не так—то просто имея при себе такие понятия, как честность, порядочность и благоразумие. Неужели у жизни есть только две крайности? Или бьешь ты или же тебя бьют? А если остановиться? Если прекратить бить? Воспримут ли это окружающие как проявление слабости? Полетит ли следующий камень в меня?

– Держи, – голос Одиночки раздался совсем рядом, заставив меня пугливо вжаться в стену.

Я подняла глаза и сквозь плотный поток слез обнаружила перед собой большую дымящуюся кружку с чаем.

– Джеки сказала мне, что ты замерзла, – Леша кивнул на небольшую черную собачку, внимательно изучающую меня своими глазками—бусинками свесив розовый язык на бок от усердия.

Помедлив, я протянула руку и схватилась за обжигающе горячую кружку, Джеки одобритительно твякнула в ответ.

– Она, что, умеет разговаривать?

– Конечно. Вот сейчас, например, она просится на улицу, – Одиночка кивнул собачке, – Конечно, Джеки, мы идем гулять. Прощайся с Евой.

Джеки еще раз твякнула и рванула вниз по лестнице, весело размахивая хвостом из стороны в сторону. Леша кинулся следом, а я слегка обалдевшая, с мокрыми от слез щеками

так и осталась стоять зажатой между окном и батареей, обнимая ладонями кружку, наполненную до краев живительным чаем.

Одиночка всегда попадался на моем пути, стоило только случиться чему-то из ряда вон выходящему. Если бы существовали добрые феи крестные, то моя бы точно появилась в обличии Алексея Дорошенко. Он, как и Лиза, сильно отличался от окружающих. Но в нем была какая-то загадка, тайна Одиночки, как говорила Лиза. Наверное, поэтому окружающие старались его избегать, боясь неизвестности. В него бросали камнями под названием «безразличие». Но страдал ли он от этого? Не думаю.

Так по какой же причине этот парень всегда пытался прийти на помощь? В чем была его тайна? Может, у него страсть к оборванкам?

Леша вернул свою собачонку домой как раз к тому моменту, когда чай в моей кружке успел закончиться, а я нетерпеливо крутила остывшую кружку в руках, прокручивая в голове все, что знала про этого таинственного Одиночку.

– И все же ты реальна, – с этой фразой краснощекий Леша поднимался по лестнице, пристально глядя мне в глаза, будто пытаясь там найти все ответы на свои многочисленные вопросы.

– Возможно, – я пожала плечами и протянула пустую кружку, – Я еще сама не разобралась... Спасибо за чай.

– Спасибо? – брови Одиночки удивленно подпрыгнули, –

Ты точно Ева Вишневская?

– Скорее я ощущаю себя как Ева Серова, – я хмыкнула, – Серова – фамилия моей матери. Но да, я абсолютно точно та самая Ева.

– И ты в моем подъезде.

– Угу, – я совершенно не представляла, зачем Алексею понадобилось со мной пообщаться.

– Как ты здесь очутилась?

– Сбежала из дома. Послушай, – я вздохнула, – Тебе совершенно не обязательно торчать здесь и наблюдать мою кислую физиономию, которая, я уверена, не принесла тебе ничего хорошего. Я не заслуживаю всего этого.

– О, я торчу здесь исключительно из любопытства. А вот почему здесь торчишь ты это и есть причина моего любопытства.

– Ты всегда так разговариваешь?

– Как?

– Непонятно.

– А ты всегда уходишь от ответов?

– Ну, хорошо, – я вздохнула, – Мне противно. Противно и стыдно. Стыдно за ту часть себя, которая ведет себя как последняя сволочь.

– А есть какая-то другая часть? – Леша усмехнулся.

– Вот. И я о том же. Во мне «здесь» нет ничего хорошего, зато «здесь» есть все, о чем только можно мечтать. Почти...

– Знаешь, если в таинственном «там» в тебе есть что-то

хорошее, то и «здесь» есть. Не может в одном человеке в разных местах быть разное содержимое. Хотя я не особо понимаю, о чем мы сейчас разговариваем.

Я улыбнулась. Все окончательно перепуталось в голове, но, тем не менее, я улыбалась.

– Я не сумасшедшая, честно.

– Думаешь, хоть один из сумасшедших признает это? – Леша тоже улыбался, – Так значит, у тебя раздвоение личности?

– А ты мой психотерапевт?

– Лучше это буду я, чем кто-то в белом халате. И что ты думаешь делать дальше?

– Не знаю, останусь здесь, пока мир не перевернется?

– У меня есть лучшая идея, я, например, могу одолжить тебе коробку от холодильника.

Я удивленно заморгала.

– Зачем?

– Я думаю, ты будешь смущать соседей, а вот в коробке на тебя никто не обратит никого внимания. Совсем. У нас тут каждый день кто-нибудь что-нибудь в подъезд выставляет.

Губы Леша начали медленно расплываться в улыбке, и... он рассмеялся. В какой момент я поддалась его заразительному смеху, я, конечно же, не имею ни малейшего понятия, просто на короткое мгновение только один лишь смех завладел моим телом.

– Ты странная, – приступ смеха отступил, и Леша с инте-

ресом меня разглядывал, будто увидел впервые в жизни.

– Знаешь, я все время думала то же самое про тебя.

– Тараканам из моей головы далеко до твоих, с раздвоением личности, – Леша усмехнулся, – Может, лучше твоим двум личностям объединиться и вернуться домой?

– От «здешней» меня одни несчастья, – воспоминания о доме вновь обрушились на меня смесью стыда и отчаяния, – А на этом строится мое счастье. И это отвратительно...

– И тебя раньше все устраивало, но?...

– Раньше... – было невозможно сформулировать все то, что происходило у меня в голове, – Той Евы Вишневецкой больше нет. Есть я. А я не такая. Я не могу как она.

– Слушай, мне кажется, в твоей жизни просто настал переломный момент. Именно сейчас ты можешь все в корне изменить, – Леша сказал это со знанием дела, будто каждый день подрабатывал психоаналитиком, выслушивая бредни богатеньких заплаканных девчонок.

Я покачала головой.

– Мне никто не поверит. Такие как я не меняются

– Но я же верю, а это уже не никто.

– Почему?

– Что?

– Почему ты мне веришь?

Леша нахмурился.

– Потому что так чувствую. Ты бывала... ммм... грубой...

– Черствой, безголовой... – я знала о таких, как «здешняя

я» не понаслышке.

– Высокомерной и временами истеричной...

– Крашеной душой...

Леша улыбнулся.

– Но крашенные дуры не плачут в подъездах от стыда за совершенные поступки. Или я очень сильно заблуждаюсь, или в твоей жизни именно сейчас наступил тот самый переломный момент.

– Дурацкое словосочетание...

– Зато точно определяет то, что с тобой происходит. Сейчас будущее в твоих руках.

– Ты думаешь, моим рукам можно доверить что-то кроме стакана с чаем?

– Самоирония – уже неплохо, – внизу раздался гудок домофона, а затем поспешные шаги по лестнице, Леша понизил голос, – И это ты только час как стала жителем подъезда. Представь, как ты изменишься через сутки.

Смешинку, попавшую ко мне в рот, было не остановить. Только после этих слов до меня дошла абсурдность ситуации – я девочка из «золотой» молодежи стою в грязном подъезде блочной девятиэтажки, жалуясь на жизнь и рассуждаю о раздвоении личности в присутствии одноклассника, о существовании которого та, прежняя Ева вообще не знала. Я точно рехнулась.

– Ты! – этот ненавистный голос обрушился на меня будто гром, – Ты, мелкая сучка!

Ну а дальше ненавистные руки вцепились в мою кофту и с размаху впечатали мое тело в стену. Откуда он здесь взялся?!

– Ты сдурел?! – Алексей втиснулся в пространство между мной и Романом, – Какого хрена ты тут делаешь?

– Свалил отсюда! Живо! – Рома не слышал никого кроме себя и не видел никого, кроме меня. А меня он, по всей видимости, хотел размазать по стенке. И даже не в переносном смысле. А я...я застыла.

– Сам вали! – щуплое тело Одиночки казалось несуразно маленьким и ничтожным на фоне этого умалишенного качка. Черт, он и его по стенке размажет!

– Рома! – я хватала губами воздух, – Прекрати! Пожалуйста! Как ты меня нашел...

– Дура! – Рома совершенно точно не собирался со мной разговаривать, – Что, не ожидала, что я тебя найду в этой помойке?

Он противно заржал и приблизился так близко ко мне, насколько это вообще было возможно. Меня передернуло от перегарной вони.

– Что, противно? Решила, что тебе все можно, да? Нашла мозгов, чтобы смонтировать прикольный видос? Выставила меня на посмешище перед всеми! Довольна? Ржешь тут со своим новым приятелем?! Сука...

Леша опомнился и предусмотрительно выставил руки вперед, не подпуская ближе моего бывшего сумасшедшего парня. Даже вдвоем нам с ним точно не справиться. И Леша,

Леша тут вообще ни при чем!

– Послушай, – пришлось вложить всю свою ненависть в голос, – Ты ничтожество и всегда таким был! Я лишь попыталась показать всем, кто ты такой на самом деле. И я совершенно не хочу тебя видеть ближе, чем на сто метров от себя.

– Что ты сказала?! – Рома дернулся вперед, сшибая Алексея с ног.

Я же в эту секунду на автомате отскочила в бок и изо всех сил ринулась вниз по лестнице. Сзади слышались ругательства и звуки приближающихся шагов, поэтому пришлось вложить в победный рывок до подъездной двери все свое желание поскорее скрыться от этого маниакального уязвленного идиота.

Морозный ветер ворвался в мои легкие, едва я выскочила на крыльцо, параллельно осознавая, что на мне лишь школьная форма и тонкие домашние тапочки. И стоило моим тапочкам соприкоснуться с замороженным асфальтом, как ноги разъехались в разные стороны, и я приземлилась на землю, пребольно ударившись пятой точкой.

– Ты за все заплатишь! – Ромины руки резко дернули меня вверх и мои глаза оказались почти на уровне его носа, ужасного длинного носа с горбинкой. И как я раньше этого не замечала?!

– Возомнила себя борцом за справедливость?! – изо рта парня резко пахло крепким алкоголем, он встряхнул мое тело, но бить не спешил, – Да ты сама по уши в дерьме!

– Хватит! – Одиночка по–прежнему не отставал. Черт, и зачем ему это нужно?! – Отпусти ее!

– Да, пожалуйста! – Рома с силой оттолкнул меня, и мое тело впечаталось в руки Леша, – Хочешь ее?! Забирай! Я дарю! Вы отличная пара! Грязная шлюха и зажатый заучка!

– Что ты сказал?! – Леша рванул вперед, похоже собираясь как следует врезать по этому огромному носу этого огромного идиота.

– Тише, успокойся, – я бросилась на него и вцепилась в его плечи. В ответ на это Рома мерзко заржал и неровной походкой пошел прочь от дома.

– Ненавижу его! – я смотрела в спину этому гадкому пиджону, и если бы взглядом можно было воспламенять, то ей богу, на месте моей неудачной первой любви осталась бы лишь горстка пепла.

– День назад ты думала по–другому. Пойдем, – Леша подтолкнул меня к двери.

– День назад я не имела представления о двуличности своего бывшего парня, – я запротестовала.

– О, интересно.

– И как он узнал, где именно я нахожусь...

– До вчерашнего дня ты была его девушкой, – напомнил Одиночка, – Смею предположить, что в этой квартире...

– Нет! – я резко оборвала парня, а мои щеки запылали, – Даже не думай об этом. Я не такая.

– Да я совсем не то имел ввиду, – Леша пожал плечами

и растеряно потер переносицу, – А вообще ты...ты любишь звезды?

– Я? – мой разум не был настроен на столь резкую смену темы разговора, – Ты про те, которые на небе?

– Уж точно не про те, которые мелькают по телику, – Одиночка улыбнулся мягко и тепло, как старый добрый друг, – Сможешь быть на этом самом месте через пару минут одетая и обутая?

– Ээ, наверное, – я осторожно кивнула.

– Тогда до встречи, – в Лешиных глазах зажегся странный огонек, и он направился напрямиком к своей квартире.

Немного озадаченная всем произошедшим я тоже двинулась к месту, которое на время должно было стать моим домом. Хотя «немного озадаченная» это еще слишком мягко сказано, потому что складывалось впечатление, что меня запихнули в какое-то шоу абсурдов и теперь публика, мирно сидящая на стульчиках и наблюдающая за моей жизнью, периодически хохочет вместе с появляющимся закадровым смехом.

В квартире приглушенно работал телевизор, под аккомпанемент которого мама тихо разговаривала по телефону. С кем и о чем понять было невозможно, до уха не долетали даже обрывки фраз, лишь размеренный и монотонный монолог. Решив, что подслушивать не хорошо, я достала из шкафа чью-то куртку и теплые сапоги, вроде бы подходящие мне по размеру. Кому это все принадлежало, сложно было ска-

зять, но судя по тому, что здешней мне нравились лишь розовый и белый цвет, синий пуховик и черная обувь все же были чужими.

Глава 9

Одиночка уже ждал меня в пролете между третьим и четвертым этажом. Его руки сжимали длинный черный футляр, похожий на тот, в котором студенты–инженеры таскают свои чертежи, но даже мои скромные аналитические способности (а именно разговор пятью минутами ранее) подсказывали, что в футляре телескоп. Почему он решил сегодняшней вечер посвятить заносчивой однокласснице с синдромом раздвоения личности? Что вообще творится в голове у человека, у которого лишнего слова клещами не вытащить? О чем он думает? В чем его тайна?

– Отлично, – Леша кивнул и направился к лифту, я потопала за ним.

В кабине парень потянулся к кнопке с надписью «девять».

– Я всегда представляла, что с этой штуковиной, – я в растерянности кивнула на чехол, – Обычно работают на улице. Ну, знаешь, в безлюдных и мало освещённых парках... Или ты предлагаешь подглядывать за соседями?

– За соседями... Это конечно возможно и интересно, но не сегодня, – Одиночка хмыкнул, – На самом деле идея про парк очень даже верная, но давай отложим это для следующего раза. Сегодня у нас не так много времени, а лучше крыши места в этом районе нет.

– Зачем тебе все это? – я прищурено всматривалась в за-

думчивое лицо Леша, пытаюсь разгадать, что же творится у него в голове.

– Сам не знаю, – он просто пожал плечами, – Просто чувствую, что должен что-то сделать. Прошу.

Мы выбрались из кабины, и Леша уверенным шагом завернул за шахту лифта. Там, в углу спряталась металлическая лестница, ведущая к небольшому люку в потолке. Одиночка закинул футляр за спину и ловко вскарабкался вверх, а затем пару раз ударил в разных частях металлической дверки и толкнул. Люк издал пронзительный скрип и чуть поднялся.

– Я сейчас! – Одиночка растворился в черном пространстве крыши.

Шоу абсурдов продолжается. Прошу всех занять свои места. Только так, а не иначе, потому что моя голова просто отказывалась понимать, кто я, где я и что я здесь вообще делаю. Хотя... почему бы холодным декабрьским вечером не прогуляться с одноклассником по одной из крыш города? Это же именно то, о чем следует мечтать!

– Можешь подниматься! – скомандовали сверху, – Я тебя вытяну!

Не задавая лишних бессмысленных вопросов, я почти грациозно преодолела все ступеньки и, нащупав руки Леша, вцепилась в них. Он почти без труда подтянул меня, и спустя мгновение затхлый воздух подъезда сменился зимней свежестью. Мои ноги неуверенно ступили на поверхность крыши,

и я пошатнулась.

– Осторожнее, – Одиночка схватил меня за локоть и помог выбраться из будки, в которую вел люк в потолке, – Сейчас морозно, нам повезло, что ветра нет... И небо очень ясное.

– Тут...здорово, – я крутанулась на месте, и мои волосы взметнулись вверх, к звездам. Перед глазами замелькали разноцветные огни города. Ноги понесли меня к краю. Все, что было ниже нас, казалось таким маленьким, будто я смотрела на миниатюру города. И ночь с высоты десятого этажа казалась не такой темной из-за обилия подсветки вокруг. И, черт возьми, как это может не нравиться, даже не смотря на холод? Как вообще можно бояться высоты? Ведь только на высоте появляется то самое ощущение эйфории, при котором все проблемы и становятся абсолютно неважными, мелкими. Ведь ближе к небу – дальше от земных забот, так?

– Ты быстро осваиваешься, – Леша напомнил мне о своем существовании, – Уже бывала на крыше?

– Нет, – я покачала головой, – Но кажется это именно то, о чем я всегда мечтала. И давно ты здесь обитаешь?

– Полгода. Полгода борьбы со страхом высоты. Но это ерунда по сравнению с тем, какие виды отсюда открываются, проблемки – парень улыбнулся, – Теперь нужно переместиться ближе к теплу, чтобы ничего себе не отморозить

Ближе к теплу – оказалось ближе к вентиляционному отверстию, в котором скопились множество квартирных аро-

матов, смесь которых казалась ужасающей. Но из-за морозе особо выбирать не приходилось.

– Сегодня очень ясный вечер. Я сейчас попытаюсь настроить телескоп так, чтобы ты на мгновение смогла бы перенестись на другую планету, – Леша наклонился к телескопу, расположенному на треноге и принялся что-то подкручивать.

– И какую планету ты для меня выбрал?

– Венеру. Она сейчас особенно хорошо видна. Мне кажется, тебе должно понравиться.

Я закрыла левый глаз и нырнула в космическое пространство.

– Венеру еще называют вечерней звездой, – Леша с упоением принялся рассказывать о планете, – Это самый яркий объект перед твоими глазами, если немного напрячь зрение, то ты увидишь, что планета видна не полностью, на самом деле глазу виден лишь серп. Я успел рассмотреть полную Венеру только дважды, и не в темное время суток, она слишком яркая для ночного неба. Для ее изучения лучше работать днем. И знаешь, я тут подумал, что именно Венера мне напоминает тебя больше всего.

Я всматривалась в это самое пятнышко, представляя, что оттуда, через тысячу миллионов километров на меня, вполне возможно, смотрит какая-то другая Ева, тоже запутавшаяся и пытающаяся отвлечься от всего земного, ну, то есть, Венериного.

– И почему же я напоминаю тебе именно Венеру? – я отстранилась от телескопа.

– Ты такая же яркая. Иногда до такой степени, что глаза начинают слезиться. Среди всей толпы ты всегда сильно выделяешься, но, как и Венера часть нашей солнечной системы, ты всего лишь часть толпы. Ты светишься, оставаясь холодной и недоступной, – все это Одиночка произнес, смотря в небо, будто меня рядом и вовсе не было.

Стоп. Мне кажется, или Алексей Дорошенко сейчас со мной заигрывает?

– Ты говоришь эти слова всем девушкам, которых сюда приводишь?

– А ты действительно считаешь, – Леша все еще смотрел в небо, – Что здесь были какие-то другие девушки?

– Я тебя совсем не знаю, – я пожала плечами, – Откуда мне знать, кто ты такой вне школы. Может, маньяк любитель, прикрывающийся телескопом?

Одиночка рассмеялся

– Никогда бы не подумал, что могу кому-то показаться маньяком.

– Почему? Ты – типичный маньяк. Тихий и непредсказуемый, – я хихикнула

– Просто я не привык подстраиваться под публику.

– Ладно.

– Что, ладно?

– Ладно, я поняла, что неправильно тебя поняла с твоей

этой Венерой.

– И как же ты меня поняла?

– Не важно. – Я опять нагнулась к телескопу, решив, что пора заканчивать с абсурдными рассуждениями. – А как мне теперь настроить этот агрегат для прогулки по Луне?

– Давай я тебе помогу.

Леша аккуратно нагнулся вслед за мной и попытался переместить телескоп в сторону идеально круглой Луны. Я повернула голову в его сторону, чтобы наблюдать за этой серьезной работой. Но затем, не имея абсолютно никакого понятия о том, что на меня вдруг нашло, я сократила расстояние между мной и Алексеем до каких-то пары сантиметров и замерла в нерешительности.

Казалось, он не обратил на это внезапное сближение никакого внимания, в глазах Одиночки по-прежнему горели одни лишь звезды. Его лицо внезапно оказалось так близко, что на моей щеке отчетливо ощущалось его теплое дыхание на коже, отчего мое тело вздрогнуло. Одиночка медленно перевел затуманенный взгляд на меня, и его карие глаза, в которых я успела рассмотреть множество золотистых лучиков, удивленно округлились. И я вместо того, чтобы отпрянуть, мгновенно сократила расстояние между нашими лицами и зажмурилась.

В тот момент, когда мои губы только прикоснулись к его губам, я словно очутилась где-то далеко-далеко. На Венере. По телу будто пробежал электрический разряд, а сердце,

пропустив удар, рухнуло куда–то вниз.

Неужели это и есть мой самый первый поцелуй? Первый сознательный поцелуй. Все ощущения внутри перевернулись с ног на голову, а где–то внутри забился страх быть отвергнутой.

Но отвечая на мой порыв, Алексей притянул меня ближе к себе, и его рука легко скользнула по моим волосам, вызвав тысячи мурашек на моей коже. Мои руки ответно взметнулись на его плечи. Неужели все это сейчас происходит? Неужели со мной? Мой мир сузился до нас двоих, время перестало существовать, в голове образовалась приятная пустота.

Мгновение, когда все прекратилось, я упустила. Просто пришло осознание того, что я стою на крыше в одиночестве, а Леша продолжает что–то крутить в своем телескопе. Может, поцелуй мне приснился?

– Зачем ты это сделала? – Алексей нарушил молчание, и, прежде чем я успела что–то ответить, он добавил, – Зачем ты выложила видео Волкова в интернет?

– О, – я замаялась, ожидая немного другого вопроса, – А тебе кажется, что я поступила неправильно?

Стоп. Он должен был спросить о том, зачем я его поцеловала. Но Леша ведет себя, будто ничего такого не произошло. Не мог же мне этот поцелуй привидеться?

– Нет, – Одиночка вздохнул, – Просто интересен мотив. Вы же, ну вроде...

– Он поспорил на меня, – я перебила Лешу, – Поспорил с Колосовой, что я и он... Как бы сказать... проведем ночь вместе...

– А разве вы никогда не...

– Что?! – я почувствовала, что краснею, – Нет, конечно, нет! Как тебе такое в голову то пришло?

– Мне? Да об этом вся школа говорит, – Леша пожал плечами, – Мне твои отношения с Волковым до сегодняшнего вечера были абсолютно безразличны.

– До сегодняшнего вечера?

– Ну да. Знаешь, когда из-за девушки мне чуть было, не разбил нос ее бывший парень, волей-неволей начинаешь задумываться о том, что там между вами произошло.

– Он планировал напоить меня снотворным, на вчерашней вечеринке. А потом... – я замялась, – Черт, даже представить страшно, что бы он сделал потом.

– И ты захотела ему отомстить?

– Не совсем, – я покачала головой, – Мне очень хотелось поставить точку в наших отношениях.

Леша усмехнулся.

– Ты всех своих бывших парней выставляла дураками перед десятью тысячами интернет зрителей?

– Думаешь, я переборщила?

– Почему же. Все правильно сделала.

– После твоих слов я не совсем в этом уверена.

– Почему? Обсуждением Роминых трусов занята сейчас

вся школа. Думаю, у него и в мыслях больше не возникнет кого-то напоить снотворным для того, чтобы удовлетворить свои потребности.

– Так-то оно так, но, – я обняла себя руками, – Я сделала из него посмешище, но сама-то ничем не лучше.

– Знаешь, – Леша всматривался в ночное небо, – Если бы эта история касалась кого-то другого, а не Волкова, то я бы был с тобой согласен. Но Рома не тот человек, из-за которого тебе следует мучиться угрызениями совести.

– Мне иногда кажется, что старшая школа – это филиал ада на земле, – при каждом моем слове изо рта вырывалось облако пара, – Ты предал, тебя предали. Ты ударил, тебя ударили. И так до бесконечности. А если не отвечать на все эти выпады, то об тебя начнут вытирать ноги...

– В любом обществе так, – Одиночка пожал плечами, – Это норма.

– Но не для тебя.

– Надеюсь, что так оно и есть, – Леша устало улыбнулся, отчего в его глазах заплескались уже знакомые лучики солнца.

– В чем твой секрет?

Этот вопрос меня мучал последние полчаса.

– Секрет?

– Почему ты – Одиночка?

– Одиночка? Неужели меня и правда, так называют? – Леша был удивлен.

– Прозвище отражает то, кем его видят окружающие...

Где-то внутри проснулось уже знакомое чувство дежавю.

Когда-то я уже все это слышала.

– Мой секрет в том, что я не имею никаких секретов, – парень пожал плечами, – И если я все время провожу в одиночестве, это совершенно не означает, что я – Одиночка. Просто сейчас есть определенные причины.

– И ты говоришь, что у тебя нет тайн? – я улыбнулась, – Ты весь состоишь из одних сплошных загадок.

– И это мне говорит человек с синдромом раздвоения личности, – Леша хмыкнул, – Знаешь, человек всегда подстраивается под окружающих. А если человек, я или ты, не важно, будет отличаться от этого общества, выходить за рамки стандартного поведения, например, даже одеваться не по моде, это и порождает появление прозвищ, кличек и сплетен. Всего лишь работа чужого воображения.

– Думаешь, мое отношение к тебе зависит от общества?

– На восемьдесят процентов, да, – Леша кивнул, – Общество порождает сплетни, сплетни порождают неверное восприятие. Все просто.

– Все сложно, – я рассмеялась, – По твоей логике сплетни это основа основ.

– По моей логике у девяноста девяти человек из ста восприятие окружающих формируется лишь благодаря сплетням. И лишь один человек из ста наплюет на общественное мнение и будет иметь свое представление. Но именно этот

один человек и будет казаться всем странным, Одиночкой, как ты говоришь.

– Ага, я поняла. Ты против общества.

– Я против сплетен, – Одиночка улыбнулся, – А общество – это неотъемлемая часть нашего существования. Как можно быть за или против него?

Где-то внутри от этой улыбки начала распространяться приятная легкость и тепло. Может, не все так плохо в этой вселенной? Может, Леша прав и это общество сделало меня такой, какая я есть? И стоит лишь прислушаться к себе, а не к окружающим и все вокруг изменится?

– Ты замерзла? – Леша обеспокоенно всматривался в мое лицо.

– Что? Нет, совсем нет.

– У тебя зубы стучат и губы посинели. Наверное, это была не самая лучшая из моих идей...

– Совсем наоборот, – я запротестовала, – Это лучшая идея за сегодняшний день. Здесь начинаешь ощущать себя по-другому. Кажется, что когда ты на крыше весь остальной мир где-то очень далеко...

– Ага, главное не загреметь в больницу после всех этих твоих ощущений.

По пути в свою старую-новую квартиру, моя голова работала в особенном ускоренном режиме. Внутри проснулась надежда на то, что у меня получится все изменить. Все возможно! Ночная прогулка по крыше в компании с человеком,

которому действительно не безразлично все, что происходит вокруг, сделала свое дело – мне действительно стало легче. Поэтому зайдя в квартиру, я зажгла свет, собираясь с мыслями для того, чтобы попросить прощения у матери и доказать ей, как сильно изменилась ее дочь за сутки. Но то, что предстало перед глазами, в буквальном смысле выбило из меня дух.

– Ма–а–ам! – крик вырвался сам собой, а ноги, отказываясь держать мое сотрясающееся тело, подогнулись, и я рухнула на колени прямо напротив матери, лежавшей в неестественной позе посреди коридора.

– Мам! Мамочка, пожалуйста...!! – я будто в тумане поползла вперед, стараясь не завалиться в обморок. В голове бился лишь один вопрос: «Жива?!»

Наконец, мои руки добрались до маминого лица. Теплое. И губы слегка скривились от прикосновения моих холодных рук. Жива! Она жива!

– Все будет хорошо, – моё тело дрожало, а в голове не было ни единой мысли о том, что же делать, – Все хорошо, хорошо!

– Ева, – руки одиночки легли на мои плечи и отодвинули меня от матери. Я дернулась вперед, протестуя.

– Т–ш–ш, спокойно, – Лёша быстро опустился на колени, закрывая мать от моих глаз, параллельно доставая телефон, – Алло! Быстрее машину на солнечный бульвар дом шесть квартира пятьдесят один. Что? Да, женщина, лет трид-

цати пяти, беременная и без сознания. Кровь? Нет. Что? Да какая разница, какое у неё имя?! Хорошо... Как зовут твою маму?

Последняя фраза была направлена мне, но соображала я туго.

– Ева, черт возьми!!!

– Серова Людмила Владимировна. Нет. Вишневская, – я зашептала, в этот момент из груди матери донёсся хрип, и я уже закричала, – Быстрее, пожалуйста, быстрее!

Время ползло медленно, будто кто-то специально включил замедленный режим съёмки. И это все произошло по моей вине. Опять. Если бы я осталась, если бы не поддавалась своим дурацким эмоциям, если бы, если бы, если бы... Это самое дурацкое словосочетание!

– Ева! Что значит “если бы”? – Одиночка потрянул меня за плечо.

– Что? – я вглядывалась в лицо матери, но из-за потока слез все расплывалось.

– Ты все твердишь “если бы”, – Лёша сел рядом со мной на пол, одной рукой придерживая лицо моей матери, – Все будет хорошо.

– Угу, – я совершенно не понимала, что там бормочет Одиночка. Перед глазами стояло лишь раскрасневшееся лицо матери.

– Сейчас приедут врачи...

– Угу.

– Это не твоя вина.

– Угу.

– Может, лучше позвонить твоему отцу?

– Угу... – до меня долетело лишь слово “отец”, – Что? Нет! Это он! Это все, – я бессильно махнула руками, – Его вина! Если бы...

Я замолчала. Если бы его не было в нашей жизни, то все было бы по-другому. Так, как помню я. Не богато, не шикарно, без помпезности и вычурности, но зато душевно, без постоянных скандалов, безо лжи. В нашей семье всегда было место любви. Итак, что было бы, если? Было бы лучше? Хуже?

Было бы по-другому.

– Жизнь полосатая, – Одиночка вложил теплую руку матери в мою ладонь, – Скоро все наладится, обязательно наладится.

Я сжимала мамину кисть до последнего, до того самого момента пока врачи не погрузили её в машину скорой помощи. И я бы не отпускала её ещё дольше, если бы не решительный отказ медперсонала от моего сопровождения. Меня успокаивали, говорили, что у мамы просто резко поднялось давление, что такое бывает на поздних сроках беременности... Девочка–медсестра вообще несла много всякой чуши. Её сочувственный взгляд пронизывал меня насквозь, заставляя чувствовать себя ещё более виноватой.

– Она просто уснула, – Лёша заговорил, едва машина ско-

рой помощи тронулась с места, его руки крепко сжимали мои плечи, будто я собиралась бежать вслед за автомобилем, – Ей нужен отдых. А завтра можно будет навестить её в больнице.

– Угу, – я бессильно кивнула, и, наконец, перевела взгляд на Лешу, – Ты побудешь со мной?

Последняя фраза вырвалась сама собой, честно. Видимо по какой-то неведомой причине мне в голову пришла мысль о том, что Одиночка – мой ангел хранитель. Ну или просто добрый фей...

– Конечно, – парень кивнул, ни секунды не думая, будто я была его давнишним другом. Стоп. Это все не правильно.

– Нет, если ты не хочешь, то...

– Все нормально, правда, – Леша улыбался действительно искренне, и я решила больше не спорить. Тем более что не очень то и хотелось.

Глава 10

Крепко вцепившись в руку Одиночки, я стояла на пороге школы и просто не верила, что вернулась в это заведение в здравом уме после всего, что произошло за последние двенадцать часов. Хотя утверждение «в здравом уме» было явно спорным, учитывая то, что за всю ночь мне так и не удалось хоть немного поспать. Все время вплоть до семи утра я и Леша провели сидя на полу в моей квартире, уставившись в экран телевизора, транслировавшего какую-то инопланетную чепуху.

Эта самая чушь хоть немного заглушала водоворот из мыслей в голове. Я пялилась в экран телевизора, наблюдая как героям этого фантастического боевика откусывает головы огромный жук. В этот момент мои собственные переживания показались намного менее существенными. Нет, ну правда, на меня не охотится инопланетный монстр, я не попала на звезду смерти и в мое тело не собираются никого живлять. По этой логике у меня вообще все замечательно.

Однако с приближением утра внутри чувство тревоги внутри забило с утроенной силой. О состоянии матери мне оставалось лишь гадать, потому как на телефонные звонки она не отвечала. Отец тоже не спешил выходить на связь, хотя этот факт меня совершенно не огорчал.

Единственный человек, благодаря которому я сумела со-

хранить рассудок на протяжении всей ночи, был Одиночка. И едва на часах появилась цифра семь, Алексей принял решение о том, что нам крайне необходимо убедиться в том, что моей матери ничего не угрожает. Именно он вызванивал регистратуру родильного дома, в который была доставлена моя мать, и именно благодаря его настойчивым просьбам девушка на другом конце провода сообщила о стабильном состоянии моей матери и о том, что часы посещения сегодня начинаются на четырех дня.

И вот теперь я хмуро разглядывала на огромную растяжку над входом в школу, гласившую “Прояви инициативу! Проголосуй!”, осознавая одну неизбежную истину – наступил тот самый день – день выборов президента этого учебного заведения. И это означало, что сегодня, к моей персоне опять будет повышенный интерес. Ну почему, почему именно сегодня?! Я развернулась в обратном от входа направлении.

– Стой! – Леша все еще сжимал мою ладонь и потянул меня ко входу, – Нам сюда.

– Я передумала.

– Не говори ерунды. В школе время пролетит незаметно.

– Только не сегодня, – я кивнула на плакат со своим изображением, – У меня нет сил на все это.

С плаката на нас надменно взирала большеглазая блондинка в ярко-малиновой блузке и неприлично короткой юбке. “Мы все – индивидуальности! Будь собой! Откажись от формы!”.

– Оптимистичненько, – Леша хмыкнул.

– Ага... для пятиклассников. Зачем мы вообще сюда пришли?

– Затем, что фильмов про пришельцев днем не показывают. Пошли.

В вестибюле оказалось многолюдно как никогда. Будто все восемьсот учеников нашей школы разом решили проголосовать в эту самую минуту. Причем голосовали, видимо, выкрикивая имена кандидатов. Иначе как можно было объяснить весь этот оглушающий шум. Мгновенно захотелось вернуться на свежий воздух. Но Леша потянул меня вглубь всего этого хаоса, и мне ничего не оставалось делать, кроме как последовать за ним. А затем я стала наблюдать странную реакцию на наше появление. Кто–то, встретившись со мной взглядами, мгновенно отворачивался, кто–то начинал выпучивать глаза, кто–то кивал в сторону избирательной урны.

– Она... вот и пришла... ой, что сейчас будет, – начали долетать до меня обрывки фраз.

Остальные участники этого столпотворения, едва заметив меня, начали расступаться, будто пропуская меня к этой самой урне. Я уверенно зашагала вперед, не предполагая, что меня там могло ожидать.

“Откажись от формы!” – саркастично гласила ярко–розовая надпись на плакате с изображением “меня” в нижнем белье. “Я” улыбалась и посылала куда–то вдаль воздушный поцелуй. О чем я там вчера вечером говорила Леше? Ты уда-

рил, ударили тебя? Вот и ко мне прилетел ответный удар. Хотя, а какой еще реакции можно было ожидать?

– Что все тут столпились? – из-за моей спины выскочил Одиночка и сдернул со стены творение рук моего бывшего униженного молодого человека, – Что, фотошопа никогда не видели?

Леша порвал плакат на мелкие куски и кинул в мусорное ведро.

– Ты как?

– Отлично, просто замечательно! – я сжала руки в кулаки и глубоко втянула воздух в легкие, – Этот день не мог начаться еще хуже?

– А что ты ожидала от Волкова? – Леша хмыкнул.

И правда, чего я хотела? Учитывая тот факт, что вчера этот дуболом чуть не пробил голову мне и почти сломал шею Леше, этот плакатик был очень безобидной мезью.

– Ты тоже думаешь, что это его рук дело?

– Остальные тебя либо боготворят, либо боятся, – Одиночка пожал плечами, – И кажется, мне пора тебя покинуть.

К нам приближались Марина и Вика, и, ей-богу, сочувственная мимика их лиц заслуживала как минимум Оскара. Я схватила за руку дернувшегося в сторону Лешу, не собираясь оставаться наедине с этими фуриями.

– О. Ева! – Марина, кажется, не заметила Одиночку, и лишь хитро подмигнула мне, – Ой не надо было снимать плакат! Ты на нем так хорошо вышла!

– Это твоих рук дело? – я нахмурилась, не понимая, почему вообще начала подозревать Рому. Это же было не в его стиле.

– А ты сомневалась? – девушка засмеялась, – Кажется, у кого-то будут проблемы на выборах...

– Думаешь, мне есть дело до этих выборов? – я с трудом вырвалась из рук Маринки и крепче сжала ладонь Алексея, который от неожиданности вздрогнул.

– Одиночка? Это твой новый бойфренд? – Марина удивленно повела бровью и продолжила, обращаясь ко мне, – Думаю, тебе до всего есть дело, деловая ты наша... Решила втоптать меня в грязь? Сама будешь жрать все это дерьмо!

– Леша стой, – я даже слушать не хотела эту чокнутую, – Это мы еще посмотрим, кто и что жрать будет!

С каменным лицом (чего мне это стоило!) я развернулась и спокойно двинулась в сторону класса, все еще держа Одиночку за руку. Со стороны, наверное, казалось, что мы парочка влюбленных. Шустрые семиклассницы точно разнесут этот слух по всей школе, и к следующей перемене все будут обсуждать не мой оголенный на плакате торс, а отношения Одиночки и главной блондинки школы. Ну что ж, это даже к лучшему.

Что происходило до большой перемены, я помню смутно. В голове на протяжении всего этого времени билась лишь одна единственная мысль. Нужно как можно скорее увидеть маму. На мои многочисленные звонки она отказывалась от-

вечать, поэтому внутреннее беспокойство нарастало с каждой минутой. Именно я довела мать до такого состояния, так что удивляться игнорированию моих звонков не стоило. Она просто злится на меня. У нее все хорошо. Я в это верю.

И я обязательно докажу ей, как сильно она ошибается на мой счет. Осталось только добраться до нее, взглянуть в ее глаза и крепко–крепко обнять. Она сразу поймет, что я из ненавистной ей Евы Вишневской стала самой настоящей Евой Серовой.

И вообще, мое бесконечное нытье о несправедливости жизни, уже порядком поднадоело даже мне самой. Вечно мне чего–то не хватает. Хотя пора бы давно научиться ценить то, что имеешь.

– ...и кажется сейчас в столовой начнется дискотека, – долетели до меня слова Леша, который задумчиво разглядывал пространство за моей спиной.

– Что? Какая дискотека? – я заморгала.

Мы расположились за одним из столиков в столовой, и я, ковыряя ложкой остывшее картофельное пюре, всеми силами пыталась не заснуть. Но видимо в какой–то момент сон все же оказался сильнее.

– Песня на твоём телефоне уже в шестой раз играет. Если это повторится в седьмой раз, то точно кто–нибудь начнет танцевать, – Одиночка кивнул на большущий смартфон, пронзительно надрывающийся на нашем столе. Кажется, из динамиков лилась очередная попса от Джастина Бибера.

– Ой! – я схватила телефон, к которому так и не смогла привыкнуть и, наконец, ответила на звонок, – Алло! Ма–ам?

Я ожидала услышать именно ее голос, но не тут–то было.

– Идиотка! – отец был в ярости, в самой бешеной ярости, – У тебя мозг вообще работает? Довела мать, отправила ее в больницу, а сама в школе прохлаждаешься?! И это в то время, когда я ясно просил вас не высовываться! Ты вообще знаешь значение слов опасность и угроза?!

– О чем ты говори...

– Молчать! – этот крик, по–моему, услышала даже повар, спокойно разливающая суп около буфета, – Ты будешь сидеть в школе! Тихо, мирно ходить на уроки. Будешь сидеть в здании до тех пор, пока я не заберу тебя. Потому что если ты попадешься ИМ, то не думай, что мне будет до этого дело! Самой надо мозги хоть иногда включать!

Отец отключился.

– У тебя такой вид, будто ты собираешься кому–то вре-
зать, – Леша аккуратно вытащил телефон из моей сжатой ру-
ки, – Что–то случилось с мамой?

– С папой, – я стиснула зубы, – Он по–моему пьян. Несет какой–то бред, заставляет сидеть в школе, чтобы я не попалась каким–то таинственным “ИМ”. Я попала в какое–то странное шоу абсурдов.

Леша нахмурился, но молчал.

– Что? – к сожалению, я не умела читать мысли.

– Да ничего, просто, по–моему, ты совершенно не пред-

ставляешь серьезность ситуации.

– С чего ты это взял?

– Не просто же так вы съехали из дома.

– Бред, – я помотала головой.

– Наверное, прийти сегодня в школу было не самой лучшей идеей, возможно, тебя и правда, что-то угрожает, – Леша говорил тихо, так что пришлось наклониться к нему совсем близко.

– Или мы просто слишком много боевиков пересмотрели за эту ночь...

– Скорее это ты понятия не имеешь, о том, что творится вокруг. И тебе лучше отодвинуться, мы и так привлекли слишком много внимания.

Я, наконец, оторвала взгляд от нашего столика и происходящее вокруг напомнило мне кинотеатр, разве что вместо поп-корна у моих зрителей были пирожки и чай. И все вроде бы и не пялились на нашу парочку, но косые взгляды летели со всех сторон. А еще примечательно было то, что обычный шум столовой сменился на шептания и шуршания. Неужели моя персона всем была настолько интересна? Никак не могу к этому привыкнуть. И благодаря чему? Благодаря стержневому и истеричному характеру, пероксидным волосам и сережке в носу?

– Пошли отсюда, – я встала, – А то я чувствую себя как на подиуме.

Я специально все время держала Лешу за руку. Во-пер-

вых, мне так было спокойнее, а во-вторых, пускай все нафантазируют что угодно, эти слухи точно дойдут до Румы. Думаю, это заденет его самолюбие. Как это: я променяла его, всего такого идеального, на обычного Одиночку, да еще и унизила перед всей школой. Кому-то же нужно было спустить этого самовлюбленного болвана с небес на землю.

А еще сейчас было важно понять, что делать дальше. По велению отца ожидать его прибытия в учебное заведение для моего “спасения” от таинственных людей или же послать все к чертям и сбежать как можно быстрее. Почему-то вторая мысль была мне намного ближе. Совершенно не верилось, что мне могут навредить какие-то недоброжелатели отца. В самом деле, я же не героиня американского боевика!

– Свинарка, ты не могла бы побыстрее? – голос Маринки в сочетании со знакомым прозвищем “свинарка” резанул мой слух, – Тебе жрать надо меньше, ограничь свой обед одним чаем!

Лиза просто попалась, так сказать, “под горячую руку”. Я испортила Колосовой настроение с утра, а это значит, настроение теперь будет испорчено у половины “серой массы” школы. Название серая масса придумала не я, это часто звучало от Маринки в той, другой моей жизни.

– Колосова, – я уже стояла возле стойки с едой, и моей решительности можно было позавидовать, – Ты и дальше собираешься показывать свою “крутость”, – в этом месте я сделала кавычки двумя пальчиками, – Унижая и оскорбляя всех

вокруг?

– А ты, я смотрю, вступила в ряды серой массы? – на лице подруженьки не было ни следа утреннего сочувствия и непонимания, лишь высокомерная ухмылка. Больше никаких эмоций. Вика, семенившая рядом, как всегда противенько захихикала.

– Уж лучше быть серой массой, – я фыркнула, – Чем членом клуба тупиц и лжецов. Знай свое место, Колосова. Сиди за столиком, жуй свой банан и не вякай.

– А иначе что? – Маринка заржала, – Покажешь мне вживую прелести с плаката?

– А иначе, – я сделала паузу, – Я сделаю общественным достоянием то, о чем никто не должен был знать.

Я блефовала, но ведь у всех близких подруг есть общие тайны. Тайны, о которых никто и никогда не должен был узнать. И я попала в яблочко.

– Можешь трепать о чем угодно, – Марина фыркнула, – Тебе все равно никто не поверит.

– Хочешь проверить? – я принялась доставать свой смартфон.

– Иди ты в, – в меня полетел пустой поднос, а подруженька злобно зацокала каблучками в сторону выхода.

Секунду стояла тишина, а затем... со всех сторон посыпались аплодисменты. Кто-то даже засвистел, а старшеклассники кричали “Браво!”. Героиня спектакля на моем месте давно бы уже кланялась и посылала восторженным “зрите-

лям” воздушные поцелуи. Но я протискивалась между столами и школьниками к Лизе.

– Ты как? – мне хотелось увидеть ее улыбку, как раньше. Но не тут то было.

– Чувствуешь себя героем, да? – Елизавета оторвалась от тарелки с супом, – Хочешь дополнительных голосов на своих чертовых выборах?

– Что ты...

– Давно ли ты стала защитницей сирых и убогих? Или этот, – девушка кивнула на Лешу, стоявшего рядом, – Наконец вправил тебе мозги?

– Лиз, не злись, – Одиночка примирительно вскинул руки вперед.

– Я тебе не верю, – Лиза холодно смотрела прямо мне в лицо, – Такие, как вы с Колосовой, не меняются.

– Ты очень даже ошибаешься, – я более не собиралась давать бесплатных представлений посреди школьной столовой. Так и правда, можно подумать, что я пиарюсь в день выборов.

– Ева, стой, – Леша привычным жестом взялся за мою ладонь, и мы двинулись к главной лестнице, – Люди долго привыкают к переменам. Ты не злись.

– Я и не злюсь, – я пожала плечами. На самом деле, в той, другой жизни, я бы тоже скорее отослала бы Колосову ко всем чертям с ее “переменами”, чем приняла бы ее извинения. Все логично.

– Мне нужно отсюда свалить. И чем быстрее, тем лучше.

– До конца уроков охрана нас не пропустит на улицу, –
Одиночка покачал головой, – К тому же сегодня выборы.

– Да плевать я хотела на всю эту школьную демократию.
Мне нужно, – здесь я остановилась. А что мне нужно? И
тут же сама себе ответила, – разобраться в своей семье. Мне
нужно увидеть маму.

– А это не подождет до четырех?

Я помотала головой. Это не могло ждать, нужно действо-
вать, пока появилась уверенность. Леша хмыкнул.

– Что не так?

– Это ни к чему хорошему не приведет.

– И что ты предлагаешь?

– Предлагаю успокоиться, а дальше пускай все идет своим
чередом. К тому же, за пределами школы ты можешь быть в
опасности, отец же пытался тебе это донести, и, да, я слышал
телефонный разговор.

– Ну и наплевать, – я дёрнула дверь ближайшего кабинета.

Пусто. Мне несказанно везет! Я двинула в сторону ок-
на. Всегда мечтала немного побыть бунтаркой. Устроить раз-
борки в школьной столовой, прогулять уроки, выпрыгнуть
из окна первого этажа. И, пожалуйста! Мечты сбываются, да
еще и все разом! Меня будто били по голове Рогом изоби-
лия...

– Эй, ты что задумала? – Одиночка остановил мою руку,
распахивающую окно.

– Побег, я задумала... черт! Тут решетка закрыта! – я дернула за железяку перед глазами.

– Конечно закрыта, не глупи, – Леша потянул меня в сторону.

– Нет, – я вспрыгнула на подоконник.

Расстояние между прутьями может остановить кого угодно, кроме дистрофичной маленькой девчонки, вечно сидящей на диете. В этот момент я даже была благодарна той Еве, которая конфетам предпочитала обезжиренный кефир. Что бы я сейчас делала, будь у меня попа сорок шестого размера?

– Ева, черт возьми! – Леша схватил меня за ногу как раз в тот момент, когда я почти выскользнула за окно, – На улице зима! Ты замерзнешь!

– Пусти! – я дернулась вперед и...камнем рухнула вниз, пребольно ударившись коленом об асфальт, так заботливо расчищенный школьным дворником.

Свежий воздух ворвался в мои легкие, отчего мои взбудораженные нервы немного успокоились. Хм, может при малейшем признаке раздражения мне нужно пихать голову в морозильник? А что, хорошая идеяка... А некоторых, особо раздражительных, я бы отправила на постоянное место жительства в морозильную камеру.

На улице, не смотря на хмурое небо, веяло каким-то волшебством из-за кружащихся в воздухе снежинок. Мороз почти не ощущался, поэтому в пиджаке и туфлях я вполне смогла бы добежать до ближайшей автобусной остановки.

Порывшись в сумке, я выудила оттуда длинный шарф, который отказалась принимать гардеробщица, и замотала шею, рот и даже нос, что сделало меня похожей на беглого француза после первой мировой. По крайней мере, именно так я себе их представляла.

Перед окончательным побегом с территории школы я взглянула в окно кабинета, но Одиночка уже исчез. Что ж, правильно. Не весь же день ему гоняться за сумасшедшей, пытаюсь отговорить ее от странных и ничем не оправданных действий. Он мне достаточно помог.

Помог понять, что нужно для того, чтобы быть счастливой. Для счастья совершенно не важно, богатый ты или нет, красивый ты или так себе, умный или просто притворяешься. На самом деле важно только то, как ты относишься к ситуации, ведь даже в самом черном и пасмурном ночном небе можно разглядеть блеск далекой звезды. И даже если все происходящее напоминает фильм ужасов или, скажем, жестокую комедию, в которой высмеивают именно тебя, важно уметь увидеть все то доброе и хорошее, что тебя окружает. Жизненно необходимо научиться разбираться в людях, даже не так. Необходимо чувствовать тех, кто тебя окружает, и обращать внимание лишь на тех, чье сердце открыто, и чей разум не способен выдать очередную порцию лжи и предательства.

Поэтому для меня сейчас главное избавиться от имиджа крашеной стервы с большими амбициями и еще большим са-

момнением. Я больше не хочу, чтобы меня воспринимали как Еву Вишневскую. Мне достаточно быть Евой Серовой – девочкой замарашкой с добрым сердцем, любящей мамой и настоящими друзьями. И именно поэтому мне так хотелось увидеть мать. Нужно показать ей что я – другая.

Я обогнула школу и быстрым шагом двинула в сторону главных ворот. Жаль, что все бреши в заборе заделали три года назад из-за участившихся случаев разбоя на территории школы. Теперь самое главное вырваться незамеченной. Хотя охранник на воротах бывает так редко, что все уже забыли, как он выглядит. Ходят слухи, что его вообще давно уволили.

И вот преодолев последнее препятствие, разделяющее меня и остановку городского транспорта, я почувствовала облегчение. Если автобус подойдет в течение заявленных десяти минут, то я даже не успею превратиться в сосульку и доберусь до больницы как раз за час до начала посещений. И я обязательно зайду в цветочную лавку, всегда мечтала об огромном букете в подарок маме, только раньше это казалось неоправданной роскошью.

Но, как всегда, задуманному не суждено было сбыться. Мой путь (опять!) преградил здоровенный черный джип, и я уже приготовилась ко встрече с отцом.

Дверь автомобиля открылась, но отца я так и не увидела. Передо мной стоял невысокий мужчина в сером пальто и с настолько неприметной внешностью, что встретить я его через

день в толпе, я бы ни за что его не узнала.

– Ева Вишневецкая? – голос этого типа не отличался от внешности.

Я отступила.

– Ну, допустим.

– Прошу в машину, – мужчина сделал неудачную попытку улыбнуться.

– Зачем, – еще три шага назад.

– Тебе папа разве не звонил? – я осторожно кивнула, и улыбка незнакомца стала еще шире, а от того неприятнее, – Ну тогда поехали, с братом будешь знакомиться.

– С к–каким братом? – я округлила глаза. Что?! Нет–нет–нет.

– С новорожденным. Отец уже ждет тебя.

Мгновение – и “серое пальто” стоял уже совсем рядом, а в его руках блеснул какой–то предмет, и лишь благодаря интуиции я отпрянула назад.

– Беги!!! – откуда–то из–за спины донесся голос Одиночки.

Повторять дважды одну и ту же фразу необходимости не было. Я мгновенно ринулась в сторону школы, не замечая ни каблучков, предательски скользящих на мокром снеге, ни снега, залепляющего глаза, ни даже холода, пронизывающего мое тело.

– Стой, с..а! – снег позади заскрипел совсем близко, а это значит незнакомец нагонял.

Но оглядываться было не самой лучшей идеей, тем более что крыльцо школы замаячило в спасительной близости. Откуда—то слева вынырнул силуэт, в который я едва не запустила сумку, если бы не опознала Алексея в его ярко—оранжевой куртке. Он схватил меня за предплечье и вместе мы быстро преодолели ступени, входную дверь и, даже, под вопли охраны успели перепрыгнуть через закрытый турникет.

— А, ну стоять! — охранник настиг нас молниеносно, будто был одним из сотрудников ОМОНа, — Имя, фамилия, класс?!

— Дорошенко Алексей, Вишневская Ева, десятый А, — отчеканил Одиночка, пристально посматривая на дверь, в которой мелькнула тень незнакомца в сером. Но связываться с нашей охраной этот некто явно не собирался.

— К директору, оба, живо! Нарушение дисциплины будет записано в ваши школьные дела.

Мы не стали спорить и тихо—мирно поплелись по коридору в сторону кабинета администрации. Представляю, какие глаза состроит директриса, увидев нас, растрепанных и краснощеких.

— Ты сумасшедшая, — гневно зашептал Леша, — Часто ты из окон прыгаешь навстречу маньякам?

— Первый раз, честное слово, — я пожалала плечами, — Чего этот тип хотел от меня?

— Ну, если это не программа розыгрыш, то, по—моему, тебя хотели похитить.

– И ты был рядом, как всегда. Почему?

– Что, почему? – Леша нахмурил брови.

– Почему ты всегда рядом? Почему в столовой ты всегда смотрел на меня? Почему ты не бросил меня там, в подъезде? Почему именно ты кричал “беги””? Зачем сегодня ты весь день со мной?

Одиночка задумчиво нахмурился, а затем пожал плечами.

– Может, я влюбился.

Глава 11

Вот так, просто. Сказал и распахнул дверь приемной директрисы, оставив меня, онемевшую, перед дверью. Что мне нужно было сказать? Ты мне тоже нравишься? Ты не можешь полюбить такую, как я? Ты слишком хорош для меня? Любой ответ казался глупым, поэтому я просто молча застыла на месте.

Мне никто никогда не говорил таких слов. В той, другой жизни, я могла услышать это только от мамы. Хотя, в этой жизни, мне, скорее всего, признания такого рода сыпались ото всех. Красивая, самоуверенная, популярная... Наверное, здесь половина школы была от меня без ума. Но была ли искренность? Может, в том, одном мамином “люблю” больше искренности, чем в сотнях здешних признаний? Тем более, что от родителей Ева Вишневецкая вряд ли узнала истинное значение данного слова.

Озарение огрело меня по голове с такой силой, что даже дышать стало труднее. Вот чего не хватало здесь, в этой идеальной жизни. Любви. Именно это чувство делает человека счастливым, именно оно наполняет душу теплом и радостью в те минуты, когда, казалось бы, ничто не сможет помочь. Именно в одном искреннем “люблю” эмоций больше, чем в сотнях лживых улыбок.

В круговороте бесконечного быта, учебы, работы, по-

стоянной суеты мы забыли о важности выражения чувств. Жизнь становится все более серой и бездушной, зато не приходится отвлекаться от “важной” работы на такую “ерунду” как любовь. Ведь что такое, по сути, любовь? Химическая реакция в организме? И кому она нужна, эта реакция, если есть привычный расклад жизни? Эти чувства только и могут, что выбивать из графика жизни.

Вот так. В этой жизни у меня есть все. Я должна быть счастлива. Но не хватает лишь того, чего не купить на папины деньги, не заработать напыщенной школьной популярностью, не получить от друзей–предателей. Здесь я забыла о любви.

– Вишневска–ая! – громкий голос директрисы вырвал меня из моих философских размышлений.

Через приоткрытую дверь я просочилась в приемную. Секретарша молча сверлила меня взглядом, пока я преодолела ее владения.

– Ева! – Ксения Сергеевна казалась неподдельно встревоженной, – У тебя что–то случилось?

Я молчала. Леша тоже не спешил откровенничать.

– Побег из школы – это серьезное нарушение. А сегодня выборы, и...

– Я хотела бы снять свою кандидатуру, – эта фраза вырвалась сама собой.

– Если ты не объяснишь, что произошло, то я буду вынуждена сама исключить тебя. Возможно, даже отстранить

от занятий.

– Вы хотите знать? – я хмыкнула, – Тогда, слушайте. Моя мама в больнице, вот–вот родит. Но именно в этот самый момент отец решил поиграть в гангстера и испортил отношения с Аркадием Волковым. И в тот момент, когда я сбежала из школы, чтобы предупредить маму, меня чуть не похитил некто в сером пальто. И поэтому пришлось экстренно возвращаться под защиту нашей доблестной охраны. Если бы не это недоразумение, я бы сейчас здесь не стояла.

В кабинете стало тихо, было слышно лишь противное моргание умирающей лампы. Леша смотрел на меня как на ненормальную, а глаза директрисы были готовы выпасть на стол.

– Дорошенко, – Ксения Сергеевна продолжала тарачиться на меня, – Ты как замешан в этой истории?

– Э–э, я открывал окно, ну, для побега, – Одиночка пожал плечами.

Теперь директриса смотрела поочередно то на меня, то на Лешу, видимо надеясь, что мы скажем что–то более правдоподобное. Но молчание затянулось.

– Хорошо, – директриса тяжело вздохнула, – Возвращайтесь к занятиям. Поговорим об этой истории позже.

Оказавшись в коридоре, я совершенно растерялась, не зная с чего начать разговор с человеком, только что признавшемся тебе в своих чувствах. Забыть об этом и заговорить, будто ничего не произошло? Или наоборот нужно сказать о

том, что испытываю я? Или же подождать пока он заговорит сам?

– Знаешь, – пока я пыталась сориентироваться, Леша взял инициативу в свои руки, – Я сменил много школ. Везде учился не больше года, поэтому мне всегда хотелось завести друзей. В шести школах в шести разных городах я не был одинок, всегда пытался с кем-то общаться, но с каждым разом становилось все тяжелее. Каждый раз, общаясь с кем-то, я начинал думать о следующем переезде, о том, что опять придется знакомиться с новыми людьми и как только вольешься в новый ритм, на горизонте вновь замаячит переезд.

– Так вот в чем твой секрет.

Тайна Одиночки перестала быть тайной.

– Это не секрет, – парень пожал плечами, – Я этого никогда не скрывал.

– Ваши переезды...это все из-за родителей?

Он коротко кивнул.

– Да, они дышат работой, и если завтра их пошлют на северный полюс, то мне придется закупаться шубами и валенками. Нет, я никого не осуждаю, но это правда, тяжело. С каждым разом становилось все тяжелее отвыкать от предыдущих знакомств. Похоже, что я и правда по жизни просто Одиночка.

– Теперь нет, – я улыбнулась, – Я же с тобой. Ты никогда не хотел попросить родителей остановиться? Тебе не хотелось настоящего Дома?

– Дом там, где моя семья. Я не имею права никого осуждать.

– И когда новый переезд?

Я должна быть готова к расставанию.

– Не знаю, – Одиночка пожал плечами, – Может через месяц, а может, повезет и я смогу закончить именно эту школу.

– Знаешь, – во рту пересохло, – я хотела сказать...

Прямо перед нашим носом резко открылась дверь и из кабинета почти что выпрыгнула наша учительница по истории. И ее совершенно не интересовало, по какой причине мы прогуливаем урок.

– Живо в класс! Вишневская, день выборов не дает тебе права прогуливать вместе с... – глаза учителя округлились, явно не ожидая увидеть меня в компании Одиночки, – Дорошенко?

– Я почти что ее пресс-секретарь, – Леша сказал это без тени улыбки, потащив меня за собой в класс.

Сразу после окончания урока мою скромную персону освободили от оставшихся занятий для репетиции президентской речи. Для честности были освобождены вообще все кандидаты. Нам выделили место в спортзале, в то время как сам спорт зал украшался к вечеринке старшеклассниками. И здесь, в укромном уголке, мы должны были сочинить и прорепетировать то, что каждый будет говорить в случае победы. Так сказать, напутственная речь, доказывающая всей школе, что был сделан правильный выбор.

Меня же вся эта игра в демократию волновала сейчас в самую последнюю очередь. Ни один из родителей со мной так и не связался. Хотя нет, от отца пришло странной смс “Буду в четыре”. Как будто на дальнейшие словосочетания у него денег не хватило. И если я правильно поняла, то меня вызволят из плена этих стен в четыре часа. И, надеюсь, передо мной прояснится вся эта странная ситуация.

Состояние мамы меня волновало даже сильнее, чем непонятные личности, дежурящие возле школы. Но после еще нескольких неудачных попыток дозвониться ее телефон отключился. Наверное, разрядился – успокаивала я себя. Приходилось надеяться лишь на то, что если случилось бы что-то серьезное, то персонал больницы связались бы со мной или с отцом. А иначе, зачем Одиночка заполнял кучу бумаг для госпитализации?

Леша. Пора бы уже прекратить называть его Одиночкой, теперь, когда мне известна его история. Это единственный человек, в ком я не вижу изменений ни в той, ни в этой жизни. И в обеих реальностях в его компании я чувствую себя немного увереннее. Хоть наши отношения сложно охарактеризовать каким-то одним словом. Мы дружим? Нет, еще день назад он не переносил меня на дух. Мы враги? Уж точно нет. Мы пара? Хотелось бы верить, что когда-нибудь это будет правдой. Я его поцеловала, он сделал это странное признание “в никуда”. Итак, я провела с человеком весь день и всю ночь (как бы пошло это не звучало, но это была правда),

доверила именно ему свой маленький секрет, но, тем не менее, не имею ни малейшего понятия кто мы друг другу.

– Антонова! У тебя руки из задницы что ли растут?! – и сразу же за этим возгласом последовали громкие хлопки.

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, я сразу же увидела плотное тело Лизы, повиснувшее на веревке, которая еще секунду назад держала огромную арку из шаров. Внизу, в компании завалившейся стремянки, схватившись за голову, Ленок, которая сейчас была просто в бешенстве.

– Господи! Антонова! Три часа подготовок! И все насмарку из-за твоей необъятной задницы, которая даже на стремянке не помещается! – Ленка села на пол, такой поворот событий явно не вписывался в ее понятие идеального мероприятия.

– А я... Не виновата... – Лиза все еще висела на канате, и от таких усилий говорить становилось все тяжелее, – Скажи... спасибо... химичке!

“Сейчас она рухнет” – пронеслось в голове, и я рванулась к стремянке. Остальные лишь противненько хихикали и снимали все происходящее на телефоны, чтобы потом выложить в очередную социальную сеть и собрать “лайков” побольше. А то, что упав с трехметровой высоты, можно сломать ногу, руку или даже шею, никого не волновало. Кое-как я, наконец, установила стремянку прямо под ноги бывшей лучшей подруги

– Лиз, аккуратней спускайся, пожалуйста! А вы! – с самым

своим яростным видом я развернулась к зевакам, – Лучше бы помогли! Устроили тут... детский сад!

– Знаешь, мы не просили в помощники эту каракатицу, – фыркнул один из парней старшеклассников, по-моему, его звали Антон, – Зачем в наказание отправлять всех, типа, к нам в помощь?

– Вот-вот! – Ленка достала пакет с новыми шариками, – Мы эту арку с утра вязали!

– Я, пожалуй, пойду отсюда, – Лиза, наконец, спустилась, вид у нее был слегка растеряный.

– Ну уж нет! – Ленка кинула в Лизу пакетом с шариками, – Чтобы меня директриса потом заела за то, что я освобождаю от наказаний? Свалишь, когда все исправишь. У тебя есть тридцать минут, чтобы надуть сто тридцать шаров.

Ребята одобрительно загудели.

– Вы издеваетесь? – я выхватила у бывшей подруги злощастные шарики, – Зачем вы вообще отправили Лизу под потолок?

– Я не нуждаюсь ни в чьих... – Елизавета попыталась отстранить меня, но не тут-то было.

– Новую арку будем делать все вместе, – я старалась произнести это тоном, не терпящим возражений.

– Вишневская, хорош фигней страдать, – Сережа, увешанный плакатами, был совершенно не в восторге от моего предложения, – Иди речь читай свою.

– Вот именно! С какой стати мы будем эту фигню де-

лать вместе? – Лена сосредоточила злобный взгляд на мне, – Вишневская, ты пока еще не президент...

– А ты тем более, – я хмыкнула.

– Хорош–шо, – Лена поджала губы, – Давайте проголосуем. Кто за то, чтобы помочь косорукой?

– Спешу напомнить, – я обвела всех строгим взглядом, – Что если эта арка лопнет посреди вечера, то кого обвинят, если все это недоразумение свалится ей на голову?

– Фиг с тобой, – высоченный парень из параллельного класса поднял пакет с шарами, – Раньше начнем, раньше закончим. Лично я не собираюсь провести в этом тухляке честно заработанные часы прогулов.

– Кому вообще все это надо, – забубнил рыжий товарищ этого баскетболиста, понуро забравшись на стремянку.

Я тоже решила остаться помочь тем более, что “вдохновения” учить чертову речь у меня не было абсолютно. Очень хотелось послать все к чертовой бабушке и скорее распрощаться с этим местом. Но нет, на пути к цели было, как всегда, куча препятствий

Я просто перетерплю. Все рано или поздно заканчивается, и плохое, и, к сожалению, хорошее. Надо просто ждать. Тем более, что ожидать на этот раз мне не придется в компании самой себя.

И все же, если я стану президентом, нужно будет что–то сказать. Может, спасибо? Или, как в фильмах нужно будет распинаться о справедливости и долге. Хотя, судя по бредо-

ности моей “программы”, мне следует прямо на торжестве объявить еще одно глупое голосование за отмену школьной формы. Кажется, так бы поступила настоящая Ева.

– Кому и что ты пытаешься доказать? – от неожиданности вопроса шарик, который я пыталась надуть, с протяжным звуком вырвался из моих рук.

Лиза, стоящая передо мной, сурово свела брови на переносице, а ее поджатые губы и без слов говорили, что она совершенно не довольна происходящим.

– Никому и ничего я не собираюсь доказывать, – я потянулась за новым шаром, – Я высокомерная и лживая, ты сама сказала, что такие как я не меняются.

– Не меняются, – Лиза кивнула, – Ты просто затеяла какую-то дурацкую игру...

– Ничего я не затеяла, – мне совершенно не хотелось с ней ругаться, да и вообще больно было смотреть на самого близкого когда-то человека, – Считай, что все это – временное помутнение рассудка.

– Думаешь, таким поведением ты заработаешь дополнительные голоса?

– Да плевать я хотела на эти чертовы выборы, – в который раз из меня вырвались эти постоянно вертящиеся на языке слова, – Все это – игра, не больше. У меня мама сейчас в роддоме в тяжелом состоянии, отцу, как всегда, на все наплевать кроме его денег и репутации. Да и меня чуть не прибили из-за этой самой отцовской репутации. Вот это жизненно

и это важно. А все происходящее здесь, – я обвела спортзал рукой, – фальш и декорации “взрослой” жизни.

Я замолчала. И зачем мой язык выдал все мои переживания? По старой памяти для старой подруги?

– Странно, – голос Лизы был немного удивлен и совсем немного потеплел, или, может, мне показалось?

– Что?

– То, что это все приключилось именно с тобой. Но еще более странно, что ты это сейчас обсуждаешь со мной. С “мисс Пигги Пиг”, с “мечтой диетолога”, со “свинаркой”...

– Хватит! – это было... мерзко, мерзко и противно осознавать собственную черствость и гнусность, – Я не... Я не знаю, что сказать. Просто... извини.

Лиза застыла, и, немного подумав, кивнула.

– Извинения приняты.

Я не поняла такого ответа.

– И что будет дальше?

– Как всегда, ты будешь не замечать меня, я постараюсь убедить себя, что произошедшее – лишь плод моего воображения, – Лиза как ни в чем не бывало пожала плечами, – Обычное дело. Так о чем ты собираешься нам сказать в своей президентской речи?

Голос девушки звучал вполне миролюбиво, и она намеренно резко сменила тему. Если бы я была не Евой Вишневской, то решила бы даже, что Лиза пытается меня отвлечь от тяжелых мыслей. Это было в духе той Лизы, которую я

помнила.

– Зачем мне сочинять глупую речь, если я не собираюсь быть президентом? – я улыбнулась, – Лучше вязать шарики и попытаться стать человеком в глазах остальных, а не высокомерной выскочкой.

Бывшая подруга смотрела на меня прищурено, как будто пыталась проникнуть мне в голову и разгадать мою загадку.

– Бредятина какая–то. Люди просто так не меняются. Когда пришло озарение? Случайно не после удара головой об пол?

– Просто однажды утром, слава Богу, пришлось проснуться другим человеком.

Лиза округлила глаза.

– Только не говори мне, что ты еще и в Бога веришь.

– А что в этом такого?

– Только не ты...

После всего происходящего я и правда начинала верить в какие–то высшие силы, на которые обычный среднестатистический человек повлиять не может.

– Человеческие решения – не последняя инстанция, вот то, во что я верю.

– Кажется, я тоже начинаю в это верить...

Глава 12

– Когда у тебя день рождения?

Я подпрыгнула не столько от неожиданности вопроса, сколько от неожиданности появления Одиночки прямо перед моими глазами стоило мне только выбраться из спортзала. Сумка рухнула на пол с глухим звуком, и все содержимое из карманов разлетелось в стороны. В том числе и телефон.

– Что, прости?

– Число и месяц рождения назови, пожалуйста, – Леша говорил серьезно, будто сейчас это имело крайне важное значение.

– Восемнадцатое апреля, это сейчас так важно?

– Овен... Странно... – парень пожевал губу, что-то обдумывая, – Астрология говорит, что ты вступила в море спокойствия и умиротворения. Бредовая наука.

Леша попытался улыбнуться.

– Я больше не буду сбегать, – я собрала рассыпавшиеся тетради и закинула сумку на плечо. Ясное дело, Бредни про астрологию должны были меня отвлечь от реальных проблем.

– Успокоила, – Леша усмехнулся.

– Этот день когда-нибудь закончится? – я прикрыла веки и сделала глубокий вдох. Мысли путались, в ушах звенело...

– Закончится, – Одиночка положил руку мне на плечо и

вытащил из моих пальцев телефон, – Осталось всего одиннадцать часов и твое желание сбудется. Идем. Тебе нужно умыться. И не спорь.

Я и не спорила. Просто по привычке, выработанной за утро, схватилась за руку Одиночки, и поплелась за ним, провожаемая многозначительными взглядами. Смотрели с удивлением, шоком, с любопытством, а некоторые даже с жалостью. Но подойти никто не решался. Похоже, что репутация Евы Вишневской сыграла сегодня мне на руку. Потому что сейчас совершенно не хотелось никакого общения, тем более сочувственно–удивленного.

За путь до туалета равный двум коридорам и одному лестничному пролету я не проронила ни слова, но Леша и не настаивал на диалоге. Он просто говорил, говорил и говорил... А на меня вообще вдруг навалилось какое–то странное ощущение спокойствия. Мой уставший после бессонной ночи мозг отказывался обрабатывать все эти нахлынувшие терабайты информации. Будто это все происходило не со мной, я была лишь спокойным наблюдателем.

Зеркало в дамской комнате отразило если не сестру графа Дракулы, то уж точно его дальнюю родственницу.

Красные глаза почти светились на фоне почти белой кожи, а волосы срочно нуждались в расческе. И в кого я превратилась всего за сутки из первой школьной красавицы? В лицо без определенного места жительства. Причем не только внешне, так как вопрос о том, где провести следующую ночь

оставался открытым. Хотя это был далеко не самый важный вопрос.

Если бы был переключатель... И опять это дурацкое словосочетание! Но, если бы мне сейчас предложили переключить канал на жизнь Евы Серовой, я бы не согласилась. И даже несмотря на то, что здесь все отношения Евы Вишневской с людьми были построены на лжи, зависти и лицемерии, а я сама в глазах людей казалась душой набитой. У Евы Вишневской по определению не могло быть стоящих друзей, настоящего серьезного молодого человека и спокойствия в семье, да и вообще спокойствием тут и не пахло, взять хотя бы последние пару дней.

Что происходит здесь и сейчас? От матери нет никаких вестей, отец под следствием и еще имеется одно неудавшееся покушение на мою свободу. НО! В этой реальности моей любимой маме не приходилось драить грязные полы, выискивать деньги на оплату коммунальных услуг и думать что нужнее – зимние сапоги или пальто. Здесь родители были вместе, хоть и фиктивно. Но я была уверена, что все можно изменить. Не зря же я здесь очутилась. Я не Ева Вишневская, я смогу все исправить.

– ... не в своем уме, да и вообще, будто ты не знаешь, – громкий голос Марины оповестил меня о том, что сейчас в туалете у меня появится компания, поэтому не раздумывая, я нырнула в свободную кабинку, – Об этом все уже знают. Вик, дай помаду, – шуршание, – Ага, отлично. Так вот, все

идет своим чередом.

– Это не правильно, – Вика казалась встревоженной, – Она была нашей подругой...

Ага, значит речь пойдет обо мне...

– Ты все еще так думаешь? – Марина фыркнула, – У нее мозг размером с горошину, разве ты этого не замечала? Ее поведение...недопустимо, и ей же будет хуже!

Зашумела вода.

– Но это же ты с Ромой поспорила... – Вика никак не уни-малась.

– А кто как не я подтолкнул бы этих двух тормознутых к порогу взрослой жизни?! – Марина была крайне не довольна, я бы даже сказала, в бешенстве, – Кто ж знал, что эта дура будет мстить за такую ерунду.

– Ей надо рассказать.

– Что?! Вик ты не в себе?!

– Я не хочу наблюдать сцену из “Кэрри”! Она наша подру-га, и если Рома...

– Не лезь! – Маринка шикнула, – Это их дело, не твое! Или ты хочешь общаться с дочкой уголовника? Ее папашу так точно засадят...

– Откуда тебе знать, – Вика определенно относилась ко мне лучше, чем я могла подумать, – Прекрати уже...

– Слушай, ты, по-моему, не поняла! – Маринка гаркнула, – Ее папаша вор и убийца! Он будет там, где ему и поло-жено быть! Да и вся семейка их заслуживает...

Я со всей силы ударила ногой по двери туалетной кабинки. Шпингалет отлетел со звонким “бдзынь”, а сама дверь почти вылетела с моего пути. Меня трясло от гнева.

Вика так и застыла с помадой в руках и открытым ртом. А Маринка попыталась попятиться, но не тут-то было. Мои руки, которые жаждали этого вот уже лет восемь, нашли отвратительные блондинистые волосы и вцепились в них, в то время как я с размаху зарядила лбом прямо по скуле этой красотки. Мой лоб, кстати, тоже пострадал.

– Не смей... Обсуждать... Меня... И мою семью, сволочь! – последнее слово вырвалось само собой, хоть сквернословие и не было моей отличительной чертой.

– Ви-ика! Убери эту психичку-у! – Марина пыталась вырваться из моего захвата и не собиралась вступать со мной в диалог.

– Девочки, – Вика отошла от шока, но благоразумно не приближалась, – Девочки! Хватит! Ева! Пожалуйста!

– С...а! – Марине почти удалось разжать мой кулак, – Вот тебе!!!

Колено девушки влетело мне в живот. У меня дыхание перехватило от боли.

– Сволочь ты... Колосова... Ненавижу... Тебя!

Я изо всех сил толкнула бывшую подругу к стене, и она отскочила, а ее левая рука со всего размаха сбила, висящее над раковиной, зеркало. Оно с грохотом полетело на кафель, заставив нашу троицу замереть.

Осколки разлетались по полу под аккомпанемент воплей Маринки. На ее руке появилась кровь, а в глазах заблестели слезы.

– Ты! – лицо девушки исказилось от злости и боли, – Что ты наделала?!

– Еще раз я услышу от тебя хоть букву, хоть фразу о моей семье! – я ухватилась за края пиджака Маринки и с силой толкнула девушку к стене, – Я за себя не ручаюсь! Только попробуй...

В следующую секунду дверь в туалет резко открылась, и в нашу компанию влился Одиночка.

– Что тут происхо... Черт возьми, Ева!!!

Парень кинулся ко мне видимо опасаясь, что я опять могу кинуться на Маринку.

– Ты окончательно слетела с катушек, – Колосова взяла себя в руки и вернула своему лицу снисходительно–каменное выражение лица, – Лечиться пора.

– Марин, пойдем... – Вика потянула подругу к выходу.

– Психическая! – Маринка благоразумно последовала за подругой, – Я этого просто так не оставлю! Запомни!

– Вали отсюда...! – я ринулась к двери, но Леша меня удержал за плечи.

Под возгласы “психичка” и “маньячка” девушки скрылись из моего поля зрения, а я бессильно уткнулась носом в спасительное плечо Одиночки. Парень не отпрянул, наоборот его руки начали бережно гладить мою спину.

– Зачем ты это сделала?

– Накипело. Я мечтала об этом всю школьную жизнь, – я пожалала плечами.

– А так и не скажешь...

– Это долгая история, – я вздохнула, вспомнив о той другой Еве, – Теперь ко всем моим неприятностям добавилась еще Маринка с ее мстью.

– Думаешь, Марина пошла к директору?

– Нет. Это не в ее стиле. Скорее уж будет мсть в стиле какого-нибудь фильма. Вика как раз вспоминала о “Кэрри” или это Волков что-то задумал. Ты все еще думаешь, что мне нужно остаться здесь?

– По крайней мере, Маринка не собирается тебя похищать или еще что похуже, – Одиночка оттянул меня от себя, – Не делай глупостей и все будет хорошо. Ладно?

– Ладно, – я покорно кивнула, – И что дальше?

– У нас есть час на то, чтобы привести тебя в порядок.

– Все так хреново?

Зеркало было разбито, и оценить свой облик было проблематично.

– Любой на твоём месте давно бы уже бился в истерике, – Леша потянул меня к выходу, – Так что в твоём случае ты выглядишь отлично.

– Спасибо, – я схватила парня за руку, – Я надеюсь, ты останешься в нашем городе и тебе больше не нужно будет привыкать и строить стены отчуждения. Ты отличный па-

рень. Хотелось бы...

– Знаешь, – мы шли по коридору в сторону спортзала, Но Леша будто не слышал, – Когда ты налетела на меня на уроке физкультуры твои глаза... Они изменились. Будто это была ты и не ты одновременно. Поэтому, когда я увидел тебя в своем подъезде, я не смог не подойти. А потом... Ты меня поцеловала. Зачем ты это сделала?

Внутри меня все сжалось.

– Мне хотелось... – голос захрипел, пришлось откашляться, – Мне хотелось понять тебя.

– Интересный способ... – Леша притянул меня ближе, но договорить так и не успел.

– Вишне–евская! – дверь в спортзал резко распахнулась и прямо на нас вылетела Ленка, – Где тебя носит? Репетировать кто за тебя будет?

– Репетировать?

Мне совершенно не хотелось участвовать во всем этом балагане. Черт дернул эту Ленку выскочить прямо сейчас!

– Ага! А ты чего стоишь? – девушка сурово посмотрела на Лешу, – Топ–топ ножками в зал помогать настраивать аппаратуру!

– Лен, мы сейчас... – я попыталась восстановить разговор с Одиночкой, но момент явно был упущен.

– Все нормально, – Леша кивнул и подтолкнул меня в сторону зала, – Иди.

– Осталось сорок минут, – Ленка бормотала без остано-

ки, все время пока мы шли к трибунам, – С каких пор ты общаешься с этим...как его...

– Его зовут Леша.

– Ага, – девушке не было до этого никакого дела, – С этим айтишником? А это происшествие с пончиком? Ты меня чуть не загрызла! Это что, какой–то эксперимент?

– Нет, с чего ты...

– Ладно, забыли. Мне вообще–то пофиг. Хочется свалить отсюда как можно быстрее...

– Не поверишь, думаю о том же...

– У тебя все нормально? Бледная какая–то.... – вопрос был чисто риторическим, – Ладненько. Вы стоите здесь.

Эта фраза уже была адресована не только мне. Лена указала наманикюренным пальчиком в сторону левой трибуны, около которой уже расхаживали остальные кандидаты.

– Отсюда, – тычок в сторону основного входа, – Будет валить народ, так что аккуратнее. Будет неприятно, если кому–нибудь из вас оттопчут ноги. Вы машете, улыбаетесь, да, Елевский, улыбаться. От твоего кислого выражения лица цветы завянут.

Вход и правда был украшен нежными бело–розовыми цветами. Да и вообще спортивный зал выглядел довольно нелепо. Все равно, что спортсмен, одетый в балетную пачку. В глазах рябило от обилия перетяжек с громкими лозунгами, а триколоры шаров разместили во все возможные и даже невозможные места.

– Кстати, будет работать фотограф, но это так... Ладно, я отвлеклась. После того, как все займут свои места, вы присаживаетесь на стулья, которые стоят сзади вас. Далее выходит Карина Носова и исполняет патриотичную песню. Как только песня заканчивается, вы встаете. Оттуда, – тычок пальцем в сторону пожарного выхода, – появляется директриса с белым конвертом. Вы хлопаете. Алиса, хлопаете. Это вот так, – Лена наглядно показала хлопки, – И улыбаетесь. Директриса толкает нам речь о добром вечном и справедливом. Бла–бла–бла. Вы стоите все это время. Потом, та–дам, сюрпри–из! Называется имя президента. Выбранный идет к трибуне, – тычок пальцем в деревянный помост с шарами, – Толкает свою речь, желательно без запинок, и принимает символы власти от предыдущего президента, то есть Олеси. Пока все ясно?

– Ты заколебала, – Алиса закатила глаза.

– Во–во, – Андрей фыркнул, – Мы тебе не стадо баранов.

– Да мне вообще нахрен сдалось тут сейчас с вами возиться, – Ленка взметнула своими каштановыми волосами, – Зато мне будет так весело когда ты, Елевский, не дай Бог, конечно, но если ты будешь бляеть свою речь с президентского места, запинаясь и пугаясь сафитов, знай, громче всех смеяться буду я.

– Лен, – мне надоели пререкания, хотелось покончить со всем этим как можно скорее, – Мы ценим твою работу, поэтому внимательно все дослушаем, да, ребят?

Ответом мне было гробовое молчание.

– Ваш настрой мне нравится, – Ленка хмыкнула, – Ладненько–шоколадненько. После всех этих церемоний, новоиспечённый президент объявляет о начале школьного бала. Объявлять в свободной форме, но соблюдая рамки приличия. На все веселье нам дается два часа. Ну и наконец, в заключение вечера президент вместе со всеми поет школьный гимн. И да, его слова лучше иметь перед глазами. Особенно тугоухим, – девушка зыркнула на Алису, – Я советую воспользоваться помощью друга и петь в микрофон в компании. Тебе, Елевский, я советую набросать план на бумажечку, так, на всякий случай.

– Слушай... – парень рванул в сторону Ленки, но остальные его удержали.

– Сиди и не урчи, – Лена круто развернулась на каблуках и потопала в сторону компьютерной будки.

– Сейчас будем проверять звук...

После этой фразы мне пришло понимание того, что просто так мне отсюда не свинтить. До начала торжества уж точно, тем более что Леша как раз маячил за монитором, помогая налаживать все необходимые системы. А это значит, что ходить мне и дальше по спортзалу с умным видом, делая вид, что мне до всего этого есть хоть какое–то дело. Хоть и волновало меня сейчас только то, что мой телефон теперь больше напоминал кирпич, чем средство связи. А вестей от родителей по–прежнему не было.

После проверки звука была проверка света. Каждого кан-

дидата выгнали на помост, ослепили софитами и заставляли не морщиться, что было крайне проблематично. Можно было даже речь прорепетировать, но желающих раскрыть свои карты не было. Моя речь так вообще была абсолютно не готова.

В какой-то момент, когда я в очередной раз топталась на месте возле президентского помоста, мои глаза зацепились за ту самую злосчастную арку, из-за которой Лиза, чуть было, не сломала шею. Парни из Волкововской компашки все еще работали над количеством шаров, цветов и устойчивостью всего сооружения. Эта композиция, по-моему, должна стать просто бомбой сегодняшнего вечера, раз отняла столько сил нервов и времени. Хотя о красоте сего сооружения можно было поспорить. Вот кто придумал водружать кашпо с искусственными цветами прямо между шарами и флажками? Эти цветы вообще выглядят странно...

Мысль, ворвавшаяся в мою очумелую голову, чуть было не заставила меня подпрыгнуть. Так вот по какой причине Колосова вспоминала “Кэрри” Стивена Кинга. И вот почему аркой занимаются друзья Волкова. Все сходится. Меня собираются унижить перед всей школой. Ха.

Только вот существуют много если. Если я буду стоять не в нужном месте. Если горшок полетит не туда. Если я откажусь от поста. И главное. Если не я стану президентом, а механизм уже запущен.

Слишком много событий, слишком много информации,

голова отказывалась стыковать факты и выводить пути решения проблем. Да что уж тут говорить, что я даже моргать забывала, о чем мне успела напомнить Ленка аж три раза. Нужно взять себя в руки. Проблемы буду решать по мере их поступления. Пока все спокойно. Или это видимость спокойствия?

– Вишневская, блин! – судя по тону Лена стояла у меня перед глазами уже довольно долго.

– А?

– Слушай, у всех бывают проблемы, но давай отложим схождение с ума на потом, – девушка сурово свела брови на переносице, – Я сказала, по местам!

Шоу начинается. Леди и джентльмены, пора занимать места согласно купленным билетам. Откуда у меня в голове все эти мысли?

Я покорно потопала в сторону двери и застыла, пытаюсь изобразить улыбку на лице. Выходило скверно, если судить по лицам остальных претендентов на пост президента, отводившим от меня взгляды. Ну и черт с ними. Главное продержаться совсем немного.

Глава 13

Школьники заполняли зал, напоминая пчел, возвращающихся в свой улей. Гул голосов оглушал, отчего мысли в голове путались и запинались. Пару раз мне кто-то кричал что-то ободряющее, некоторые проходили мимо с важным видом и кивали, не менее важно. Девчушки из младших классов радостно фотографировали все подряд. В общем, жизнь бурлила и кипела.

Что там дальше шло по плану? Видимо, записывать нужно было не только Елевскому. Я нашла глазами Ленку, отчаянно махавшую мне руками. Краем глаза удалось заметить, как остальные кандидаты чинно расселись по своим стульчикам, как будто в детском саду на утреннике, и я поспешила последовать их примеру, чтобы не тормозить предстоящее представление.

– Дорогие друзья! – Ленка в белом струящемся платье с юбкой в пол выплыла на организованный помост, будто древнегреческая богиня поднялась на гору Олимп, – Рада всех вас приветствовать на торжестве, посвящённом шестым школьным выборам. Уже целых шесть лет в нашем маленьком государстве существует самая настоящая демократия, благодаря которой мы, граждане, имеем право выбирать, кто и почему будет лицом и голосом нашей школы. Именно мы с вами выбираем человека, который лучше всех сумеет отсто-

ять наши интересы на общегородских собраниях, и именно этот человек должен быть для всех образцом честности, порядочности и справедливости.

От пылких слов ораторши по телу пробежала дрожь.

– ... И помните, все в наших руках! – Елена победно вскинула сжатые кулаки над головой, зал мгновенно ответил аплодисментами, – Пришло время узнать имя нового президента нашей школы!

Имя президента меня мало волновало, мысли были заняты Стивеном Кингом и его “Кэрри”. Трибуна на помосте пустовала, ожидая своего часа и своего президента. Что произойдет, когда кто-то встанет под аркой? Опрокинется горшок с цветами? Ото всюду польется вода или еще какая-то жижа? Как работает этот злосчастный механизм? А если на трибуну взойду не я? А может, и нет никакого механизма? Может, мое больное воображение играет со мной злую шутку?

Помост заняла директриса, сменившая деловой костюм на не менее деловое платье. Женщина улыбалась, но улыбкой аллигатора, собравшегося проглотить маленького кролика.

– В этом конверте, – директриса подняла белый квадратик над головой, – Не просто имя школьника, победившего в очередной гонке. Нет. В этом конверте имя достойнейшего ученика, заслужившего доверие и уважение своих сверстников. Это имя на протяжении двух лет будет сопровождать на-

звание нашей гимназии на всех форумах и совещаниях. Победить сейчас это не просто выиграть красивое звание президента. Это в первую очередь большая ответственность. Ответственность за тех, кто выбрал тебя. Главная задача этого человека, – женщина вскинула конверт еще выше, – оправдать доверие и быть достойным голосом нашей молодежи. Итак...

Паузу заполнило шуршание рвущейся бумаги, усиленное микрофоном. Сейчас наступит финал этой нелепой игры и все эти громкие слова о доверии, уважении и справедливости так и останутся словами. По-другому и быть не может. Или...

– С перевесом всего в один голос, – брови директрисы дернулись вверх, – в шестых школьных выборах победу одерживает Чибисова Алиса.

Зал взорвался аплодисментами, а сама Алиса подпрыгнула со стула и побежала к помосту, смешно размахивая руками.

Один голос. А может, это все не игра? Может мое отношение ко всему происходящему основано лишь на нескольких неудачных примерах? И Стивена Кинга придумало мое больное воображение. Все почти закончилось. Скоро я буду дома, пусть даже и не совсем уверена в его местонахождении. Ведь дом там, где родные и близкие, так?

– Алиса, прошу, – директриса с неизменной улыбкой жестом пригласила светящуюся от счастья победительницу

подняться на трибуну.

И...ничего не случилось. Я облегченно выдохнула и все же расслабилась. Сейчас, когда все внимание, наконец, было приковано не к моей персоне, мне стало спокойнее. Появилась маленькая надежда на то, что сегодняшней день станет переломной точкой и все, к счастью, войдет в привычное русло.

– Спасибо, – голос Алисы, разившийся по залу, немного дрожал, – Это было неожиданно, правда. Я даже речь не написала.

Зал заплодировал в поддержку.

– Шутка, – девушка заговорила увереннее и улыбнулась еще шире, – Моя сегодняшняя победа доказала, что даже один голос решает многое. Очень хочется верить и в то, что я, как президент, смогу добиться доверия и тех, кто был со мною не согласен, – девушка прочистила горло и, шагнув ближе к микрофону, продолжила, – Моя программа называется “Все, для счастливого будущего” и, наверное, не каждому понятен истинный смысл этих слов. Давайте подумаем вместе, на что каждый готов пойти, чтобы завтра было светлым? Готовы ли мы к дополнительным занятиям? К факультативам? К учебе по субботам? К контрольным и экзаменам? – откуда-то послышался свист, но Алиса стойко продолжила, – Да, мы готовы! Ведь именно эти тяжелые для нас, школьников вещи помогут нам в будущем, закаляют наш мозг и делают процесс обучения эффективным.

Несогласных с такими доводами было предостаточно. Я краем глаза замечала скривившиеся лица и недовольные смешки. Алиса же вошла в свою роль и заговорила более уверенно, отложив увесистую папку со своими заметками на трибуну. Мой взгляд зацепился за какое-то движение.

– Мы все, – девушка обвела рукой зал, – пришли сюда получать знания, учиться чему-то новому, я думаю, все со мной в этом согласятся. Тем же, у кого в голове нет этого понимания, могу сказать только одно – эра прогульщиков и разгильдяев подошла к концу.

Под властью эмоций наш новый президент двумя кулаками стукнула по трибуне, видимо привлекая внимание тех самых разгильдяев, но привлекла лишь меня. Потому что арка начала рушиться.

Первыми полетели вниз шары, закрепленные на макушке и, примерно представляя, что сейчас должно произойти, я, что есть сил, рванула к трибуне. О чем я думала? Не знаю. Просто не хотелось, чтобы из-за меня пострадал кто-то другой.

Возле Алисы я оказалась за секунду и сдернула ее, ошалевшую от такой наглости, с помоста в самый подходящий момент, в момент, когда злосчастный горшок все же опрокинулся, и из него полетело серое нечто. Видимо вода не подошла для акта мести, а бычьей кровью, как в оригинале книги, найти оказалось проблематичней чем можно было подумать. Именно по этой причине мы сейчас рухнули всего лишь на

грязный пол, а не вымокли в отвратительной жиже.

Я приподнялась и потянула за собой онемевшую Алису, что было крайне проблематично, так как она, по-моему, вообще не поняла, что произошло.

– Ты как? – мой осипший голос по какой-то неведомой причине разнесся по всему залу.

Рука Алисы, все еще сжимавшей микрофон, разжалась, и устройство покатилося по полу, оглушая всех вокруг. Мгновение – и микрофон в моих руках.

– Н-нормально, – девушка, наконец, приняла вертикальное положение, и принялась ошарашенно разглядывать злощастную трибуну.

Мой же взгляд метнулся на всех тех, кто наблюдал за “представлением”. Малышня в испуге подскочила со своих мест, одноклассники шушукались и направляли на нас камеры телефонов, одним выпускникам не было никакого дела до происходящего вокруг. Учителя поспешно усаживали детей на места, кто-то кричал, чтобы вызвали уборщицу. В общей суматохе я не сразу нашла Маринку, и она улыбалась. Самодовольно, надменно и конечно же шушукалась с забитой Викторией, лицо которой выражало испуг. Наши глаза встретились и это развеселило девушку еще больше.

– Доброго всем дня! – порываясь внезапно порыву и все еще сверля взглядом Колосову, я поднесла микрофон к губам, и мой голос разнесся по спортивному залу, заставляя всех замолчать, – Человек, задумавший эту злую шутку сей-

час находится в этом зале, поэтому позвольте мне высказаться, ведь эта тонна грязи должна была обрушиться именно на мою голову. Но был один голос, изменивший ход этой истории. Место президента заняла Алиса, а значит, акт мести должен был несправедливо обрушиться на нее только потому, что она оказалась не в том месте и не в то время. И все это смеха ради. Очень хочется верить, что смешно было только организаторам этого безобразия. Называть имена сейчас я не стану, достаточно было разоблачений. Скажу одно, я за честность справедливость и не могу допустить безнаказанности, поэтому это все просто так не закончится. Я все сказала, спасибо.

Дрожь в руке никак не хотела униматься, поэтому микрофон ошалевшей Алисе я передала без лишней грации. В этот момент в зале раздались одинокие хлопки, которые через секунду подхватили еще несколько человек, а в момент, когда я подняла глаза на зал, аплодировали почти все. Кажется, в этой реальности не все так плохо. Видимо нужно было просто видеть дальше круга общения Евы Вишневской.

– Тихо, – голос директрисы разнесся по залу, но аплодисменты не стихали, – Прошу тишины! Это происшествие, безусловно, не останется безнаказанным! Я лично беру на контроль вопрос об исключении учеников, устроивших это безобразие. А сегодняшний вечер прошу считать оконченным...

По залу пролетела волна возмущения.

– Ксения Сергеевна, – голос Алисы был полон решительности, – Очень прошу вас не останавливать торжество по случаю выборов. Это же традиция...

– Нет, – ответ директрисы был однозначным.

– Но мы все совершенно не виноваты в произошедшем, – девушка не собиралась отступать, – Виновного мы обязательно найдем и накажем, даю вам честное слово. Тем более, что песок уже убран... Традиция школьного бала поддерживалась уже пять лет, неужели какой-то шутник может вот так взять и оборвать такое важное мероприятие?

Зал одобрительно загудел. Отовсюду летело “пожалуйста” и “очень просим”. Неужели всем так важно остаться в школе еще на пару часов, пусть и дрыгаясь под современную попсу?

– Только из уважения к традициям... – директриса явно не одобряла такого решения, – Но виновный будет наказан со всей строгостью!

За считанные секунды все пришло в движение. Будто и не было этой неприятной сцены с песком несколько минут назад. Свет погасили, оставив лишь мерцающие огоньки и пару ярких прожекторов, освещающих пустующую сцену. Заиграла смутно знакомая мелодия и в центр зала со всех сторон посыпались старшеклассники.

– Ева! – Леша появился за спиной и обхватил меня за плечи, – Ты в порядке?

– Да, – я развернулась и уткнулась лбом в свитер Одиноч-

ки, – Этот день бесконечный. Будто в сутках сегодня сорок восемь часов!

– Ты просто не спала ночью. Ева... Ева, можно пригласить тебя на танец? – Леша тихо зашептал прямо над моим ухом.

Внутри все сжалось, а спустя мгновение взорвалось на тысячу маленьких частиц. Сердце пустилось в пляс. Дыхание перехватило.

– Меня никогда... – я замолчала и просто кивнула в знак согласия.

Меня, Еву Серову, никогда не приглашали на танец. Даже в шутку, даже девчонки, даже в летнем лагере. Сейчас же, при нынешних обстоятельствах, это казалось чем-то нереальным. Чем-то подозрительно хорошим чтобы быть правдой. Как пир во время чумы. Конечно, не так глобально, но...

Его руки плавно легли на мою талию, притягивая меня к себе. Мои ладони нерешительно взметнулись ему на лечи. Это просто танец, Ева.

Или... не просто танец? Огоньки перед глазами расплывались, а сердце бешено колотило об ребра. Музыка сейчас она звучала только для нас. Леша смотрел в мои глаза с нежностью, с теплотой. По его лицу блуждала теплая улыбка, а в глазах плескалось что-то такое знакомое, такое родное, будто я знаю этого человека тысячу лет.

– Я хочу, чтоб ты знал... – я запнулась, голос предательски дрогнул, – Ты...

В этот момент Леша, не позволяя отстраниться, накрыл своими губами мои пересохшие губы. Первое мгновение – самое страшное. Меня впервые целовал парень, сам, по доброй воле. Парень, который за ничтожно малый срок успел прочно поселиться в моих мыслях. Именно сейчас мне хотелось остановить время, дать мгновению длиться бесконечно долго, ведь это и была та самая капля сладкого меда в бочке чернящего дегтя под названием “моя жизнь”.

Что будет дальше никому не известно. Возможно, нам никогда не суждено быть вместе. Он вскоре уедет, а может и мне придется покинуть этот город. Но это было так далеко и так неизвестно, а “здесь и сейчас” заставляло мое сердце биться чаще, “здесь и сейчас” заставляло верить, что счастье где-то рядом.

– Тебе холодно? – шепот Леша вернул меня в реальность.

Я действительно дрожала всем телом.

– Что? Нет... – я довольно резко отстранилась, смутившись, – Все... все хорошо.

– Вишневская! – голос директрисы прозвучал совсем рядом, обрушившись на меня как гром среди ясного неба, – Жду тебя в своем кабинете с объяснениями, немедленно!

Ксения Сергеевна пронеслась мимо и скрылась так же молниеносно, как и появилась, не оставляя мне ни единого шанса возразить.

– Вот черт... – я закусила губу, – Она, наверное, в ярости... Я побегу?

– Я провожу!

– Нет! Лучше я одна!

На ватных ногах я бросилась в сторону выхода, но волновал меня сейчас совсем не предстоящий разговор. Этот поцелуй был сродни пиру во время чумы, может, конечно, не так глобально, но все же.

Глава 14

Пустые коридоры отзывались моим шагам гулким пугающим эхо, наводя на мысли о фильмах ужаса. В этих самых фильмах за каждым поворотом героя обычно поджидает либо нежить, либо инопланетянин, ну или маньяк с бензопилой. В моем случае мой воспаленный мозг рисовал картинку побега по школьным коридорам от того самого маньяка в сером, и лишь усилием воли я заставляла себя идти дальше. В действительности, неужели со мной могло бы произойти что-то, что могло выбить меня из колеи еще сильнее? Все самое худшее со мной уже произошло, теперь надо думать, как выбираться из всего этого.

У кабинета директрисы я оказалась не одна. Чья-то очень знакомая тень маячила прямо перед дверью заветного кабинета.

– Наконец-то, – Рома развернулся, видимо услышав мои шаги. Его лицо не предвещало для меня ничего хорошего.

– Не подходи, – я вскинула руки, – Я закричу.

– Кричи, – Волков противно заржал, – Ты больше не в фаворитах.

– Чего? Что за бред? Ты пьян?

– А что, нельзя выпить за нового президента этой шаражки? – опять этот противный смех, – Ты выбыла из игры.

Тон парня стал серьезен как никогда.

– Что?

– Ты – никто. Ничтожество. Один звонок, – Рома достал телефон, – И твоего отца закроют. А ты останешься на улице со своей беременной мамашей. И все твои понты пропадут вместе с денежками твоего папаши. Ты думала со мной поиграть? Ну что, сучка, я в игре.

Рома сверкнул глазами, а я сама не заметила, как наткнулась спиной на ледяную стену, а это значило, что бежать мне было совсем некуда.

– Каждый поступок влечет за собой последствия, – я тихо и уверенно заговорила, – Это как бумеранг, только хуже. Ты предал – предали тебя, но в десятикратном размере. Ты украл – украли у тебя... Это жизнь, Рома. Это не игра. А жизнь требует справедливости.

– Что? – Волков поморщился, – Ты мне это говоришь? Я сама справедливость. Мой отец вершит справедливость. А ты лишь мерзкая сучка...

– Я не собираюсь здесь и сейчас с тобой разговаривать, – я намеренно заговорила громче, в надежде, что директриса или секретарь смогут услышать нашу перепалку, а затем, стараясь сохранять спокойствие, шагнула вперед, – Мне туда.

Вплотную приблизившись к Роме, мой нос мгновенно ощутил приторный запах алкоголя и резких духов. Как он вообще в пьяном состоянии попал в учебное заведение? Неужели папаша с деньгами это и есть пропуск в мир беззакония и безнаказанности?!

– Сдашь меня, – парень наклонился к моему уху, – И из школы попадешь прямиком на Турецкие улочки, где будешь торговать своим смазливеньким личиком, а твой папаша остаток жизни проведет на нарах.

Блеф.

– Если и проведет, – я фыркнула, – То уж точно не потому, что ты этого хочешь. А за меня можешь не волноваться! Уйди!

После того, как я распахнула дверь, в мое плечо последовал удар, втолкнувший меня в помещение. Я не прочесала носом ковер благодаря лишь чистой случайности. Как и следовало ожидать, дальше за мной Рома не последовал, и, так как место секретарши сейчас пустовало, я дернула дверь в кабинет директрисы и зашла, не спрашивая разрешения.

Ксения Сергеевна стояла возле вазона с геранью с миниатюрной лейкой, и мой приход будто бы застал ее врасплох.

– Вишневская, – директриса вздохнула, – За последние два дня ты была главным фигурантом всех странных происшествий и неприятностей. Это настораживает. Спешу напомнить тебе, что отрицательная репутация...

– Ксения Сергеевна, – я имела неосторожность прервать директрису, – Не так давно я выложила одно видео с Романом Волковым в сеть. А сегодняшнее происшествие – акт его мести. Все просто.

– Хорошо, – женщина положила передо мной листок бумаги и ручку, – Записывай все доказательства вины Волко-

ва в инциденте с мусорной корзиной. Пиши в подробностях. Мне важна каждая деталь. Чем больше информации, тем выше вероятность того, что появится возможность отстранить его от занятий.

– Вы это сейчас серьезно?

– Абсолютно. В моих интересах, чтобы этот парень покинул стены моей школы как можно раньше. Желательно, до того, как начнутся экзамены. Очень не хочется портить школьную репутацию.

– Вы хотите сказать, что планируете исключить сына Аркадия Волкова из школы? – я немного растерялась.

– Не исключить, – женщина вздохнула, – А перевести его в любую другую школу. Это учебное заведение – старейшее в нашем городе. Из него выпускались такие значимые люди как... Впрочем не важно. Важно то, что репутация самого честного учебного заведения сейчас стоит под вопросом. И ты должна мне помочь исправить наше положение.

– Неужели сейчас это имеет какое-то значение?

– Конечно. Записывай.

Ксения Сергеевна придвинула листок бумаги ближе. Я уселась за стол и приступила к описанию всего того, что произошло по вине Романа Волкова. Можно ли было это расценивать как предательство? Да, конечно. Но меня этот факт вполне устраивал.

– Я от тебя такого не ожидала, – директриса приняла от меня исписанный листок, – И давно ты перестала быть ча-

стью мира, где все покупается и продается?

– Как только я перестала быть частью этого мира, на меня посыпалось... все, что посыпалось.

Ксения Сергеевна улыбалась.

– Это хороший знак. Дальше будет только лучше. По поводу Волкова... Пока здесь я решаю вопросы, так что можешь не волноваться за свою безопасность.

– А что со мной еще может произойти, – я пожалала плечами, – Меня ничем не удивить, но вот моя мама... Она сегодня ночью попала в больницу, я не знаю, как она, все ли в порядке там... – я решила признаться, – Когда я утром замыслила побег из школы, мне крайне необходимо было сообщить ей об осторожности...

Директриса меня прервала.

– А камеры наружного наблюдения засняли субъекта, который помешал этому побегу. После странного исчезновения твоего отца это нападение ясно подтверждает, что все произошло не просто так. В полицию я сообщила о данном инциденте. Думаю, сейчас, правда, нет повода для беспокойства. Тебе есть куда отправиться после окончания занятий?

– Мне очень нужно попасть в роддом, – в горле внезапно запершило, а в глазах заплясали разноцветные искры. Я потеряла равновесие.

– Тебе нехорошо? – женщина встревожилась, – Может воды?

– Нет... – кашель накрыл меня, и говорить стало почти

невозможно, – Мне нужно... мне нужно... вызвать такси.

– Такси? – брови директрисы подскочили вверх, – Хорошо. Вот телефон.

Женщина указала на аппарат на своем рабочем столе. Все еще справляясь с приступами кашля, я добралась до трубки, сообщила оператору данные и получила сообщение о том, что через несколько минут подъедет машина.

– Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Пойдем. Или ты думаешь, я отпущу тебя одну после всего произошедшего?

Мне незачем было сопротивляться. Тем более, что разговаривать сейчас было крайне проблематично из-за накрывшего мое горло отвратительного сухого кашля, раздражающего все внутри. Возможно, это было последствием моего утреннего побега. Но даже этот факт не омрачил мысль о скорой встрече с моей настоящей семьей.

– Наконец-то ты... ой, извините, – стоило нам покинуть кабинет, как на меня налетел Леша, явно не ожидавший такого поворота событий.

– Дорошенко? Почему ты не на празднике? – Ксения Сергеевна была искренне удивлена появлением Одиночки.

– Он со мной, – я привычно схватилась за привычно-теплую руку, – Ты же со мной?

– Я с ней, – Леша кивнул, не вникая в происходящее.

– Так даже лучше, – директриса коротко кивнула и решительно двинулась вперед, отчеканивая каблуками по полу ритм моего сердца.

Наша странная компания молча преодолела школьные коридоры, раздевалку и даже в такси мы с Лёшей садились молча. Директриса не проронила ни слова. Это, пожалуй, была самая странная ситуация из всех сегодняшних ситуаций. И лишь когда машина тронулась, Леша не выдержал:

– Это ненормально, – парень смотрел в одну точку перед собой, будто пытаюсь решить какую-то чрезвычайно сложную задачу.

– Что именно?

Для меня странным было абсолютно все.

– То, что директриса отпустила нас вот так, – Леша щелкнул пальцами.

– О, – я хмыкнула, – Она намного лучше, чем ты думаешь.

– Да, за последние сутки я понял, что люди умеют удивлять, – губы у Одиночки расплылись в улыбке, – Главное – чтобы у человека была искра добра внутри. Именно это все решает.

– А как найти эту искру? – мне стало интересно.

– Ее можно увидеть, – Леша поднес руку к моему лицу, – Вот здесь, в глазах. Если глаза у человека загораются, как гирлянда на новогодней елке, то добро в нем точно есть.

– Ты, правда, думаешь, что все дело во взгляде?

– Не думаю, а точно знаю. Тогда, на уроке физкультуры ты налетела на меня, и я долго не мог понять, что же в тебе изменилось. Сейчас я точно знаю, это была та самая искра.

– Ты поэтому меня поцеловал? – вопрос вырвался сам со-

бой, заставив меня вжаться в сидение автомобиля в ожидании ответа. Леша все еще улыбался, но медлил с ответом.

– Без этой самой искры, – Одиночка вздохнул, – Ничего бы не было. Ты бы сейчас с титулом “Президент школы” танцевала с Волковым очередной медляк, даже не задумываясь о моем существовании. Тебя бы мало волновали вопросы справедливости и честности, и, думаю, вряд ли бы тебя сильно волновало состояние твоей матери. Ты либо имеешь в себе добро, либо нет. Чего–то среднего не бывает.

– Мне надо привыкнуть... – я немного расслабилась.

– К чему?

– К тому, что ты редко отвечаешь прямо на вопросы. «Да», «нет»... Эти слова слишком скучные для тебя.

– Эти слова несут в себе слишком много потаенного смысла, – Леша пожал плечами.

– Ну да, конечно, – я усмехнулась, и новая волна жгучего кашля ворвалась в мое горло, раздирая меня изнутри.

Больно было не то что двигаться, дышать. Дышать стало невыносимо.

– Ты заболела? – в момент, когда способность соображать ко мне вернулась, Леша оказался всего в паре сантиметров и сжимал мои плечи так, что завтра, скорее всего, в местах соприкосновения его пальцев с моим телом точно проявятся синяки.

– Наверное, – голос оказался глухим и осипшим, я снова попыталась заговорить, – Наверное, прогулка в школьной

форме по морозу была не такой уж хорошей идеей.

– Ты в порядке?

– Да, – я пожала плечами, – Для полного счастья сейчас не хватает только бронхита.

– У тебя озноб? – Леша никак не хотел смириться с тем, что я в порядке.

– Нет, я просто...волнуюсь. Мы с мамой расстались не на самой приятной ноте. Она, наверное, считает меня виновницей всего случившегося.

– Не говори ерунды. Она твоя мать. Она тебя любит.

– Если в этой вселенной вообще есть любовь... – я пробурчала это себе под нос.

– Ты не веришь в любовь? – Одиночка удивился.

– Не в моей семье. Точнее... как бы правильно выразиться, не в этой семье. Мои отец и мать явно не созданы друг для друга, хоть мне и грустно об этом говорить.

– С чего ты это взяла?

– С того, что они не счастливы вместе.

– И именно поэтому мы едем сейчас к твоей матери, ожидающей ребенка от твоего отца, – Леша нахмурился, – Что-то тут не сходится.

– Это... – я закусила губу, – Это сложно объяснить. Просто я знаю, что может быть по-другому.

Перед глазами мгновенно встала отчетливая картинка момента из прошлого, того прошлого, которое я помнила.

Мне девять лет. В тот год на весь класс дружно увлекал-

ся покемонами, и все дети с азартом собирали все, что было связано с этим мультиком: игрушки, фишки, наклейки, карточки, сумочки и, даже, одежду.

И вот, за три дня до нового года, мы вернулись из магазина, и мама принялась раскладывать покупки, а меня отправила вешать только что купленную гирлянду на елку. На самом деле гирлянда была лишь предлогом того, чтобы выпроводить меня с кухни, потому что мама собиралась прятать подарки, но я, конечно же, об этом тогда не знала.

И вот я, довольная тем, что мама доверила мне такую ответственную работу, накрутила гирлянду вокруг нашей небольшой искусственной елочки, но тут возникла проблема, которая требовала маминого вмешательства.

– Мам, а как же подключить... – я вбежала на кухню и замерла перед мамой, которая на одной ноге стояла на табуретке, пряча большущую коробку с изображениями покемонов в верхний ящик кухонного гарнитура, – ...там же розетки нет...

Мама на секунду испугано замерла на табуретке, будто я поймала ее за каким-то преступным деянием, но потом улыбаясь спрыгнула на пол.

– Ева, ты уже большая девочка, поэтому тебе уже положено знать, что Дедушка Мороз приходит только к маленьким деткам...

– Мам, – я нахмурила брови, – Мне уже девять лет. Я знаю, что никакого Деда мороза не существует.

– Не говори глупостей! – мама свободной рукой взъерошила мне волосы, – Сказка существует до тех пор, пока ты в нее веришь. Это не я сказала, это Дед Мороз просил передать. А еще вот это.

Мама протянула мне заветную коробку с Пикачу и другими героями, и моему счастью не было предела. Ведь теперь у меня, как у всех в классе, были настоящие покемоны! Можно было устраивать сражения, меняться любимцами, построить для них домики... Наверное, это были единственные игрушки, о которых я мечтала всем сердцем.

– Ма-ама! – я кинулась на шею к матери, – Спасибо-спасибо-спасибо! Я тебя очень преочень люблю! Это самый-самый лучший подарок!

– Зайчонок мой! – мама гладила мои волосы и от этого я вновь ощущала себя совсем маленькой, – С праздником тебя, солнышко мое ясное!

Конечно же, в девять лет я не задумывалась о том, что маме пришлось потратить последние деньги на подарок только лишь для того, чтобы увидеть счастье в моих глазах. Это и есть любовь. Дарить счастье вопреки всему. И в той, другой жизни искорки счастья были реальнее, чем в этой. Да я вообще сомневаюсь, что эту Еву можно было чем-то осчастливить.

– По-другому? – Леша вернул меня в реальность, – Если ты знаешь, что по-другому будет лучше, тогда почему бы тебе не попытаться это изменить?

– Для меня может и лучше... Но для других, не уверена, – я опять закашлялась.

– Наверное, тебе стоит показаться врачу, – Одиночка приоткрыл окно, впуская свежий воздух в салон, – А по поводу других... Пусть эти другие сами за себя решают, вот что я думаю.

– Ты не так понял... – я попыталась объяснить Леше мои мысли, но таксист был настроен менее прозаично, остановившись прямо напротив Роддома и запросив с нас денег за проезд.

В Роддоме кипела жизнь. Большущий холл был заполнен снующими в разные стороны людьми со счастливыми лицами. Кто-то встречал выписывавшихся молодых мам с краснощекими пищащими младенцами, кто-то передавал баулы персоналу для все тех же молодых мам. Были так же и еще пузатые женщины с паническим блеском в глазах, которым, видимо, вот-вот предстояла самая важная встреча в их жизни.

– Извините, – мы подошли к окошку информации, – Извините, пожалуйста. Нам нужна Людмила Вишневская, – я закусила губу и зачем-то добавила, – Это моя мама.

Круглолицая медсестра оторвала взгляд от монитора компьютера.

– Еще раз фамилию назовите, – женщина перевела усталый взгляд на монитор компьютера.

Я повторила мамины данные и спустя секунду медсестра

удивленно ответила:

– А ее выписали.

– То есть как, выписали?

– Так и выписали, – женщина хмуро взглянула на меня, – Ее здесь больше нет.

– Вы хотите сказать, – я ошарашено пыталась понять, как такое могло произойти, – Что она родила?

– Я сказала, что ее выписали, – медсестре было явно не до моих переживаний, – Это не означает, что ваша мама родила. Не занимайте очередь, больше я вам ничем помочь не смогу.

– Ева?! – сзади раздался такой родной и любимый голос.

Я в одно мгновение развернулась и заключила маму в объятия, не дав ей больше сказать ни слова.

– Прости, прости меня, пожалуйста! Мам, – я уткнулась носом в шею матери, – Я так перед тобой виновата... А еще, папа, он пропал, и дом наш сгорел. Потом какие-то бандиты за мной следили, а еще я разбила телефон, и ты в роддоме... Но это ерунда, правда. Мы справимся. Мы же справимся, да?

– Детка, – голос мамы дрожал, – Ты меня раздавишь.

– Ох, – я резко отпрянула, и уперлась спиной в Одиночку, который благоразумно молчал, – Извини. Мам, это Леша.

– Я вам помогу, – Леша потянулся к сумке, которую я в бреду собирала вчерашним вечером, – Если вы не против.

Мама устало кивнула моему другу и слабо улыбнулась. Мое сердце сжалось.

– Мам, как ты?

– Все хорошо. Несколько капельниц подняли меня на ноги, – мама вздохнула, – И ты ни в чем не виновата, просто твой отец не совсем тот, за кого себя выдавал. По этой причине нам придется уехать из города. Твоя тетя Лена, помнишь она приезжала к нам на новый год пару лет назад, через пару минут заберет нас к себе. И... Ты, наверное, не помнишь...но когда тебе было четыре годика мы с тобой уже были в подобной ситуации. Тогда все обошлось и теперь все обойдется.

В голосе матери уверенности не было совершенно.

– Я помню.

Тот самый день, который разделил жизнь моей семьи на до и после, я запомнила очень четко, хоть мне и было всего четыре года.

За окном лил проливной сентябрьский дождь, отчего даже в квартире ощущалась какая-то промозглость. Мама суетливо бегала по квартире, собирая мои игрушки и ругая погоду за окном, мешавшую нам выбраться из плена душной квартиры и насладиться последними относительно теплыми деньками. А я была счастлива, ведь из-за непогоды можно было целый день посвятить новой книге с цветастыми картинками, которую папа принес прошлым вечером.

Я сидела, как взрослая, за самым настоящим взрослым столом, счастливо болтая ногами, и листала цветастые страницы из толстого картона от которых пахло свежестью. Мои пальцы внимательно изучали каждое изображение, каждого

маленького котенка, лисенка и утенка, а в мечтах я уже гладила самую настоящую свою собственную маленькую собачку.

– Ева! – мама нагнулась ко мне и радостно сообщила, – Дождь закончился! А это значит, что мы сейчас напьемся чаю и побежим с тобой в резиновых сапогах по лужам!

– Но мам, – я нахмурила свой маленький лобик, – Ты же обещала почитать со мной!

– Вечером! – мама забрала у меня книгу, – Давай мы почитаем с тобой после ужина, хорошо? Тем более нас в парке ждет папа!

– Это не правда. Папа работает.

– А вот и нет! Сегодня мы пойдем в парк и, может быть, если ты, конечно, захочешь, папа покатает тебя на машинках.

Каждый раз, когда мы гуляли в парке, отец любил катать меня на автодроме и забавно таранил остальных участников движения в этом аттракционе под мой громкий смех.

– Хорошо, – я кивнула, – Тогда почитаем вечером!

– Даю слово!

Мама рассмеялась, и, взлохматив копну моих светлых волос, принялась собирать вещи для прогулки. Я мгновенно поспешила ей на помощь. И вот, спустя пару минут, мы с мамой уже летели наперегонки через двор, шлепая разноцветными резиновыми сапогами по лужам.

У входа в парк мать поймала меня на руки и горячо за-

шептала на ухо:

– Папа обещал нам какой–то сюрприз. Думаю, он принесет тебе какую–то игрушку. Но только т–с–с... чур я тебе ничего не говорила.

– Хорошо, мамочка.

Я звонко рассмеялась и, быстро выпутавшись из маминых объятий, кинулась прятаться за здоровенной колонной, чтобы выпрыгнуть из–за нее и напугать отца. Мама последовала моему примеру. И вот, спустя пару минут наших ожиданий, ко входу в парк подъехала огромная, как мне тогда показалось, бордовая машина. Мгновение спустя из нее показался отец. И вот я уже собиралась накинуться на отца, но мать меня опередила.

– Володя! – мама совершенно не смешно вышла из–за колонны и быстро двинулась к отцу, – Что происходит?!

Следом и я выбралась из укрытия и направилась к родителям.

– Откуда это?! – мать ткнула пальцем в автомобиль, а ее голос дрожал от возмущения.

– Ева! Сладкая булочка моя! – папа, наконец, заметил меня и мгновенно подхватил на руки, а затем принялся целовать.

– Володя! Я задала вопрос! – тон голоса матери не предвещал ничего хорошего, это было понятно даже мне, трехлетке.

– А, это! – отец кивнул на джип, – Это наш новый авто-

мобиль! Нравится?

– Да-а! – я захлопала в ладоши. Теперь у нас будет своя большая машина!

– Нет! – мгновенно рявкнула мама, – Откуда она?

– Купил! – папа закинул меня на плечо и направился в парк, – Пошли кататься на колесе обозрения!

– Ура! – я захохотала.

– Откуда у тебя такие деньги?! – мама не унималась, – Это дорогая машина! Я же просила тебя, не соваться...

– Люда! Не при ребенке!

– Папа! А почему маме не понравилась наша машина? Она плохая, да?

– Зайчик! – папа спустил меня на землю, – Тебе показалась машина плохой?

– Не-ет! – я замотала головой.

– Вот видишь, – папа кивнул матери, – Ребенку понравилось! Сейчас прокатимся на колесе с моим пончиком, и пойдем учиться рулить! Как тебе такая идея?

– Да-а! – я завопила, – Мам, ты же с нами?

– Куда я от вас денусь, – мать устало кивнула.

И... внезапно мое маленькое тельце накрыло какой-то непонятной оглушительной волной, заставившей все внутренности содрогнуться. Из глаз полились слезы, застилавшие весь обзор. Я принялась мотать головой, чтобы понять, что же случилось.

– Володя-я!!! – первым звуком, обрушившимся на мои

уши, стал возглас матери.

Сильные руки отца подхватили меня и понесли в неизвестном направлении.

– Что за черт!!! – папа остановился, – Люда, возьми Еву! Что за черт?!

Мое тельце переключалось к матери.

– Мам, мне страшно, – я зашептала.

– Т–ш–ш, – мать принялась меня поглаживать, – Это папина машина. Она...она оказалась сломанной. И, знаешь, она...взорвалась.

– Ма–ам?! – я мгновенно принялась тереть глаза.

Перед нами, объятые жаркими языками пламени, полыхали остатки красивого бордового джипа, на котором еще пять минут назад приехал такой счастливый папа.

– Я же тебе говорила... Я же говорила, не связывайся... – мама кричала на отца, будто в парке мы были совершенно одни. Но на самом деле ото всюду сбежалась огромная толпа охающих и ахающих зевак.

– Люда! Прекрати! Замолчи! Это не то, что ты...

Внезапно из сумки отца, в которой он обыкновенно носил бумаги, раздался оглушительный писк. Дрожащими руками отец выудил сотовый телефон.

– Слушаю! – папа приложил аппарат к уху, – Что? Хорошо.

Папа убрал агрегат на место и спокойным тоном заговорил.

– Нам придется уехать из города. Прямо сейчас! Это ненадолго, обещаю. Понимаю, что ты не...

– Уйди! – мама завопила, а из ее глаз покатались слезы, – С глаз моих! Катись, куда тебе захочется! Только, умоляю, не трогай нас! Ты и твои махинации... чуть было... не погубили нашу Еву! Представляешь... если бы мы сели... Господи! Ева! Евушка моя...

Это был последний день, когда я видела родителей вместе. После того вечера отец пропал на пять лет, а мама долгое время отказывалась рассказывать, что произошло в тот злопамятный день.

Но в этой реальности, по всей видимости, все случилось по-другому. Или машина не взорвалась. Или мать решила поехать за отцом. Или отец передумал уезжать и завязал со своими делами. Хотя последнее было явно неверным предположением, судя по происходящим событиям.

Я вернулась из воспоминания.

– Э-э, – Леша тактично кашлянул, – я пойду, посмотрю, не подъехала ли машина за нами.

– Да, конечно, – я кивнула, – Спасибо.

– И многое ты помнишь? – мама, казалось, не заметила исчезновения Одиночки.

– Многое... Мам, скажи, ты... счастлива?

К горлу опять подкатился отвратительный удушающий приступ кашля, будто кто-то резко выкачал весь кислород из помещения. Но я все еще могла себя сдерживать.

– Что? – брови матери удивленно подпрыгнули, сделав ее похожей на Пьеро, – Почему ты спрашиваешь?

– Потому что это сейчас важно. Очень важно, – кашель душил меня до слез, пришлось ртом глотать воздух. Реальность поплыла перед глазами.

– Знаешь... Я не могу ответить на этот вопрос, – Мама закрыла глаза, – Но иногда я думаю о счастье, о том, что все могло бы быть по-другому. Что я когда-то давно совершила ошибку. Что во всех наших несчастьях виновата я одна.

Нет–нет–нет!

– Но это неправда, – я закричала, потеряв контроль над дыханием. Кашель накрыл меня с головой, заставляя сжаться с комочек и забыть обо всем, что происходит вокруг.

Если бы у меня в руках сейчас оказался тот самый волшебный пульт... Что бы ответила мне мама на вопрос о счастье, увидев, как изменилась ее жизнь, прими она решение развестись? Сказала бы она, что счастлива сейчас? Я никогда не узнаю ответа на этот вопрос.

Но я знала одно. Эта жизнь была для меня чужой. Я не Ева Вишневецкая. Девушка, которая жила здесь, была не особо разборчивой во всех смыслах. В ее мире возможны были любые мерзости и гадости, но главное даже не это. Главное – это отношение к происходящему. Для нее жизнь была игрой. А для меня – нет. Я готова переступить через унижения, оскорбления и прочие неприятности, если рядом те, в ком я буду уверена.

Возможно ли изменить здешнюю Еву? А зачем? Есть ли смысл идти в обход, если все равно вернешься в начало пути? А вообще, есть ли у меня выбор? Мне хотелось не просто быть счастливой, но и дарить счастье тем, кто в нем нуждается. А это значит, что выбора нет. И где я окажусь, кем я буду, открыв глаза спустя мгновение уже определено.

Глава 15

Полгода спустя

Утро последнего учебного дня выдалось особенно дождливым. Махровые тучи стянули небо плотной пеленой, отчего солнечный свет казался тусклым и серым. Будто погода тонко улавливала мое настроение. Внутри поселилось странное ощущение грусти. Я пыталась отогнать эти мысли, настроиться на позитивный лад, но выходило скверно. Хотя еще пару недель назад я отчаянно мечтала об окончании школьной эпохи. Но сейчас... откуда взялась эта грусть?

Я закинула пару тетрадей в сумку и, пригладив отросшие волосы, поспешно покинула родные стены. Всего один учебный год. Всего девять месяцев отделяли меня от взрослой жизни. Вместе с окончанием школьной жизни придет время принятия важных решений. И эта мысль не давала мне покоя. Как я в свои семнадцать лет могла решить такой значимый вопрос, как то, кем я буду через десять лет? Вдруг той, взрослой Еве не понравится принятое мною решение? Но время—то уже не вернуть...

– Ты причесывалась вообще? – Лиза, ожидавшая меня возле дома, ткнула пальцем в мои волосы, – Сегодня типа праздник.

Я отвлеклась от своих мыслей.

– Типа причесывалась. Просто ночь выдалась тяжелая. Го-

товилась.

– О, ладно. Извини, – подруга понимающе кивнула, – Думаешь, каким этот будет этот год?

– Я думаю, этот год будет лучшим.

Из-за дождя линейку со дворовой территории перенесли в физкультурный зал. Нас, как и всегда, выстроили ровными рядками, директриса читала свою монотонную речь, а затем несколько девочек из школьного ансамбля исполнили пару танцев. Неужели я все это вижу в последний раз?

И вот появился он. Мой Леша. Он вынес на своем плече маленькую девчонку первоклашку, которая оповестила нас о конце учебного года. Первого для нее и последнего для нас.

Леша уверенным, размеренным шагом, только вот глаза постоянно бегали из стороны в сторону. Мои губы расплылись в улыбке. Я еле заметно подняла руку вверх, но этого было достаточно. Едва Леша меня заметил, как его лицо преобразилось. В его карих глазах заблестели те самые знакомые искорки, которые так нравились мне.

Елизавета Антонова и Алексей Дорошенко являлись единственными персонажами в моей школьной вселенной. Других просто не существовало. К одиннадцатому классу я, наконец, сумела себя перебороть. Сумела принять себя такой, какая я есть. Нашла в себе силы, чтобы идти по жизни дальше, с гордо поднятой головой. Но всего этого бы не произошло, не будь рядом со мной таких верных спутников.

Едва представление со звонком закончилось, нас распу-

стили по кабинетам. Последний школьный день обещал быть недолгим. Поэтому мы с Лизаветой неспешно двинулись в сторону кабинета русского языка. Леша, скорее всего, задержится и будет помогать с аппаратурой школьному информатику.

– Леша и ты... вы все-таки вместе? – после недолгого молчания Лиза, наконец, озвучила мучавший ее вопрос.

– Не знаю, – я пожала плечами, – Это все очень сложно.

– Но ты любишь его? – подруга не унималась.

– Люблю, – лукавить не было смысла.

– Я так и знала! – Лизавета захлопала в ладоши, – А все отмалчивалась! Вы такая пара...

Мы проходили мимо туалетных комнат, и мои уши уловили какие-то всхлипывания. Рассказывать подруге подробности своих отношений с Алексеем мне сейчас совершенно не хотелось.

– Подожди, я сейчас.

По какой-то причине меня потянуло на этот непонятный плач.

Под стоящими вдоль стены ручкойниками прямо на голом полу сидела маленькая девчушка, размазывающая слезы по покрасневшимся щекам. Она вздыхала так тяжело и громко, что мое появление осталось для малышки незамеченным. Я аккуратно покашляла.

– Я не хочу с тобой общаться... – начала девочка, но едва ее взгляд наткнулся на меня, она мгновенно замолчала.

– Извини, не хотела отвлекать тебя, но, по–моему, этот день не такое уж и страшный, – я присела, – Ты, наверное, боишься школы?

– Не боюсь, – девчушка покачала головой, – Вообще–то, я третьеклассница.

– А чего ревешь, как первоклашка?

– Я ненавижу эту школу.

– Как я тебя понимаю, – я улыбнулась, – А поподробнее?

– Будто тебе есть до этого дело? – девчушка опять разревелась.

– А думаешь, я просто так тут стою? Рассказывай.

– Тебе будет не интересно, – малышка всхлипнула, – Ты взрослая. И во–он какая красивая. Не то что я, надо мной все издеваются...

– Знаешь, ты первый человек, называвший меня красивой, – я хмыкнула, – И что же с тобой не так?

Девочка подняла голову. И меня захлестнуло волной сочувствия. Внешность этой малышки очень напоминала маленького мышонка. На ее затылке был собран высокий хвост, выставляющий напоказ уши огромных размеров. А длинный нос казался несуразным для ее маленького детского личика. Огромные серые глаза, смотревшие на меня с такой болью, делали малышку еще больше похожей на маленького зверька. Кажется, я знала, какое прозвище придумали ей одноклассники.

– Крыса, – девчушка заговорила, – Меня так называют с

самого первого дня. А еще «уродина», «страшила»... Да, Я страшная. И они все меня ненавидят за это. Я не такая, как они. А я просто хочу хоть немного...хоть чуточку...

Она опять расплакалась.

Мое сердце сжалось. Но не от жалости. Я видела в этой девчонке себя.

– Как тебя зовут?

– Ира.

– Так вот, – я приземлилась на пятую точку рядом с Ириной, – Ира, наплюй ты на все эти дурацкие прозвища. Думаешь, у меня не было клички? Была, да еще похуже твоей. Прозвища придумывают только те, у кого мозги на большее не способны.

– Я знаю.

– Тогда, чего реवेशь?

– Мне еще восемь лет придется терпеть все эти издевательства. Я хочу провести здесь, в туалете. Как крыса.

Я вздохнула. Ира мне кого–то очень сильно напоминала...

– Послушай, а знаешь ли ты, что над тобой издеваются только потому, что ты сама этого хочешь?

– Что? – девчушка нахмурилась, – Не хочу!

– И почему ты тогда не даешь отпора своим одноклассникам? Почему ты сидишь здесь, и сама называешь себя крысой?

– А что я могу ответить? – Ира удивленно распахнула глаза.

– А что хочешь, то и отвечай. Главное, быть уверенной. Ты думаешь, что с тобой учатся одни красавицы? Да черта с два. У любой из одноклассниц есть или пороссячьи глазки, либо орлиный клюв вместо носа, а у какой–то, возможно, уже появились прыщи. Но обзывают тебя. Почему?

– Потому что я страшная.

– Потому что ты сама считаешь себя страшной. Вставай.

Девчонка послушно поднялась на ноги, я последовала за ней. А затем повернула ее голову к зеркалу.

– Смотри, – я распустила тугой хвостик на голове Иры, – Так лучше, правда? Ты должна полюбить себя. Если ты перестанешь считать тебя страшной, то и другим не будет дела до твоей внешности. А можешь вообще нарядиться маленькой мышкой, прикрепить себе хвост и надеть уши микки–мауса.

– Эт–то еще зачем?

– А затем, что ты покажешь окружающим, что тебе вообще все равно, как тебя называют. Ты превратишь свою кличку в свой имидж.

– Думаешь, сработает? – Ирина недоверчиво хмыкнула.

– Сработает, если ты сама в себя поверишь. И прекратишь плакать по туалетам.

– Может, проще сказать им, чтобы прекратили обзывать–ся?

– Попробуй. Но это вряд ли сработает, если ты молчала два года и принимала все унижения. Нет, тебе надо всех удивить. Показать, что ты сильная.

В глазах девчушки зажегся огонек надежды.

– У тебя есть друзья?

– Ну... подруга есть.

– Вот видишь. У тебя есть человек, которому ты близка и дорога. Ее мнение должно быть для тебя важнее, чем мнение всех одноклассников вместе взятых. Так почему ты сидишь и плачешь в туалете?

Жаль, что я сама себе вовремя не смогла дать таких советов.

– Потому что я глупая...

В дверном проеме появилась голова Елизаветы. Крайне недовольная голова.

– Ев, ну что ты тут застряла?

– Уже иду! – я протянула девчушке ладонь, – Готова выйти из своего убежища?

Ирина схватилась за мою руку, и мы вместе вышли из туалетной комнаты. Сейчас на лице моей новой знакомой появилось выражение, отдаленно напоминающее улыбку.

– Спасибо тебе.

Ирина помахала нам с Лизой рукой и рванула к лестнице. Ее светлые волосы запрыгали вверх–вниз.

– Что это за девочка? – подруга задумчиво смотрела вслед третьеклашке.

– Восемь лет назад я была ею...

Эпилог

– Красавица! – мама мягко провела ладонью по моим волосам по спине, – Юная леди!

Я расправила плечи и вновь взглянула в зеркало. Оттуда на меня испуганно смотрела некая смутно знакомая девушка в струящемся с хрупких белых плеч платье мятного цвета, русые волосы которой были затейливо уложены в замысловатую прическу, состоящую из переплетающихся прядей, которые водопадом спускались ей на плечи цвета снега. В этой незнакомке лишь по огромным серым глазам можно было узнать меня.

– Мам, эта, как ты говоришь, леди совсем на меня не похожа, – я кивнула на отражение.

– Да? – губы матери дрогнули в улыбке, – Мне кажется, что Леше очень понравится то, как ты выглядишь.

– Вот черт! Леша! Ма–ам!! – при воспоминании об Алексее, я поняла, что забыла одну важную деталь, – Бутоньерка! Где она? Я точно помню, что она лежала на полке вместе с платьем...

Я бросилась к шкафу и принялась судорожно перекладывать вещи с места на место, будто не было ничего важнее в данную секунду, чем этот маленький голубой цветочек на булавке.

– Постой, да погоди же ты! – мама меня остановила, – Вот

твоя бутоньерка, я ее специально ближе ко входу положила. Да что с тобой такое?

– Все в порядке, – я выдохнула, – Просто... мне страшно. Это же бывает раз в жизни. Праздник, концерт, шествие... Я стою перед воротами в новую взрослую жизнь, и совершенно не понимаю, как они открываются... Представляешь, я больше никогда не буду школьницей. Ни–ког–да. Теперь нужно будет принимать важные решения, куда поступать, кем быть, что делать... А если я не смогу поступить? А если мне не понравится заниматься тем, что я сейчас выберу...

– Ева! – мамуля легонько встряхнула меня, – Успокойся! Что на тебя нашло? Я всегда была в тебе уверена, уверена и сейчас в том, что ты точно знаешь, чего хочешь. И добьешься этого. Сегодняшний день особый, не спорю. Но ты его переоцениваешь. Никто не заставляет тебя становиться взрослой. У тебя есть я, а значит, пока еще ты точно будешь маленькой маминой дочуркой.

Из прихожей донеслась трель входного звонка, заставившая меня подпрыгнуть от неожиданности. Все–таки нервы и так были на пределе. Мама поспешила открывать дверь.

– Леша! Здравствуй! Какие красивые розы!

– Это вам, – донесся до меня любимый голос.

– Спасибо! Ты проходи, Ева, правда, сейчас немного занята мыслями о взрослении и саморазвитии.

– Мам! – я выскользнула в коридор, – Не пугай Лешу моими тараканами...

Бывший Одиночка стоял на пороге нашей квартиры в темно синем костюме, сияя такой любимой и такой ослепительной улыбкой. Мне даже показалось, что он на мгновение замер, разглядывая мой сегодняшний образ.

– Я на секунду забыл, зачем пришел, – парень затряс головой.

– Вот видишь, – мама мне подмигнула, – А ты хотела переодеться в свой старый свитер.

– Зачем свитер... – Леша удивленно захлопал ресницами.

– Мама шутит, – я трясущимися руками взяла бутоньерку с тумбочки и закрепила этот необычный цветок, окрашенный в тон моего платья, на пиджаке моего спутника, – Вот.

– Эй! – Леша перехватил мою ускользящую и дрожащую руку, – Так что там с твоими тараканами?

Ладони Алексея действовали успокаивающе.

– Мои тараканы сильно напуганы грузом ответственности взрослой жизни, – я пожалала плечами, – Только и всего.

– И правда, ерунда, – Леша улыбался, – Мне кажется, ты слишком серьезно относишься к выпускному. Это всего лишь вечеринка.

– И я ей о том же говорю, – мама согласно закивала, – Вы на время то смотрели? Вам бежать пора! Вручение аттестатов пропустите.

Мне пришлось трижды обойти комнату, прежде чем маленькая бежевая сумочка нашлась под ворохом вываленной из шкафа одежды. Еще пару минут заняли поиски мобиль-

ного телефона. Я сама поражалась своей невнимательности, но ничего с собой не могла поделать. Внутри сжимался и разжимался узел, напоминающий о предстоящем событии.

Наконец, спустя пятнадцать минут, мы с Лешей вышли на улицу, залитую ярким солнечным светом. В этом году двадцать пятое июня выдалось на редкость жарким. Воздух был пропитан летним зноем, а одежда мгновенно прилипла к телу, стоило только нырнуть во всю эту жгучую пучину. Казалось, что солнце именно сегодня решило приблизиться к земле на максимально близкое расстояние, чтобы порадовать выпускников.

– Фу–ух, боюсь, что до школы мне не добраться, – я подхватила подол длиннющего платья и поспешила вслед за Лешей.

– Это почему же? – парень привычным жестом подхватил мою ладонь.

– Потому что на полпути от меня останется одно единственное мокрое пятнышко. Нет, я серьезно. Эта жара убивает.

– Может, стоит вызвать такси с кондиционером?

– Тогда мы точно опоздаем. Бежим?

– Ага, есть вероятность того, что потоки воздуха будут сбивать температуру... – Леша принялся шутливо рассуждать.

– Очень в этом сомневаюсь, – я усмехнулась.

Леша ускорил шаг, я не отставала. Но я не учла один нема-

ловажный факт, на мне были туфли с десятисантиметровой шпилькой. Никто же не знал, что в такой день мне придется устраивать пятисотметровый забег с препятствиями на этих самых кошмарных шпильках.

Спустя пару минут пришло осознание всей нелепости данной ситуации. От этого я принялась хихикать. Это же надо, впервые в жизни на мне одето длинное вечернее платье, на голове красуется произведение парикмахерского искусства, на лице нанесена тонна пудры и румян вперемешку с тушью, помадой и тенями, а я в трезвом уме и твердой памяти несусь по улице, будто спортсмен на олимпийских играх.

И в это самое мгновение я, сверкая своей обнажившейся пятой точкой, запутавшись в подоле платья, полетела вперед. И если бы не Леша, то стало бы сегодня одной выпускницей меньше. Он подхватил мое тело в сантиметре от земли и попытался вернуть меня в исходное положение. Но не тут-то было.

– Мне кажется эту обувь придумали садисты чтобы издеваться над бедными девушками, – парень качал головой, выживая вконец испорченную туфлю из ливневки.

– Вот черт! – я наблюдала за туфлей, печально махавшей мне на прощание каблуком, и злилась на саму себя, – Такое могло произойти только со мной.

– Я видел в одном фильме, что можно оторвать каблуки, и тогда туфли превратятся в эти...как их...балетки...

Вид растерянного такого милого, доброго и отзывчивого

Леша казался чем-то из ряда вон выходящим. Поэтому я нацепила на лицо улыбку и сняла вторую туфлю.

– Да черт с ними, с этими каблуками. Сразу было ясно, что мы с ними не созданы друг для друга. Пойду босиком за аттестатом. Это даже лучше.

– У меня есть идея лучше, – Леша хитро подмигнул мне, а в следующее мгновение мое хрупкое тело оторвалось от земли и очутилось на руках у бывшего Одиночки.

– Что ты делаешь? Отпусти! – я принялась сопротивляться, – Я сама в состоянии идти! Ты же надорвешься!

– Ну уж нет! Неужели можно упустить такой отличный шанс поносить на руках любимую девушку...

При словосочетании «любимая девушка» сердце в груди странно сжалось, отчего по телу разлилось приятное тепло. И когда я, наконец, привыкну к этому?

Я прекратила всяческое сопротивление, и Леша, обнимая меня так, будто я была самым ценным грузом в его жизни, уверенным шагом направился в сторону школы. Хорошо хоть до нее оставалось метров триста.

Со стороны наше шествие, наверное, смотрелось очень романтично. Леша, высокий темноволосый молодой человек в элегантном костюме темно-синего цвета, нес на руках девушку в мятном платье, подол которого красиво развевался на ветру. И было совсем не важно, что лицо и волосы моего молодого человека взмокли от пота, а на моем лице, я уверена, появились предательские черные круги от косметики,

да еще и платье явно уже нуждалось в стирке. На самом деле главным стало то, что весь путь до школы мы смеялись, улыбались, шутили, будто кроме нас на свете вообще никого нет. Будто мы вовсе и не опаздываем на одно из самых важных мероприятий в нашей жизни. Главным было то, что мы были вместе.

На пороге учебного заведения было пусто, а это означало, что церемония вручения, скорее всего уже началась. Все еще хохоча, мы направились напрямик в спортивный зал, который единственный мог вместить в себя такое огромное количество собравшихся выпускников, их родителей, родственников, друзей, да и просто пришедших поглазеть на очередное зрелище.

На пороге спортивного зала дежурила раскрасневшаяся Елизавета. Ее глаза метались из стороны в сторону, а руки нетерпеливо теребили подол темно синего изящного платья. В ее волосах сегодня красовалась небольшая темная шляпка с перьями, а длинные густые каштановые волосы спадали каскадом на левое плечо. Сегодня она больше напоминала голливудскую актрису, чем обыкновенную выпускницу.

– И где вас черти носят? – глаза подружки чуть не выпали из орбит от удивления, – Что за новости? Дорошенко, ты что, блин, решил поиграть в рыцаря? Вы вообще в курсе, что церемония начнется через три минуты?!

Я спрыгнула с рук Алексея.

– У нас по дороге случилась одна неприятность...

– Тупфли! – Лиза, конечно же, заметила отсутствие на моих ногах обуви, – Где ты умудрилась их потерять?

– Это совершенно скучная и абсолютно неинтересная история, – Леша подтолкнула нас с подругой в сторону входа, – Дамы, спешу вам напомнить, что через пару минут Еве нужно будет выступать перед публикой, так что лучше нам прямо сейчас начать пробираться к одноклассникам.

Да, да, да... Мне нужно было выступить с прощальной речью перед всей этой публикой от лица нашего выпуска. Весь день я старалась не думать об этом ужасающем факте, но вот настал тот самый момент, когда об этом факте нельзя было больше забывать. Если у кого–то возник вопрос, почему в ораторы выбрали меня? То ответ был предельно прост: потому что в этом выпуске я была единственной золотой медальницей, так что у нашей классной руководительницы и выбора–то особого не было. В ином случае, разве позволили бы мне выступать? Думаю, нет.

Леша уверенным движением распахнул дверь в зал, и на нас обрушился оглушительный гул многочисленных голосов, усиленный эхом в помещении. Казалось, голоса атаковали отовсюду, и это заставило мое сердце сжаться. Неужели именно я должна буду сейчас что–то там говорить перед всей этой толпой? В глазах зарябило от обилия расцветок платьев присутствующих здесь девушек, а в носу засвербело от адской смеси из духов. В данный момент я была готова даже отказаться от медали, лишь бы прощальную речь прочитал

по бумажке кто-то другой, но только не я.

– Что все-таки произошло? – Лиза шла близко, но ее вопрос все равно мне удалось расслышать с трудом.

– Решетка ливневого люка решила полакомиться моими каблуками, только и всего, – я закричала в ответ.

– У моей мамы есть запасные балетки для меня...

– И где же мы ее сейчас найдем? – я подхватила подружку под руку и двинулась в сторону знакомых лиц одноклассников. – Все в порядке!

– Но как же ты пойдешь туда, – девушка махнула в сторону стойки с микрофоном, – босая.

– Это ты знаешь, что я босая, – я улыбалась, – Никто и не заметит. Вот еще один плюс длинного платья.

– Ева! Вот ты где! – классная руководительница замахала мне обеими руками, – Сюда! Сюда! Твой выход через семь минут!

Я послушно двинулась в сторону учительницы, пробираясь через толпу из одноклассников.

– Ева! – Лиза закричала мне вслед, – Круги под глазами убери!

Пришлось елозить руками по лицу для того, чтобы избавиться от излишков косметики, сильно рискуя заработать аллергические пятна. Нет, это определенно первый и последний раз, когда на мне тонна макияжа, лака для волос и длинное платье. Каблуки так и не дожили до моего диплома, ну и черт с ними. Похоже, что все эти девичьи штучки со-

вершенно для меня не созданы.

«Речь! Ева! Нужно думать о речи!» – я одернула себя. Как я там решила начать? Дорогие выпускники? А почему дорогие? Может лучше, «Уважаемые учителя и одноклассники...».

Момент, когда все голоса разом стихли, а в зале зажглись прожектора, освещающие площадку для выступления директора, я упустила. Просто в одно мгновение все эти раздражающие звуки вокруг разом перестали мешать моему мозгу заканчивать финальную работу над своей речью. В голове сразу появилась хоть какая-то ясность. По крайней мере, мысли не переключались на темы, которые обсуждали одноклассницы. А то с ума сойти можно от «у кого платье круче» и «кто с кем пришел на выпускной».

Директриса вышла на помост, облаченная в строгое бордовое платье и сверкая белоснежной улыбкой. Интересно, о чем она думает? Радует, что семьюдесятью оболтусами в ее школе стало меньше?

– Доброго всем дня! – голос Ксении Сергеевны разнесся по залу, – Я хотела бы сказать несколько слов напутствия нашим дорогим и любимым выпускникам. Школа на протяжении одиннадцати лет стала для вас, дорогие мои, вторым домом. Здесь вы многому научились, но и не меньшему научили нас. И, я верю в то, что наша школа во многом поможет каждому из вас добиться успеха. Конечно, многие из вас с возрастом полностью изменят свой взгляд на то, что вы сей-

час называете успехом. Для многих из вас успех это хорошая работа, приличная зарплата. Но мне хотелось бы верить в то, что для каждого из вас более важной вещью будет возможность прожить свою жизнь честно и не быть все время под давлением, не пытаться делать то, к чему не лежит ваше сердце. Я верю, что вы способны вносить вклад в любимое дело. Следуйте за своей мечтой! Вы вступаете во взрослую жизнь, именно от вас будет зависеть, как будут жить наш город, страна в будущем. В добрый час, и в добрый путь, уважаемые наши и дорогие выпускники!

Зазвучала громкая и радостная музыка, под которую на сцену вышла нынешний президент нашей школы, по-моему, ее звали Светлана, облаченная в строгий черный костюм с галстуком-бабочкой.

– Доброго дня, дорогие выпускники! – Светлана выговаривала каждое слово так, будто репетировала эту речь весь год, – Мы с радостью сообщаем о начале церемонии вручения аттестатов о законченном среднем общем образовании. И по традиции первыми этот документ получают гордость нашей школы, наши медалисты. Итак, мы с радостью приглашаем на сцену для вручения аттестата золотую медалистку этого выпуска, гордость нашей школы! Ева, просим тебя подняться на сцену!

Зазвучали аплодисменты, и ко мне пришло осознание того, что вот он – тот самый момент. Та самая точка невозврата. После получения этой самой красной корочки я переста-

ну быть одиннадцатиклассницей. Детство навсегда останется позади. И пусть о школе у меня останутся не одни лишь хорошие воспоминания, но зато именно в этом месте я нашла настоящего друга, сумела полюбить. А ведь не это ли главное?

Одноклассники расступились, пропуская меня вперед, а я, расправив плечи, как учила мама, направилась вперед, шлепая босыми ногами по деревянному паркету спортивного зала. Кто-то крикнул «Удачи!», кто-то похлопал по плечу... Но я старалась не отвлекаться на суету вокруг, чтобы не растерять по дороге все свои мысли, все то, что так хотелось сказать.

– Поздравляем! – Ксения Сергеевна пожала мою липкую от пота руку, – Ева внесла в научную жизнь нашей школы огромный вклад! Она – гордость нашей школы! Ева, от всех выпускников, именно тебе выпала честь сказать прощальное слово от всего вашего выпуска! Прощу!

Я кивнула и дрожащими пальцами обхватила протянутый директрисой микрофон.

– Итак... Всем доброго дня! – я попыталась проглотить мучавший меня ком в горле и заговорила дальше, – Сейчас мне очень сложно найти подходящие слова, потому что оратор из меня никудышный. Так что заранее прошу вашего прощения за свое косноязычие. Все мы сейчас стоим перед самым важным выбором в нашей жизни. От этого выбора зависит слишком многое...

Я втянула в легкие еще немного кислорода и продолжила.

– Признаюсь честно, я, как, наверное, и каждый из вас, очень боюсь ошибиться. В детстве мама меня спрашивала, кем я хочу стать. В семь лет моим ответом было «ловцом покемонов». Моя подруга, кстати, хотела работать жонглером в цирке. В седьмом классе, когда все грезили сериалами про врачей, мне страшно захотелось стать ветеринаром. Но сейчас, стоя на пороге взрослой жизни, кто из нас даст серьезный ответ на этот вопрос? Точно не я. Потому что... боюсь ошибиться. Но главное, ударившись лбом о препятствие, не сдаваться. На своем опыте знаю, что это очень, очень сложно. Но значит, именно вам необходимо было потерпеть эту неудачу. Потому что важно понять, что без поражений, не будет и побед. Главное сейчас это вера в себя, в свои силы. Чтобы потом, когда у нас спросят нравится ли нам то, кем мы стали, мы бы могли с уверенностью заявить, что мы действительно нашли свое призвание в жизни.

Стоило мне замолчать, как в зале на мгновение повисла оглушительная тишина. А затем аплодисменты лавиной накрыли все окружающее пространство. Кто-то радостно свистел, кто-то поднял руки вверх в качестве поддержки, кто-то кричал слова одобрения. Никогда раньше я не стояла перед публикой, которая бы так ясно давала понять, что мои слова не безразличны. И от этой мысли по телу разливалось тепло облегчения.

– Спасибо, – я кивнула и решила повторить слова дирек-

трисы, – В добрый час и в добрый путь!

В порыве радости я вышла из-за трибуны, приподняла подол платья, оголив босые ноги, и сделала реверанс. Это действие вызвало новую бурю из аплодисментов и свиста. Я подняла взгляд на всю эту бесконечную толпу, и глаз мгновенно зацепился за родное лицо мамы, светившееся от счастья. А рядом с матерью... размахивая руками, стоял отец. На его худом лице сверкала счастливая улыбка, а правая рука сжимала небольшой букетик из роз. Еще раз присев в реверансе на прощание, я принялась спускаться с помоста и направилась в сторону своего класса, откуда мне радостно кричал Леша в обнимку с Лизаветой.

Но за секунду до падения в объятия сияющего Алексея, меня перехватили чьи-то руки. Взгляд мгновенно перекинулся на обладательницу этих самых рук, которой оказалась ни кто иная, как Марина Колосова. Бледная, будто бы уставшая. Белоснежные волосы пышной копной спускались девушке на плечи, а черное платье-футляр подчеркивало изящность и стройность ее фигуры.

– Ты... молодец, – девушка коротко кивнула и отвернулась.

Я не ждала от нее извинений. Нет. Это выше ее сил. Даже эта простая фраза далась ей с трудом. Она никогда не поймет всего, что натворила. Но она задумалась, а это уже хоть что-то. Но внутри не было злости, ярости. Мне было совершенно плевать на этого человека.

Потому что я твердым шагом направилась к тем, кого любила, а внутри разливалось чувство абсолютного, безграничного счастья!